

УРАЛЬСКИЙ следоходим

сентябрь :

— Знаешь, как
там здорово!

Полет
в бездну

Вы готовы,
господа заговорщики?

По следам исседонов

Журнал «Уральский следопыт»

с 1 сентября по 1 ноября 2006 г.

проводит викторину для старшеклассников!

Вопросы викторины и условия участия на сайте www.uralstalker.ru Все участники получат подарки!

Главный приз

Новогодние каникулы в Чехии!

Все педагоги, ученики которых примут участие в викторине, получат призы!

Специальный приз для руководителя учебного заведения, предоставившего большее количество участников — **поездка в Чехию!**

Призы предоставлены
VIVA travel touroperator

Викторина проводится при поддержке Генерального консула Чешской Республики в г. Екатеринбурге.

Справки по телефонам: +7 (343) 233-16-93, 233-16-94.

Курсы чешского языка

Адрес: г. Екатеринбург, ул. П Тольятти 13А-6.

Телефоны: +7 (343) 233-16-93, +7 (343) 233-16-94, +7 (343) 355-92-88, +7 (912) 276-96-00

E-mail: vivatravel@inbox.ru, vivatravell@mail.ru

Начало занятий

— ноябрь 2006 г.

Продолжительность

— 6 месяцев.

Преподаватели

— педагоги Чешских вузов.

Главный редактор – Максим Фирсов
Редакторы разделов – Юний Горбунов,
Елена Минакова,
Андрей Беспутин

Худ. редактор, верстка – Юлия Ульянова

Художник – Ирина Освянинская
Набор – Валентина Кадочникова

Корректор – Надежда Челнокова

Интернет-верстка – Андрей Ключников

Учредитель – общественная организация

«Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Издатель – ООО «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин,
Сергей Казанцев,
Борис Стругацкий,
Геннадий Прашевич,
Олег Поскребишив,
Юрий Казарин,
Станислав Мешавкин

Наблюдательный Совет –

Евгений Виноградский,
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко,
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор,
заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

при поддержке
Министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 9, 2006
Издается с 1935 г.,
возобновлен в 1958 г.

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и大众信息部 (Министерством РСФСР).
ООО «Уральский следопыт»
обладает исключительными правами
на логотип и название журнала.

Рукописи принимаются отдельно не менее 12
л., по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице.

Каждая страница рукописи должна быть подписана
автором.

Обязательно прилагать информацию об авторе: указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
журнала, корректорскую и редакторскую правки.
В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, диктата, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия

ООО «Уральский следопыт».

Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62.

Подписано к печати 14.08.2006 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9.66.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО ПТЦ «ЯСА»

г.Красноуфимск, ул. Чапаева, 4

Заказ № 3557

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-249X

следопыт

сентябрь 2006

РЕКА ВРЕМЕНИ

Портреты

Н. МЕДВЕДЕВА

Далекое-близкое

А. ЛЕВЧЕНКО

Клуб собирателей

А. МАКУРИН

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ

Н. НАСРЫЕВА

А. ЯЛОВЕНКО

День Победы

И. ГЛАДКОВА

Заповедные земли

А. ПИЧУГИН

Занимательная нумизматика

В. ПУРОНЕН

Далекое-близкое

Е. МИНАКОВА

А. ДМИТРИЕВ

АЭЛИТА

Современная проза

А. ПАПЧЕНКО

Проекты «Уральского следопыта»

А. ПАТОКИН

Исторический детектив

С. БАННИКОВ

Дебют в «Уральском следопыте»

Я. КИРОВ

Сонсара

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Человек в экстремале

Ю. ШИШКИН

Человек и природа

Б. ГАЛЯЗИМОВ

В объективе — Урал

Р. ВАЖЕНИН

Записки очевидца

Р. ТИХОНОВ

Маршруты «Уральского следопыта»

Н. БЕРДЮГИНА

А. СЛЕПУХИН

Слово о земской учительнице 2

Конец Квантуэнской армии 4

Прощай, пионерское лето 15

Писательницы России 29

По следам исседонов,

или дорогой Аристея 63

Памятник императору

и «отвечное» золото Миасса 78

Ордена из кованого сундука 30

На вершине Старика-Камня 32

Клад из Кондинской тайги 60

Пять верст до родника 66

Князь Голицын и Жан Нотон 71

Сказки зеленого края 8

Проекты «Уральского следопыта» 26

Приглашение к рисованию 26

Хроники несостоявшегося времени ... 38

Сонсара 84

Из крайности в крайность 18

Полет в бездну 27

Хождение в Уральские горы 34

Нижнесергинские зарисовки 76

Наследие Предков 87

Все товары и услуги, рекламируемые в журнале «Уральский следопыт», имеют необходимые лицензии и сертификаты. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях.

Материалы рубрики «Добрые попугчики «Уральского следопыта» публикуются в правах рекламы.

Слово о земской учительнице

Школы... Вы долго храните память о своих выпускниках, но подчас меньше везет в этом отношении учителям. Бывает, уже никто и не помнит о тех, кто учил детей 60, 70 лет назад. А уж про столетний срок и говорить не приходится.

Голендухинская начальная школа в деревне близ Режа – счастливое исключение. Здесь знают и помнят о двух учительницах, работавших в ее стенах чуть ли не с самого основания – Елизавете Андреевне Ушаковой и Софье Алексеевне Троицкой.

Ушакова родилась в Режевском заводе в 1892 году. Родители могли себе позволить дать образование только одному из детей. Лиза была способнее других, выбор отца пал на нее. Дорога тогда была одна – в Екатеринбургское женское епархиальное училище, готовившее учителей для начальных школ.

Образование оно давало по тем временам очень солидное. Достаточно сказать, что в это время здесь преподавал русский язык и литературу П.П. Бажов. На его уроках не было зурбажек, страха перед учителем. Он учил детей на примерах из басен Крылова, произведений Пушкина, Лермонтова, Толстого. Кстати, они и женился потом на одной из своих воспитанниц.

Сохранилась открытка, датированная 1908 годом, с изображением здания епархиального училища, которую Елизавета Андреевна отправила тогда родителям в Режевский завод.

Жизнь воспитанниц была насыщенной. Помимо лекций, обязательное посещение церковных служб – училище было епархиальным, выпускницам предстояло работать в церковноприходских школах.

Но вот учеба закончена, и Елизавета Андреевна вместе с подругой Софьей Алексеевной Троицкойезжают работать в Глинки, а затем в деревню Голендухину и начинают службу в земской школе.

Глинская школа открылась в 1856 году как церковноприходская, а в 1872 году стала земской. В 1907 году от нее отпочковалась Голендухинская школа. Программа земского училища была шире, чем в церковноприходской школе – за счет уроков объяснительного чтения, на которых учителя давали знания по истории, географии, природе страны. По желанию учителей или родителей вводилось рукоделие, рисование или ручной труд. В отличие от духовного ведомства, земство видело в школе инструмент просвещения, искоренения предрассудков, невежества в народной среде, воспитания интереса к чтению, познанию мира. Здесь учили по «Родному слову» и «Детскому миру» К.Ушинского, книгам

Е.А. Ушакова (сидит). 1913 год

Л.Н.Толстого. Применялись новые методы обучения, например, наглядно-звуковой, позволявший детям месяца через два научиться читать. Земство практиковало педагогические съезды, краткосрочные уездные учительские курсы. Пермская губерния, куда входил тогда и Режевский район, была в России едва ли не первой по числу сельских земских школ.

Не сразу молодые учительницы привыкали к новому месту. Самая большая проблема – потеря привычного круга общения. Их окружали в основном неграмотные крестьяне. Квартирная хозяйка по простоте душевной говорила: «Что это Вы, Елизавета Андреевна, все вечерами дома сидите? Сходили бы, прогулялись по деревне. Глядишь, знакомство какое завели. У нас ведь тоже кавалеры имеются, и тоже в калошах ходят». Ношение калош было верхом воспитанности и интеллигентности. Находились у нее и поклонники. Например, сын купца Богатеева. Кстати сказать, его лавка «Бакалея, колониальные товары» до сих пор верно служит режевянам: в ней по-прежнему располагается центральный промтоварный магазин. Но Лизе симпатичен другой молодой человек

Нина Медведева – краевед, член Режевского историко-родословного общества.
В «Уральском следопыте» печатается впервые.

(к сожалению, теперь уже невозможно установить его имя). Он все время в служебных поездках по России. Почти приносит от него открытки из Читы, Иркутска, Новониколаевска, Красноярска, Томска. Этот роман в письмах продолжается несколько лет.

Чем жила сельская интеллигенция того времени? Жила общением. Елизавета Андреевна активно переписывалась с подругами по училищу из Сысертского и Невьянского заводов, Черемиски, Першино. Учителя участвовали в любительских спектаклях, каждый из которых становился в деревне событием. По воспоминаниям голендухинских старожилов, в школе для этого была построена сцена. Вспоминают, как один из крестьян, Степан Петрович Голендухин, чтобы пойти на репетицию очередного спектакля, вместе с женой праял лен, отрабатывая семейную повинность. Так велика была тяга к прекрасному.

Учителя подчас могли позволить себе и дальние поездки. Например, в 1911 году Елизавета Андреевна сообщает родителям о своем посещении Ясной Поляны. С восторгом она вспоминала о концерте в Москве Александра Вергинского.

Быт учительниц был обустроен по тем временам хорошо. В 1911 году земство построило новое школьное здание. В нем была предусмотрена квартира для учителей. Во дворе школы была конюшня, дровяник, баня, овощная яма, колодец...

1917 год изменил в России все. Какое-то время С.А.Троицкая и Е.А.Ушакова продолжают еще работать. Но в 1923 году «классово чуждые» учительницы отстраняются от преподавания. Только подушка знает, сколько было выплакано в нее слез. Завтра наступит утро, а в школу идти не придется. Не услышишь привычного детского гомона, не будешь читать неумелые каракули, не ответишь на привычное «Почему?». Ты не нужна. Ты — враг. Те, кто принимал решение об отстраниении учительниц, врядли учились у Бажова, слышали

Вертиńskiego, зачитывались Толстым. Скорее всего, они даже и не знали об их существовании. Система ценностей поменялась. Пусть в школу придет полуграмотный учитель, но зато новой информации, зато бедняцкого происхождения. Позже некоторое время в Голендухино учительствовала Анна Ивановна Гамалицкая. Но и ее убрали с преподавания. Причина заключалась в том, что отец учительницы был священником.

А подруги-учительницы уезжают в Екатеринбург. Устроиться по специальности Елизавете Андреевне не удалось. Работает чиновницей в Уралпросе. В свободное время посещает Театр оперы и балета. В 1924—1932 годах на его сцене блистала замечательная певица, меццо-сопрано. Фатима Мухтарова, по словам современников, «яркая экзотическая актриса, превосходная Кармен, Далила, Амнерис». Ее отец был первым, а мать татаркой. Такое смешение восточных кровей сообщало особый колорит ее незаурядному таланту. Молодая учительница становится поклонницей актрисы. Их дружба продолжалась более 30 лет. После отъезда Мухтаровой в Тифлис, а потом в Баку они общаются перепиской. В 1956-м Елизавета Андреевна едет на встречу с любимой актрисой в Ессентуки, где они вместе проводят отпуск.

А жизнь шла своим чередом. Уже после войны Ушакова поступает в Свердловский мединститут на должность ответственного секретаря деканата лечебного факультета. Но всегда с гордостью говорила: «Я — учительница».

Умерла Елизавета Андреевна 10 октября 1972 года. Ее похоронили на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге. Одинокая, не сгибающаяся под ветром рыбина выросла, никем не посаженная, рядом с ее надгробием. Говорят, иногда между человеком и деревом наблюдается поразительное, ничем не объяснимое сходство...

Е.А. Ушакова с учениками. 1910 год

Алексей ЛЕВЧЕНКО,
генерал-майор в отставке, председатель фонда Г.К.Жукова.

Конец Квантунской армии

3 сентября 1945 года Совинформбюро сообщило, что в связи с подписанием в Токио 2 сентября акта о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил, Приказом Верховного Главнокомандующего 3 сентября считается днем Победы над Японией, днем окончания второй мировой войны.

Ветераны войны хорошо знают: Великая Отечественная не закончилась разгромом Германии, она завершилась на Дальнем Востоке только победой над Японией.

Наше поколение помнит, что до начала второй мировой войны, т.е. до 1939 года главную опасность страна ощущала на Дальнем Востоке, где постоянно была угроза со стороны Японии.

Споры о приграничных территориях на востоке идут не одну сотню лет. Основной вопрос — о принадлежности Курильских островов, приоритет в открытии и освоении которых принадлежит России.

Курилы — это архипелаг, состоящий из 30 крупных и большого количества малых островов и скал вулканического происхождения. Он отделяет Охотское море от Тихого океана. Состоит из двух параллельных гряд — Большой Курильской и Малой Курильской. Его протяженность около 1200 километров. На севере острова примыкают к южной оконечности Камчатки, на юге — к японскому острову Хоккайдо. Рельеф островов преимущественно горный. Здесь около 40 действующих вулканов. 26 проливов соединяют Охотское море с Тихим океаном; из них удобных для судоходства шесть: Екатерины, Фриза, Уруп, Буссоль, Четвертый Курильский и Крузенштерна.

Государство, владевшее этими островами, полностью контролировало выход кораблей с Охотского и Японских морей в Тихий океан. По этой причине Япония постоянно претендовала на право владения всеми или частью островов.

Неоднократные попытки России наладить нормальные торговые отношения наталкивались на нежелание Японии, которая имела свои планы умножения территории за счет экспансии близлежащих земель, принадлежащих России островов, Камчатки и Северной Америки.

А.В. Левченко

По русско-японскому договору 1875 года царское правительство уступило Японии 18 островов Курильского архипелага в обмен на ее отказ от претензий на остров Сахалин. Таким образом, к этому времени полностью определились границы России на восточных рубежах нашей Родины. Но и в дальнейшем на наших восточных границах было много дипломатических и вооруженных конфликтов, когда силой оружия и политическими кознями агрессоры

Япония, Англия, США и Франция пытались доказать свои «права» на исконно русские земли. И во всех этих стычках и войнах на Дальнем Востоке основную роль играла Япония.

С целью захвата земель на материке Япония уже в 1894–95 годах вела войну против Китая, а в 1904–м развязала войну с Россией...

В январе 1918-го началась японская агрессия на Дальнем Востоке...

В конце 1931 года, оккупировав Маньчжурию, японские войска вторглись в северо-восточный, а в июле 1937 года в центральный Китай с целью захвата всего Китая...

В июле 1938-го японцы напали и захватили на нашей территории высоты Безымянную и Заозерную в районе озера Хасан...

Наконец, в мае 1939 года силами 6-й японской армии была предпринята крупная провокация в районе Халхин-Гола.

Это были крупные инциденты, а мелкие стычки на большом протяжении российско-китайской границы от Хасана до Даурии, где хозяйничали японцы, происходили постоянно. Мне, уроженцу и жителю Дальнего Востока, это хорошо известно.

Этими действиями Япония не ограничивалась. Готовясь к большой войне с СССР, она в сентябре 1940 года в Берлине подписала Тройственный пакт («СССР – Германия – Япония») и начала готовиться к нападению на нашу страну, постоянно усиливая Квантунскую армию, расквартированную в оккупированной Маньчжурии.

Чем сложнее для нас была обстановка на советско-германском фронте, тем явственнее ощущались намерения Японии. Несмотря на договор о нейтралитете между нашими странами в период Великой Отечественной войны, японские подводные лодки и ее флот топили и захватывали наши торговые суда в Японском море.

Траурные бронзовые плиты с наименованиями наших кораблей, потопленных в эти годы японским флотом, и фамилии сотен погибших моряков выбиты навечно на Мемориале во Владивостоке.

На конференциях стран антигитлеровской коалиции наряду с решением вопросов по разгрому немецких войск, начиная с 1943 года, возникал и вопрос вовлечения нашей страны в войну с Японией.

Лишь на Тегеранской конференции, в ноябре 1943 года, советская делегация дала принципиальное согласие на вооруженное выступление СССР против империалистической Японии. При этом было обусловлено, что выступим мы только после поражения гитлеровской Германии.

На Крымской конференции, которая состоялась в феврале 1945 года, был окончательно установлен срок вступления СССР в войну с Японией: через два месяца после окончания войны в Европе.

Начиная с апреля 1945 года, в соответствии с планом началась передислокация войск на Дальний Восток.

Для разгрома японских войск создавалось три фронта: Забайкальский во главе с маршалом Р.Я. Малиновским, 1-й Дальневосточный (маршал К.А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М.А. Пуркаев).

Главной ударной силой Забайкальского фронта была 6-я танковая армия, командовал которой генерал-полковник танковых войск А.Г. Кравченко. Ведение военно-морских операций поручалось Тихоокеанскому флоту и Амурской военной флотилии. Координация операций флота и армии поручалась адмиралу флота Н.Г. Кузнецovу. Командование Военно-Воздушными силами сосредотачивалось в опытных руках Главного Маршала авиации А.А. Новикова.

Огромная протяженность линии фронта (она достигала 8 тысяч километров), сложность и разнохарактерность привлекаемых сил и средств потребовали создания мощного и квалифицированного органа управления. Была создана Ставка советских войск на Дальнем Востоке. Главнокомандующим войсками был назначен самый авторитетный представитель Вооруженных Сил страны Маршал Советского Союза А.М. Василевский.

Всего к началу военных действий против Японии мы имели полуторамиллионную армию, более 29 тысяч орудий и минометов, свыше 5200 танков и самоходных артиллерийских установок и почти 5200 самолетов.

Главный удар наших войск был направлен на разгром Квантунской армии, насчитывающей почти миллион человек и являвшей основную силу сухопутных войск Японии. Командовал армией генерал О. Ямада.

Квантунская армия в Маньчжурии представляла собой группировку нескольких фронтов и армий и Сунгарийской военной флотилии. В Северной Корее дислоцировались войска 34-й отдельной японской армии. В воздухе имелись на вооружении около 1900 самолетов.

В непосредственном резерве командующего Квантунской армии находились войска марийнеточного государства Маньчжоу-Го, войска во внутренней Монголии и Суйюаньская армейская группа. Все они совместно насчитывали восемь пехотных дивизий, семь кавалерийских, а также четырнадцать пехотных и кавалерийских бригад. Большая роль предназначалась многочисленным отрядам «камикадзе», которые предусматривалось использовать в одиночку или мелкими группами для уничтожения командного состава и боевой техники Советов. Кроме того, Япония была готова к ведению бактериологической войны. В строго засекреченных отрядах Квантунской армии были созданы огромные запасы бактерий. Смертоносные бациллы были многократно проверены в отряде № 731 на людях различных национальностей в секретных лабораториях — на военнопленных.

Генштаб нашей армии знал и то, что Япония

А.В. Левченко

разработала план оборонительной операции в Маньчжурии, в котором предусматривалось измотать наши силы в упорной обороне и, получив стратегические резервы, перейти в контрнаступление вплоть до вторжения в пределы советского Дальнего Востока. Война предстояла с новым противником на сложном театре военных действий. И не только с коварным противником, но и с высочайшим горным хребтом, и с наводнением, которое создавало непроходимые участки местности. В течение многих лет оккупации Китая японская армия создала на границе с СССР линии укрепленных районов, встроенных в тайгу и горы. При этом необходимо было всю операцию — войну с Японией — провести в самые короткие сроки.

9 августа в 00 часов 10 минут по местному времени передовые отряды Забайкальского фронта начали боевые действия. Через четыре с половиной часа в бой вступили главные силы, не встречая почти никакого сопротивления. Основная ударная сила фронта — 6-я танковая армия — рассредоточив войска по колоннам, за первые сутки по бездорожью, преодолевая солончаки и песчаные барханы, продвижилась на 120–150 километров, а передовые отряды вышли на подступы к горным перевалам Большого Хингана. Предстояла схватка с горным хребтом.

Войска 1-го Дальневосточного фронта пересекли государственную границу в час ночи. Особенно упорные бои им пришлось вести при взятии города Муданьцзян, куда японцы пытались подтянуть силы.

2-й Дальневосточный фронт, преодолев Амур, с жестокими боями продвигался навстречу с Забайкальским фронтом. Кроме рассечения Квантунской армии, он должен был освободить Сахалин и Курильские острова. Корабли Амурской флотилии, войдя в устье Сунгари, завязали бои в укрепленном районе противника. Боевые корабли Тихоокеанского флота с морским десантом совместно с частями 25-й армии уже 16 августа овладели крупной военно-морской базой и городом Сейсин и вышли в тыл 3-й японской армии.

Оборона японских войск трещала по всем швам, и потребовалось меньше, чем планировалось, времени, чтобы окружение частей Квантунской армии было завершено.

Начало нашего наступления оказалось для японского командования неожиданным. Они ожидали наше наступление не раньше зимы, а то и весны 1946 года.

Приведу высказывание по этому поводу командира роты Квантунской армии капитана Иноэ. Дело было в 1947 году во Владивостоке. Он со своей ротой военнопленных работал на стройке жилого дома, а я во время учебы в институте подрабатывал десятником на той же стройке. «Внезапность и решительность действий ваших войск полностью нарушили систему обороны на нашем участке фронта и вынудили нас к капитуляции. Тогда мы поняли, почему немецкая армия потерпела поражение на фронте в России». До призыва в армию капитан Иноэ работал доктором в Токийском университете. В совершенстве владел многими языками, в том числе и русским. На стройке он командовал той же ротой, что и на фронте, и с которой сдался в плен.

Действия наших войск действительно были стремительными. Чего стоило, например, 6-й танковой армии генерала Кравченко пройти затопленную равнину по насыпи железнодорожного полотна от Тунляя до Чжаньу. Стокилометровый участок танковая армия прошла за сутки и овладела городом Чаньжу. Это дало ей возможность быстро выйти к побережью Тихого океана.

О трудностях преодоления очередного горного хребта хорошо сказал командир 1136-го стрелкового полка полковник Г.Савочкин: «Если бы мне сказал кто-либо, что наш полк пройдет по горам и ущельям 65 километров в сутки... я бы ни за что не поверил. А сейчас мы идем... При этом в полку 65 процентов молодежи 27-го года рождения... Так могут действовать только люди, сильные моральным духом».

Правительство Японии пыталось спасти положение и уже 14 августа объявило о своем решении принять условия Потсдамской декларации и капи-

тулировать перед союзниками. Однако приказов Квантунской армии об этом не отдавало.

Верховный Главнокомандующий Сталин приказал продолжать боевые действия, обратив особое внимание на захват командования Квантунской армии воздушными десантами, пока не состоится безоговорочная капитуляция.

18 августа в 19 часов советский десант приземлился на Харбинском аэродроме и в считанные минуты занял все его террииторию. Вскоре на аэродром к руководителю нашего десанта генерал-майору Г.А.Шелехову прибыл начальник штаба Квантунской армии генерал Х.Хата. Он и японский консул в Харбине Миякава были доставлены на командный пункт К.А.Мерецкова. Здесь Главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке Василевский объявил им порядок капитуляции и разоружения Квантунской армии к 12 часам 20 августа.

Пока проходили переговоры, воздушные десанты высадились еще в нескольких важных пунктах Маньчжурии.

18 августа в 13 часов 55 минут 225 смельчаков под командованием генерал-майора А.Д.Притулы десантировались в Мукдене. Их встретили представители «императора» Маньчжурии Пу И и начальник гарнизона. Вскоре в одном из зданий был обнаружен и сам «император», пытавшийся улететь в Японию. Он стал просить не выдавать его японцам и вручил письменное обращение к Сталину, в котором выражал благодарность и желал ему здоровья. В Мукдене с населением в 1 миллион 700 тысяч человек нашему тысячному десанту пришлось разоружить 70-тысячный гарнизон японских войск.

А бои продолжались! 22 августа 10 транспортных самолетов с десантом, прикрываемые истребителями, поднялись в воздух и направились в Порт-Артур. Десантом командовал майор Белодед. Возглавляя группу генерал-лейтенант В.Д.Иванов. Во время полета к нашим самолетам несколько раз пытались подойти японские истребители, но мощное прикрытие отгоняло их в сторону. Наши самолеты благополучно приземлились. Десантники, разоружив несколько мелких гарнизонов, в одном из районов города обнаружили командующего японским флотом в зоне Ляодунского полуострова вице-адмирала Кабояси. Он выразил желание сдать крепость и отдал свое оружие В.Д.Иванову.

23 августа над крепостью вззвился советский флаг.

К исходу 22 августа войска 39-й армии полностью заняли Ляодунский полуостров, освободив города Чаньчунь, Мукден, Дайрен, Порт-Артур, Тунляо и другие.

Квантунская армия перестала существовать. Ее разгром вошел в историю военного искусства как яркий пример высочайшего уровня планирования и проведения молниеносной операции, в которой участвовало более трех миллионов человек.

Освобождение Южного Сахалина, как и намечалось планом, началось 11-го августа. На полуострове насчитывалось около 20 тысяч солдат и офицеров японской армии и около 10 тысяч резервистов. Японская оборона начиналась вблизи государственной границы, проходящей по 50-й параллели.

Передовые укрепления японцев на высотах Лысая и Голая были захвачены внезапным налетом. В дальнейшем опорные пункты брались в жестоких боях. К полудню 11 августа поступили первые пленные, которые вели себя дерзко. К концу 12 августа передовые части достигли Харамиточского укрепрайона. Трое суток непрерывно шел бой. Японцы сопротивлялись отчаянно. 18 августа основные силы японцев сдались, но бои продолжались. А 20 августа порт Маока был взят морским десантом. 25-го наши войска овладели портом Отомари (Корсаков) и городом Тойохара (Южно-Сахалинск). Операция была завершена в срок. Сорокалетнее господство Японии на Южном Сахалине закончилось навечно.

Овладение Курильскими островами проходило в тяжелых боях войск 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота. Японцы имели на островах 80 тысяч солдат и офицеров.

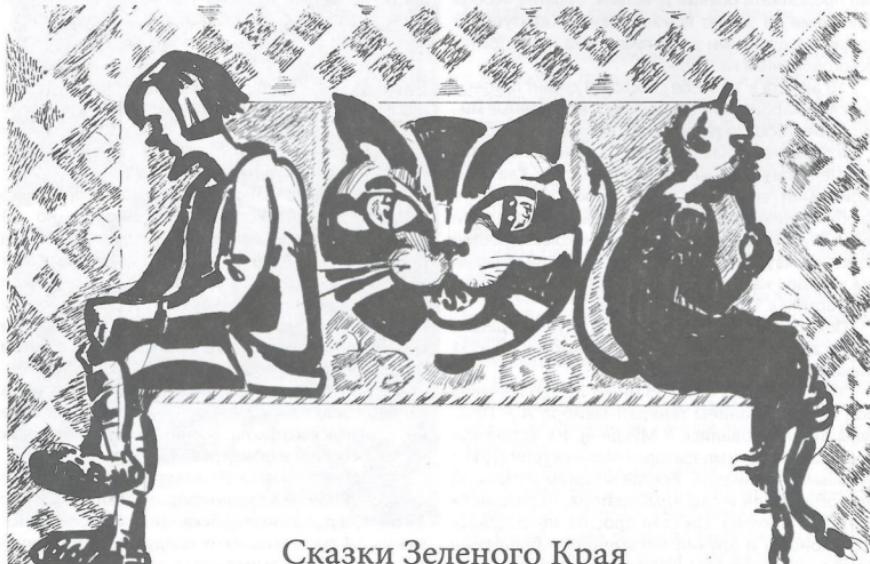
18 августа в 4 часа 20 минут началась высадка десанта. Японцы яростно сопротивлялись. Только 23 августа десантные войска заняли остров, разоружив 14 тысяч японских солдат. Командующий японскими войсками генерал-лейтенант Цуцуми-Фусаки по радио отдал войскам северной части Курильских островов приказ сложить оружие и выполнять распоряжения советского командования. Прием сдавшихся в плен солдат японской армии на островах продолжался до 2-го сентября.

23 августа в Москве прогремел салют в честь одержанной Победы над Японией. В тот же день Сталин подписал Приказ № 372. Этот исторический документ завершил Великую Отечественную войну.

2-го сентября в Токио представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил.

Передо мной лежит Федеральный Закон нашей страны «О днях воинской славы (победных днях России)», принятый Государственной Думой 10 февраля 1995 года. Законом установлено 15 дней воинской славы России. Но 3 сентября – Дня воинской славы, дня победы над Японией – в Законе нет. Это недопустимая ошибка в нашем законодательстве. Сейчас самое время ее исправить. Ведь в этой битве, в этой Победе участвовало около трех миллионов человек. Этот день знаменовал Победу, приведшую к окончанию самой кровопролитной войны за всю историю человечества.

Мы, ветераны Отечественной войны, поздравляем участников войны с Японией, поставивших точку в победоносной Отечественной войне. Поздравляем всех россиян с праздником – Днем окончания второй мировой войны!

Сказки Зеленого Края

Егорка, Бармалейка и Черт

Не знаю, братцы, как там, где и кто, а вот у нас раньше бабы красиво песни пели, а теперь мужики. Не-е, мужики поют не так красиво, но уж очень стараются. И то, когда раньше мужикам песни было распевать, если они на хозяйстве цельный день топчутся? И коровку подои, и бельишко простерни, и избенку подмети, и ребятенку сопельки подотри, а когда баба домой вернется, ты уже должен во всей красе перед ней предстать — борода причесана, рубашка оглажена, портки... в общем, тоже оглаженные. А то, баба она ведь такая! Неровен час, разлюбит и к другому мужику ухлызидт.. Более опрятному во всех отношениях.

Так что, пока мужики труд домашний работали, бабы в это время бражку попивали с подружками, когда в домино им резаться наскучит. А натрескаются, бывало, женщины бражки, и давай высматривать друг у друга:

— Ты меня уважаешь, Валя?

— Уважаю. А ты меня, Света, уважаешь?

— А то! Не понимаю куда мой деньги девают.

— И я не понимаю, Валя... Вот те крест — не понимаю!

Сойдутся на том, что обе они уважаемые и обе не

понимают, обнимутся и, покачиваясь, чешут с песнями по домам. И по дороге так задушевно мелодии выводят, что чёрта аж завидки берут.

Вот, бывало, брякает чёрт в аду клавишами своего чертеяньяго клавесина. Чёртов клавесин, братцы, это такой адский инструмент, специально созданный, чтоб досаждать грешникам. Его молоточки не по струнам лупят, как это происходит в обычном инструменте, а чешут грешникам пятки. Естественно, грешники от щекотки повизгивают. Только всё не в такт повизгивают. Всё не гармонично как-то. Фальшивят нещадно, грешные души, и оттого у чёрта в зубах оскомина заводится. Тогда для утешения нечистая сила обвязывает от зубной боли лицо компрессом и кидается к перископу, чтоб на мир земной посмотреть. И что она, нечистая сила, там видит и слышит в своём перископе? Как весёлые бабы возвращаются с красивыми песнями по домам, вот что она, сила эта нечистая, видит и слышит.

— Виновата ли я, виновата ли я, когда пела ему про любовь! — забирают бабы, и ни одного фальшивого словечка...

— Эх! Вот как надо! — восклицает черт, поворачиваясь к притихшим грешникам.

И однажды случилось, иными словами, произошло — в очередной раз раздосадованный бабьими песнями, чёрт решил положить окончательный конец бабьему песенному безобразию. И выдумал он каверзу. Уж больно бабы бесшабашны! Вредности в них маловато, что ли, или жадности? Или того и другого сразу? И послал чёрт одному мужику специального закала бабу. Выбрала нечистая сила, бобылька Егорку, и на тебе, не успел тот оглянуться, как обнаруживает в своей кровати женщину. Ляпнулась, аж одеялко к потолку подлетело, и уже спит.

«Следовательно, жена, — подумал проснувшийся Егорка, — кому же еще сюда ляпаться...».

Вот кот у Егорки проживал, по имени Бармалейка, знаменитый тем, что был в два раза поперек морды шире, даже если считать его толщину вместе с усами и хвостом. Так жену чёрт послал Егорке, во первых, шире самого раскоркленного кота, во вторых, такая её нежность кожи в глаз Егорка бросилась, а в третьих, такие пухости и выпуклости и всё прочее у неё обнаружилось, что Егорка наш, не при детях будет сказано, как-то даже оробел. И попятился из спаленки. Прикрыл плотнее дверь, чтоб супружник сон не нарушил и стал хозяйством своё, не при детях будет сказано, приводить в порядок, чтоб, следовательно, когда жена проснется, был у Егорки во всем полный алюр. Бармалейка, естественно, ему помогает.

Бельишко они стремительно простиринули, полы подтерли, с полок-кладовок на стол варенья разные, соленья мечут, а тут как раз Егоркина жена проснулася и из спаленки вышла. Ну, кот по линейке «смирно» ей честь отдаёт. Егорка промаршировал к столу и приглашает жену откусить. Однако баба Егорке досталась не простая.

— Увольте, Егор Тимофеевич от вашей еды. Может это замыливание глаз, — говорит. — Хочу для начала, прежде чем стать вашей навек, хозяйство ваше оглядеть. Какие такие достатки у вас. Или, может, чего не хватает по сравнению с другими мужчинами? А?

— Полный достаток! Всего хватает по сравнению! — испугался Егорка, не подозревающий на этот момент времени о странных поворотах внутри женского характера. Да и то, откуда ему было подозревать, холостяку от рождения, о таких тоenkостях?

Пошла Егоркина жена по подворью хозяйство смотреть и осталася очень довольна. Курь приветливо делают ей на книксен. Поросята в улыбках застыли, будто в чайных розочках фарфоровая агитация. Хвостиками и так и эдак и просто черт-те что выкобенивают. Не оторви глаз. Коровка вежливо приветствует:

— Жирность парного молока сто один процент!

Все здоровы и упитаны и стремятся доставить удовольствие хозяйке. Бармалейка почетным эскортом позади следует, чтоб хозяйка, значит, не ступила ножкой своей куда не следует, если на дороге всётаки попадется что не следует...

Огляделася баба — вроде всё у Егорки есть, но тут

её взор через забор на улицу нечаянно обратился. А там как раз чужие мужики мечутся. Кто воду с колодца на коромысле тащит, кто сено на возу сопровождает, кто просто так, по своим делам шляется...

— Ах! — взялася за сердце Егоркина жена.

Егорка и Бармалейка во фронт — что такое, изволите, значит ваше «Ах»?

— Позвольте вам! — Егоркина жена пришла в сильное волнение. — Как же так?

Егорка с Бармалейкой переглянулись — чувствуют, сюжет повествования разворачивается в непонятную для них сторону.

— У всех мужиков борода, а это что за крысиный хвостик? Чувствуете разницу?

Ну, Егорка сдуру и отвечает:

— Нет. Не чувствую.

— Ах, не чувствуете! — воскликнула супружница и как взвизгнет, как хватит Егорку за волоски на его подбородке. Как поддернет. Как... Короче, кабы не сомлевший от таких страостей Бармалейка, что ляпнулся в обморок на ногу Егоркиной хозяйке, непонятно чем дело бы кончилось. А так схватилась та за ушибленную ногу и помчалася в избу строить истерику по всем правилам. В смысле красивого припадка.

— У других мужчин борода как борода, а только у моего непостижимое что-то! Без пышной шикарной бороды хозяйство нецельное! — доносится из избы, аж ставни хлопают. — Как жить, когда в хозяйстве самого нужного нету?! Самого необходимого?! Говорила мне мама! На кого я лучшие годы?! Что это за жизнь с бородой из трех волосков! У других мужчин их мильон! Три и мильон — чувствуете разницу? — высунулась в окно жена.

— Чувствую! Чувствую! — шарахнулся, наученный горьким опытом Егорка.

Так Егорку посетил неразрешимый вопрос — где взять бороду?

Время движется — жена Егорку бородой пилит. Вернее, её отсутствием. Отощали Егорка с Бармалейкой. С лица сдвинулись внутрь, аж кости наметились от мыслей — как быть и где, скажут на милость, взять нормальную, полноценную бороду?!

Настанет Новый Год. Народ гуляет — эх! Музыки, шум, гирлянды разные. Подарки друг другу граждевы делают, и, следовательно, угощения всякие...

Бармалейка и Егорка с женой за праздничным столом сидят. Все у них как у людей. Сидят, граммофон слушают. Бармалейка лапами тени разные от лампы на стенку пускает — словом, весело.

Тут Егорка жене колечко протягивает:

— Вам подарок!

— Очаровательно! — примеряет супруга колечко, а сама: — Только, наверное, оно невозможно дорогое?

Испугался Егорка, что жена его за пустые тряпки пилиить станет и отвечает:

— Это не я купил, это Дед Мороз вам принес! И Бармалейке тоже кое-что передал.

Сказал Егорка и протягивает коту мельхиор-

вую мышеловку, украшенную гравировкой «Вовек и прочее. Твой Егорий». Но жене надпись читать недосуг, потому как она незаметно от сидящих за столом ружьишко из угла потянула. Это ей казалось, что незаметно, а у Бармалейки и Егорка от этого замаскированного действия челюсти отпали. Кот опять стал обморочные признаки подавать, но Егор его под столом ногой пихает — держись, милое животное. И глазами многозначительно коту расщуривается — если бы супружница из жадности за растрату денег на кольцо и мышеловку сразу хотела нас застrelить, так не прятала бы ружье за спиной. Бармалейка на это Егору глазами — с её, жадины, станется!

Неся на лице улыбку, а ружьё за спиной, супружница вымыгнула из дома, как бы по нужде, и тут Бармалейка не выдержал.

— Господи! Какие нервы нужно иметь! — воскликнул он и хвять ножницы с полки.

— Нет! — брякнулся Егорка на колени, — Только не это! Не зарежешься — покалечишься, за одни расходы на лекарства жена меня со свету сживет!

— Что вы, в самом деле, как этот? — стукнул два раза Бармалейка гулко себя по лбу ножницами — бац! бац! и в ответ две бутылки шампанского на столе пробками в потолок — хлоп! хлоп! а во дворе раздались оглушительные выстрелы — раз, два! Вот такой эффект потрясения!

— Страсти господние! — закричал Бармалейка и чик, чик, чик ножничками. По полоскам на своем теле. Чтоб мех однотонный.

Увидел это Егорка, как хватит открытую бутылку шампанского со стола, и выпил всю из горлышка. А пока он пил, кот состриженные с себя волосы в мед обмакнул и к Егоркиному подбородку ловко прилипли. И получилась натуральная борода. Егорка за бороду схватился, не знает, как на этот экспромтный демарш реагировать. Потом говорит:

— Ладно, скажу жене, что Дед Мороз бороду мне принес в подарок! Иного не остается. Пусть приимет за праздничную шутку.

И в этот момент входит с улицы Егоркина жена и в картииной позе, еще не замечая Егоркиной «бороды», с порога, не прикрывши за собой дверь, заявляет:

— Какое несчастье! Горе какое! Подарков вам не будет — только что на моих глазах Дед Мороз у нас во дворе застrelился. Два выстрела в упор. Точно в сердце навылет. Вот вещественное доказательство, — и протягивает ружьё. — У нас спёр ружьишко дедушка, когда вам подарки приносил.

Это Егоркина жена придумала, что на новогодние подарки для кота и Егорки не разоряться. Вот какая злыдня жадина. И тут она увидела «бороду» Егоркину, уставилась на неё, глазам поверить не может...

— Не может этого быть... чтоб Дед Мороз... — тем временем, шепчет потрясенный Егорка, на которого хмель уже производит свое действие.

А Бармалейка на это:

— Еще как может! — и Егоркиной супружнице. — Действительно, только вы во двор выбежали, как влетает Дед Мороз. Срывает с себя бороду и нашему Егору на лицо прицепил. И говорит, не могу смотреть ваши страдания семейные без слез. Потом схватил ружье, выбежал во двор и... И вот полюбуйтесь...

И Бармалейка небрежно показал хозяйке свою, поврежденную ножницами, шкуру:

— Когда Дед Мороз стрелялся... Обратите внимание, шрапнель прошла каким-то рикошетом — я чудом уцелел.

И тут захмелевший с шампанского Егор вспылил, вошёл в раж и как крикнет:

— Что?! Из-за меня Дед Мороз застрелился?! Из-за этой мочалки волосатой, бороды! Извольте, сударыня! — срывает с себя бороду и кидает ей супружнице. Ну, естественно, «бороду» сквозняком в раскрытую дверь. А на дворе ветер. Поземка. Подхватил ветер клок Бармалейкиной шерсти и понес за окопицу.

Тут супружница как всхлипнет:

— Не позволю хозяйство на ветер! — и бросилась вдогонку за бородой... От жадности забыла, что сама про Деда Мороза авантюру изобразила. А Егорка с Бармалейкой не увзялся следом. Сели за стол и за головы держатся.

Попробуй догнать клок кошачьей шерсти, когда тот летит по ветру. Однако же супружница Егоркина пробует. Жалко ей, виши ли, терять добро, о котором столько мечталось. Бежит баба по заснеженному полю, под ноги не смотрит. И вдруг хлыбься! Засцепилась ногой за некий предмет странной формы, выторкнувшийся из под снега на краю обрыва.

Конечно, откуда было Егоркиной супружнице знать, что это чёрт опять свой перископ из ада выставил и на мир земной плятится. Да, верно, не вовремя высунулась чертеньяка. Потому что увидела нечистая сила в окуляре только какую то здоровенную пятку или рожу, и тут же разверзлась над нею темнота. Грешники в аду притихли — не каждый день видишь валяющегося на полу бессознательного чёрта...

А как получилось. Запнулась на бегу Егоркина супружница за торчащий из снега перископ, и тот другим своим концом врезал чёрту промеж глаз. Женщина, естественно, с обрыва кувырк! И пробив с размахом дно оврага, очутилась в аду быстрее, чем я это вам тут рассказываю.

Оклемавшийся чёрт и оклемавшаяся баба расселились на полу пресподней и медленно в сознание своей приходят. Осознают, так сказать, новую реальность. И тут баба, разглядев наконец бородатую чёртятью рожу, как крикнет:

— Ага! Так вот она моя где борода!

И как вцепится чёрту в бороду. И как давай отрывать. Чёрт от бабы удирать: казаны копытцами сшибает, клавесин набок опрокинул... Грешники от испуга блеют и такой тарарам в аду поднялся, что Святой Петр, дремавший на небесах на завалинке

чистилища, проснулся, обеспокоился и в пароходный раструб как рявкнет:

— Аллэ, в машинном отделении! Прекратить не медленно безабразию!

А в ответ ему из растрuba бабьим голосом как взигнёт:

— Дяденька, скажите, нехай черт бороду отдаст!

Бегает чёрт по аду от Егоркиной супружницы и думает: «Сам, сам виноват! Зачем таку холеру Егорке в жены подсунул?! Не иначе бес меня попутал... То есть сам себя запутал!».

А тем временем Бармалейка и Егорка за столом праздничным сидят и еще непонятно им, радоваться или печалиться, оттого что баба исчезла. Сидят и наслаждаются тишиной, когда вдруг входная дверь скрипнула и тихонько приоткрылась. Глянули Бармалейка и Егорка и обмерли — стоит на пороге чёрт. Да весь какой-то подержанный — от бороды три волосинки, рога набекрень, на голове шишак, хвост узлом военно-морским, под одним затекшим глазом «фонарь» тлеет, а другой растерянно бегает по сторонам, будто ищет щады.

— Здрасте... — черт им.

— И вам не болеть, — в два голоса наши домочадцы.

— Вот что... — чёрт смущенно повозюкал копытом

по половику. — Ты это... бабу, это, свою... обратно это... забирай.

— Снова?! — опешил Егорка.

— Опять?! — покачнулся на ногах Бармалейка.

— За это не беспокойся, — заторопился, зау湍ился чёрт, прикладывая сосульку к шишаку на лбу. — Мы там посовещались... — черт поднял свой единственный глаз к небу, — ...и пришли к выводу. Все будет по другому! Это абсолютно! Сам не возражает.

— Ну, тогда ладно, — нехотя согласился Егорка... — Если сам дает добро.

— Это ж уму непостижимо, какие нервы надо иметь... — прошептал кот Бармалейка, усаживаясь на лавку, — ...когда имеешь дело с женщинами.

И Егорка принял в объятия свою жену. Все ж таки, кроме характера, у неё были другие разные достоинства...

И вот с тех пор, братцы, в мире земном все переменилось. Теперь уже бабы бегают по хозяйству, за водой да за хлебом, а мужчины с друзьями домино зашибают. А когда надоест им домино, выпьют они бражки и с песнями идут домой. Оно, конечно, мужик не так красиво поёт песни, как раньше бабы, зато все при своих бородах...

И за то черту спасибо!

Про зачарованного принца, и еще про Коечто...

Я не знаю как там где, но только у нас детей находит, а не просто так. Обыкновенных мальчиков, следовательно, находят в обыкновенной капусте, а тех, которые принцы, в брюссельской. Это у нас такой шик. Девочонок же, без разбору звания и положения, нам приносят журавли. А всем известно, что это за птица такая, журавль. Только дай ей волю, так она тут же глазенки свои вытаращит, хвостище отклычит, шею вытянет и чешет себе с песней по небу, обо всем, следовательно, забывая... И отсюда, из-за этой такой особенности журавлиной, у нас возникают всякие путаницы и разные затруднения. И несуразицы. И вот об этом, и еще кое о чём, наша история...

Итак, жила-была на белом свете одна женщина, по фамилии Пожилойгод. И мечтала эта женщина о таком страшном пугале, чтоб редкий мимопрохожий в штаны не наложил от одного только его вида ужасного. А всё почему? А потому, что повадились журавли до тетки. Ей-Богу, будто муки на мед. Будто у Пожилойгодих там медом где-то намазано. Скажите-ка на милость! Повадились журавли и накидали

женщине девчонок полную избу. Целых три штуки — Ну, Ну и Ну. Не сразу накидали, врать не буду. Не всех скопом. В рассрочку. Но даже и в длинном растянутом виде это девчачье нашеество произвело на тетку такое своё неизгладимое впечатление, что аж... аж... Одним словом, хоть ложись и помирай! Или трескайся от злости.

Ну, Пожилойгодиха, женщина опытная, не стала дожидаться худшего, спохватилася, значит, и срочно умотала к ближайшему королевскому замку воровать рассаду брюссельской капусты. И это верно! Когда еще пугало ужасное построить удастся, а так хоть девок своих замуж повышает за принцев. Брысь, кошка из лукошка, марш, девка, в мужчин дом!

Ползая среди ночи по грядкам королевского огорода, накрала Пожилойгодиха замечательной рассады брюссельской капусты и немедленно посадила её у себя на грядках.

Гладко ли, коротко, или, наоборот, против шерсти, но только однажды пошла женщина Пожилойгодиха по нужде в свой огород. В смысле, нуждалась

она в свежевыкопанной морковке, но нашла там, как и надеялась, хотя уже и сомневаться стала, посреди кочанов брюссельской капусты принца. Застенчиво озирающегося по сторонам. Еще бы он не озирался! Какая нелегкая его на чужой огород занесла? В таких расписных штанах с вензелями, в сапогах со шпорами и при шлаге? А где королевский замок? Или это неуместная такая шутка?

— Ваше высочество! — заверещала не своим голосом на принца опешившая Пожилойгодиха. И то, не каждый день по твоему огороду шляются королевские особы. «Это не шутка!» — догадался принц и сквачился за шлагу. У принцев хвататься за шлагу все равно как почесаться в носу. Привычка у них такая врожденная.

И тут случилось! На голову раздраженного их высочества упал хрустальный башмак. Прямо на макушку, следовательно. Каблучком по темячу — ляся! От этого сотрясения в голове принца что-то подвинулось и попятилось. Одним словом, ум его зашел за разум. Сунуло его высочество принц свою шлагу в ножны и сквачилась за голову. Потом за сердце сквачилась. Потом подняло с земли прилетевшую с неба хрустальную обувку, и при виде её ему немедленно захотелось жениться! Просто вынь да положь невесту. Прямо тут, на грядках! Сразу и навеки! И чтоб обязательненько умереть в один день.

Наверное, до рождения принца сказку про Золушку читал, и теперь она напомнилась ему, или может еще почему, об этом истории умалчивает, но как обрадовалась Пожилойгодиха такому повороту событий! Она-то думала, что ей придется уговаривать принца жениться. В баньке добра молодца парить, или чё там еще в сказках делают с женихами? А жених будет выкабенчиваться себе и фыркать — подайте мне мыло! Что вы мне суete? Земляничное, говорю!

— Кому! — тем временем закричал принц, — Эта туфля налезет, на том немедленно! Вот просто сию секунду! А что? Женюсь!

И помчался, тренякая шпорами и топча картошку спагетти, в хату.

— А чтоб ты не дождался! — восклинула восхищенная таким молодечеством Пожилойгодиха и бросилась за ним следом. Плевать на помятую картошку! От нахлынувшего счастья женщина руки кренделями заламывает, уже воображая себя королевской тещей!

А в это время на опустевший огород приземлился журавель. Косянку в клевые держит, а в косянке, следовательно, девчонка, ненача на качелях болтается. Очень подвижный попался журавлю ребенок. Это с её ноги хрустальный башмачок свалился, который ушиб принцу голову. А как получилось? Журавль, по обыкновению закатив глаза и отключив хвост, курлыкал себе по небу, скимая зубами косянку, в которой, значит, девчонка болтась. А когда Пожилойгодиха заверещала, разглядев на грядках принца, журавль переполошился от неожиданности, заложил полет штопором, и туфелька с ноги девчон-

ки соскользнула...

Ну, журавль немедленно на посадку. Неукомплектованное дитя нести туда, где его заказывали нельзя! Это строго! Дитя выдают журавлю под расписку. Порядок такой! Дитя одно, женского полу, туфли на нем две, ну и все прочее при нем в наличии, о чем убедитесь! Подпишитесь тут и тут и вперед к будущим мамам, папам.

А тут такая незадача — дитя разулося! Хоть, господу Богу, на глаза не показывайся! Положил журавль косянку с девчонкой в грядки и бегает в панике по огороду, башмак, следовательно, девчачий ищет, а в теткиной избе, в это время, тарарам!

Едва переступил принц через порог хаты — сразу шлагой угодил в квашню, которую наступил на хвост, а головой за белье, сохнущее на веревке, зацепился! Такие уж лентяйки теткины дочки, что всюду у них беспорядок. Да и кот у них невероятно ледащий! Вечно поперек дороги валяется, брюхо свое языком нежно щупливает — не уменьшилась ли в объеме талия ненароком?

Кот как заорет:

— Кого привели, дурня, незрячего?! Пусть под ноги смотрят, когда кое-кто на дороге спит!

Бу, Ну и Фу давай визг визжать, так как солнце пополудни, а они всё еще в исподнем щеголятся, следовательно, панталонами. Одним словом — не супре.

Бубнит:

— Бу-бу, носят черти всяких спозоранок ...

Ну нудит:

— Ну и ну! Неуклюжий.

Фу фырчит:

— Фу-у, маман! Это не шарман!

— Плизир за компромант! — из последних сил держит фасон Пожилойгодиха, заслоняя обзор ошеломленному принцу, чтоб тот, не дай Боже, не опомнился до времени! Чтоб не засомневался, пока, значит, его не того. Пока не окрутят. А девки разглядели на гости штаны в вензелях и давай метаться в платья. Естественно, кому замуж не хочется? Не знаю, как там где, а у нас таких девок не водится, чтоб им, значит, не хотелось... Запрыгнули и из-за маменькиной спины рожи принцу корчат, изображая томную загадочность. Только невоспитанный кот хвост вырвал из-под сапога принца, поглядел на тарарам и давай пальцем у виска крутил. Ему, конечно, виднее, кто тут не у себя дома, но и с другой стороны — замуж ему не надо!

От этих приключений и зрелищ контузия у принца стала проходить, и Пожилойгодиха по лицу принца поняла — надо спешить.

— Давайте уже мерять вашу туфлю! — рассыпалась она в комплиментах.

— К черту обувь! — неожиданно заявляет принц. Он хоть и сказочный мужчина, но все-таки и его прошибло. — Я отказываюсь!

Девки в рёв. А тетка как завопит:

— А ну меряй моим дочекам туфлю, зараза брюссельская. А то как дам коромыслом промеж глаз!

— Хоть ядром на части! Чего это я, сдуру, буду жениться?! — заявляет обнаглевший принц и пятится на выход.

— Надо взять себя в руки! — сказала тетка, взяла в руки туфельку, которую нужно было мерять и хлобысью ею принца промеж глаз. — Тогда будешь пугалкой! Ужасно страшным! Пока не женишься! Или нет! Не так! Пока не полюбит тебя кто, ужасного, — вот какое оно мое заклятие! Моих девок не берешь в жены, но и новых девок мне не надо! Будешь журавлей от подворья отпугивать, поскольку девок видеть больше не желаю.

Сказала тетка как отрезала, и обернулся прекрасный принц пугалом. Да таким страшным, что теткины девки реветь перестали, а кот брюхом зализывать. Схватила Пожилойгодиха зачарованного принца в охапку, выскочила из избы и вонкнула на огороде. Журавель как это пугалко увидел, кловом с перепугу щелкнул и, спотыкаясь, и, пугаясь в огородной ботве коленами, пошел на взлёт. Даже про девчонку свою начисто позабыл из-за перепугу. А тетка девчонку увидела в ботве и с досады только и вымолвила:

— А это еще что такое?

А девочка ей, из под брюссельского капустного листа:

— Кое-что!

И с тех пор так девочку и называли — Коечто. Как только утро заетмется, Пожилойгодиха не поднимая голову с подушек:

— Кое-что, перекусить бы!

Коечто, следовательно, за стряпню хватается.

Девки с ла-

вок:

— Кое-что, в избе бы прибрать!

Коечто за веник. А девкам того мало, так они каверзу ей норовят соорудить. То мышеловку подсунутей в постель, то еще какую беду... Втимялись девкам, что они из-за Коечто замуж за принца не выскочили. Будто она в этом трагическом событии виновата. Эх, люди!

И даже кот с печки гнусавит:

— Кое-что, добавить бы к сметане. Например, мышь. Белую. Экспериментальную.

А Коечто, шепотом коту, чтоб никто не слышал:

— Сам ты экспериментальный...

И так день за денем мечется Коечто по хозяйству. Будто муха об стекло. Или рыба об лед. Или хандра об дождь.

Одно спасение у Коечто — рядом с пугалкой на огороде, потому что к страшилицу никто не приближается. Даже Пожилойгодиха и её дочки обходят пугалку стороной. Бывало, прислонится Коечко к пугалке, и так они стоят будто парочка. Особенно если издали посмотреть.

— Бывают такие места, где цветы выше роста... — шепчет пугалке Коечто.

— Бывают такие места, где звери понимают язык... — шепчет пугалке Коечто.

— Бывают такие места, где... — шепчет пугалке Коечто.

Правда, что именно шепчет девчонка, малоизвестно, потому что никто приблизиться к ним не мог из-за страшного вида пугалки.

Разве что отдельные слова доносило ветром до штакетника...

А пугалка обнимает Коечто своими разевающимися на ветру пустыми рукавами, будто охраняет. И им хорошо вместе.

— Почему тебя боятся? — шепчет пугалке Коечто, — Ты добрый и красивый. По-своему. Если бы я тоже была пугалкой, я бы тебя любила, — шепчет пугалу Коечто. — Мы бы стояли вместе, — шепчет Коечто. — Всегда. Оба страшные. Чтоб к нам никто не приближался и не обижал.

А к нам и так никто не приближался. Издали норовят сообщаться... Вот однажды Пожилойгодиха от хаты верещит:

— Коечто! Навоз из хлева!

А, Ну, Фу и Бу из раскрытых окон:

— Самовар давай! Плюшек! Круасанов чтоб!

Оглянулась на них Коечто. Повернулась к пугалке и говорит:

— Я тебя и так люблю...

И тут неожиданно с неба раздалось журавлиное курлыканье. Коечто и ахнуть не успела, как с последними её словами пугало перестало быть страшным. Всё по-прежнему в нём: и каплюх, и кафтан, и лицо, но страх перестал быть. И это сразу же заметил из поднебесья журавль. Тот самый, проштрафившийся. Бросивший Коечто на грядках.

Пока пугало было ужасным, журавль летал поблизости на высокой высоте, не решаясь даже приблизиться к огороду тетки Пожилойгодихи. Но, и не решаясь улететь насовсем. Что ему Боженька скажет? Не выполнил возложенное на тебя задание, скажет. Но теперь, когда пугало подобрело, другое дело! И журавль начал снижаться...

Пожилойгодиха как увидела этого журавля в облаках — обмерла. Неужто птица еще одну девку ей тащит?! И помчалась поскорее в огород на пугалку смотреть. Что с пугалкой такое случилось, что его журавли бояться перестали? Выскочила на огород Пожилойгодиха и видит невозможное — переменилось пугало. И теперь оно уже не самое страшное, а только чуть и понемногу в отдельных местах. А таким пугалом разве перепугаешь журавля? Да никогда в жизни!

— Надо срочно взять в руки свою нервную систему! — воскликнула Пожилойгодиха, но вернулась в хату, взяла головешку из печи и на огород побежала.

Коечто, как увидела у Пожилойгодихи в руках тлеющую головешку, наперевес кинулась. Да только

кто остановит рассерженную женщину? Разве что прямое попадание танком в печёнку, а тут какая-то нелепая девчонка Коечто!

Ткнула женщина Пожилойгод головешку в пугалку, и занялся высокий пламень. Весело горит пугало. От огня руки его вздымаются будто обнять кого желают. А лицо — сноповяз будто смеется, или еще как-то... Одним словом, ужасно улыбается.

— А ты, Коечто, вымой плошки на кухне! — рявкнула тетка Пожилойгодиха девочке, чтобы загладить следы преступления.

В первый и последний раз не послушалась тетку Коечто.

— Любименький! — крикнула Коечто, и прислонилась к пугалке, обняла его, и пламя взлетело до небес. И в тот же миг растаяли чары злого колдовства, потому что, когда утром журавль опустился на огород тетки Пожилойгодихи, посреди потухшего кострища его дожидались принц. Тот самый. Вместе со своей шпагой. И девочка Коечто. Сидели они, обнявшись, укрытые скортюком принцевым, и дрожали от холода.

Потрещал журавль недовольно клювом, как это у них, у журавлей водится, что вместо одного оставленного ребенка у него теперь целых две штуки. Но куда птице деваться? Не бросать же. Усадил в косынку принца и Коечто. И полетел.

Коечто и принц раскачивались на косынке, будто это качелька, в лучах рассветного солнца. И летели туда, где они всегда будут вместе. Где ромашки выше людей, где звери понимают языки и где никто никогда никого не обижает.

А утром Пожилойгодиха на своем огороде обнаружила, не иначе, забытую кем-то хрустальную туфельку. Подняла она её и тут же стала страшной, будто пугало. Не догадываясь об этом ужасном превращении, Пожилойгодиха пошла в избу. Навстречу ей, Ну и Фу. И тоже страшненькие, что не в сказке сказать, ни языком почесать. Да что там девки. Кот и тот изменился с лица. Волосы во все стороны торчмя, глазелками зыркает... Зыркнул в зеркало, воскликнул, увидев отражение:

— Святые угодники! — и упал в обморок.

Следовательно, разглядели они друг друга и застыли в немом изумлении. И, наверное, до сих пор там стоят. Только проверить этого никак нельзя, потому что к хате Пожилойгодихи никто из-за страха приблизиться не может. Один я решился, да вот дара речи лишился, и потому здесь сказке конец, кто слушал, тот молодец!

Александр Папченко родился в 1960-м на Украине. Окончил школу-интернат в 1974-м в городе Шостка. Служил в Советской Армии. После окончания в Ростове-на-Дону кинотехникума пять лет работал на Свердловской киностудии, тогда же начал писать. Член союза российских писателей с 1977-го. Лауреат литературной премии «Уральского следопыта» по итогам 2005 года («Сокровище призрака», приключенческая повесть). Пишет прозу для детей и юношества, пьесы, сценарии. Шефствует над маленькой поселковой библиотекой на Украине. Живет в Екатеринбурге.

Александр МАКУРИН

Прощай, пионерское лето,

или

«Здоровячки», «Зеркалинки», «Зенитки»...

У многих граждан Российской Федерации и стран СНГ — из тех, кому за тридцать, — собственные летние школьные каникулы в прошлом, как правило, ассоциируются с пионерским лагерем. И совсем не обязательно, чтобы это была мечта всех советских пионеров — показательный Артек с ярким солнцем, желтым пляжем, синим Черным морем, высокими партийными гостями и сверстниками, приехавшими из далеких Анголы и Кубы или соседней Болгарии. Были сотни других лагерей, расположенных в лесах или горах, на берегу озер, рек и речушек, — не менее любимых и долгожданных, где обучали пионерским танцам и чувству колlettивизма, закалился здоровье и крепла мальчишеская дружба, зарождалось первое романтическое чувство. Вечерние костры и песня про «картошку-объеденье — пионеров идеал», спортивные соревнования и детские Кавэны, родительские дни и «праздник непослушания», отрядные походы с рюзаками и инвидиуально-групповые побеги на речку во время обязательного дневного сна... А с какой взрослой снисходительной усмешкой переглядывались ребята из первого (старшего) отряда, когда ежедневно на утренней и вечерней линейке малыши из двенадцатого отряда под дирижерские жесты вожатого писали:

— Отряд — «Улыбка»!

Наш девиз: «Смех — дело серьезное»!

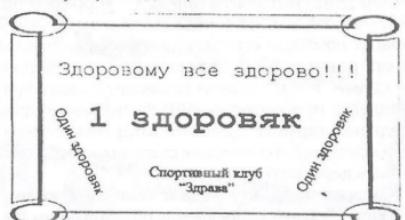
Как давно это было...

Нынешнее время наложило свой отпечаток на организацию летнего отдыха детей. Количество лагерей значительно сократилось, как правило, в названиях сохранившихся или восстановленных вместо определения «пионерский» содержатся следующие: санаторно-оздоровительный, спортивный, экологический, скаутский и т.п. И хотя у педагогов таких лагерей главной целью остается формирование у детей активной жизненной позиции, лидерских качеств, стремления к здоровому образу жизни, рыночные отношения дают о себе знать. В некоторых летних лагерях практикуют проведение финансово-экономических игр или экономических программ с организацией органов детского самоуправления, где выбирают президентов и мэров, министров и управляющих банков. А раз есть собственный банк, то и введение собственной «валюты» — естествен-

ное дело. И такие «деньги» дети могут получить не только во время игр, но и в виде вознаграждения за конкретный полезный труд, например — уборку территории, дежурство по кухне и столовой и т.п. А уж какой разбег фантазии в выборе наименования!

В публикациях на интернет-сайтах и в СМИ встречаются упоминания и описания «зубриков» детского спортивно-оздоровительного лагеря «Зорька» (п. Небуг под г. Туапсе), «тепов» и «лориэнов» детского центра «Бауманец» (около г. Ступино Московской обл.), «зодиаков» санатория-профилактория г. Заречного (Пензенская обл.), «шишей» (с изображением известной фигуры из трех пальцев) детского лагеря «Дружба» (Московская обл.), «денег» лагеря «Альые паруса» (Камчатская обл.) и других.

В некоторых детских летних лагерях на территории Свердловской области в разное время также вводились собственные деньги. Такие денежные знаки изготавливались обычно с использованием компьютерной и множительной техники либо рисовались и раскрашивались вручную, реже применялся типографский способ. На некоторые банкноты даже наклеивались аппликации, которые определяли номинал купюры и одновременно являлись элементами

ми защиты от подделки (а, значит, как и во взрослой рыночной жизни — имелись precedents!).

Так, на территории Тугулымского экологического лагеря «Гуринок» летом провозглашается новое государство — «лесное княжество» с праздником посвящения юных лидеров в «князя и княгиню». В княжестве имеют хождение собственные деньги — «гуринки» — картонные с нарисованной лукавой рожицей (образца 1998 г.). Такие «деньги» ребята зарабатывают, помогая лесникам восстанавливать вырубки и пустоши, засаживая их ростками сосны, ели и кедра, убирая мусор после неопрятных туристов. На «гуринки» можно купить в местной лавке вкусную или нужную мелочь — шоколадку, яблоко, ручку, книжку, тетрадь...

В детском лагере Серовского металлургического завода создаваемое государство более демократичное — «Республика Веселый бор». А вот на республиканских денежных знаках валютой — «борах» (обр. 1997–98 гг.), изготовленных из обычной писчей бумаги с помощью компьютера нанесены номинал купюр, различные подобающие деньгам рисунки и надписи, в том числе угрожающего характера: «Подделка преследуется МВД Республики» либо «Подделка карается органами МВД Республики». На оборотных либо лицевых сторонах купюр стоит просьба директора лагеря.

Оздоровительный комплекс «Волна» (Спортивный клуб «Здрава») Управления образованием Ленинского района г. Екатеринбурга, расположившийся на берегу озера Таватуй, ввел в обращение «здравяки» и их более мелкие фракции — «здравячки» в соотношении 1:100. Эти деньги ребята зарабатывали не только трудом по уборке территории (собрали 50 конфетных фантиков — получи «здравячок»!), но и победами в конкурсах и соревнованиях. А на проводившихся ярмарках можно было приобрести сладости или игрушки. Например, за 1 «здравячок» можно было купить одно печенье, за 3 — либо две конфеты или вафли, либо стакан сока. Купюры

исполнены с помощью компьютерной графики на белой писчей бумаге (2002 г.). На оборотной стороне некоторых мастичным штампом исполнена надпись — «Волна».

В детском лагере имени Г. Титова (под Верхней Сысертью) был организован не республика или княжество, а целый «Космодром», деньги которого назывались «зверкалинки». Изготовлены они из тонкого картона, номинал и надписи выполнены фломастером, имеются аппликации в виде голограммических полосок и звездочек (2002 г.).

Деньги оздоровительного лагеря «Зенит» от Уральского оптико-механического завода (п. Кашино Сысерского района) назывались «зенитки» и представляли собой пластмассовый жетон без каких-либо рисунков и надписей (1999 г.).

В детском лагере «Изумруд» (близ Екатеринбурга) был образован «Город мастеров», городской банк эмитировал деньги со смешливым названием «веселинка». Но некоторые купюры по какой-то причине носили прозаическое и деловое наименование «плата» (2002 г.). Эти деньги изготавливались из обычной белой писчей бумаги, рисунки и надписи выполнены фломастером и карандашом, на обороте — мастичный штамп с изображением утенка.

В одном ряду с уже упомянутыми деньгами детских оздоровительных лагерей могут быть банкноты и металлические денежные знаки «Школьного банка» и «Школьного экспериментально-конструкторского бюро (ШЭКБ)» екатеринбургской школы №7, имевшие хождение на ее территории в учебный период. Ученики зарабатывали эти «школьные деньги» творческим и физическим трудом, а тратили в школьном магазине либо могли положить на личный счет в школьном же банке.

Коллекционеры — бонисты до сих пор не пришли к единому выводу, — считать ли такие «деньги» достойными нахождению в коллекциях либо стоит относить их к категории фантиков из детских игр типа «Монополия». Автор в данном вопросе поддерживает киевского собирателя и исследователя П. Рябченко, создателей сайта «Бонистика» (www.bonistikaweb.ru) и ряд других коллекционеров в том, что «валюта» детских оздоровительных лагерей содержит необходимые признаки денежных суррогатов: ими расплачиваются с детьми за конкретный труд, а дети могут приобрести на них конкретный товар. Так что совет бонистам, коллекционирующим частные выпуски денежных знаков и региональные (местные) боны, а также тессеристам, предметом увеличения которых являются талоны, карточки, купоны, — не брезгуйте данным коллекционным материалом.

Автор же будет благодарен за любую информацию (направляемую на почтовый либо электронный адрес «Уральского следопыта»), которая дополнит его подборку материалов по денежным суррогатам детских оздоровительных лагерей как Свердловской области, так и других регионов Большого Урала.

Юрий ШИШКИН,
фото автора

Из крайности в крайность, или от *creeking* до *big volume*

Жизнь в поисках новой бурной воды – это жизнь в параллельном мире. Нужно только захотеть увидеть его и понять его правила. Нужно принять эти правила, и тогда власть этого мира над тобой станет так велика, что даже если в городе ты эгоист, пошляк или циник, если ты живешь в изобилии, ленившись и не знаешь, чем себя занять, достаточно будет одного единственного странствия, чтобы открылись лучшие стороны твоей души и закалился характер. Если ты услышишь язык этого мира, полного опасностей – не опасности главное, но их преодоление – то мир, точно скулпитор, отсечет всё лишнее от глыбы твоей души, и ты станешь совершеннее и чище сердцем.

Ты очистишься в белой воде, а когда вновь выйдешь на берег, поймёшь, что изменился, почувствуешь новую силу и мужество и радостно рассмеёшься...

Часть вторая. Аргут

И вот наконец мы очутились в легендарном месте, на стрелке с Аргутом. Чуть выше находится пресловутый Карагемский прорыв, но мы могли видеть лишь тракторную дорогу, петлявшую по склонам каньона. Здесь решили перекусить еще не успевшими надоест «сникерсами», а по причине общего веселого настроения всем было дадено по куску настоящей твёрдокопченой Браунгшвейгской колбасы. Это было похоже на праздник!

Мы покидали вечно сумрачную долину Карагема, а перед нами лежала широкая и безоблачная (ну, или почти безоблачная) долина новой реки. Здесь же, на стрелке, мы подожгли здоровенный завал, просто, чтобы поджарить колбаски, но в виду чрезвычайной горючести местной древесины, к огню приходилось подбираться ползком, а колбаса начинала поджариваться на расстоянии трёх метров от него.

Спокойствие Аргута после скоротечного Карагема производило завораживающее действие. Когда я вышел на середину этой широкой и зелёной реки, мое первое впечатление выражалось одним словом:

— Тёплый! Он тёплый!

После ледяного Карагема это было особенно актуально. Он был спокойный. Видимо, устав беситься после Карагемского прорыва, эта огромная масса зеленоватой воды, спокойно, но быстро и неотвратимо несла наши лодки вдоль берегов, густо поросших плачущим ивняком да огромными тополями. Изредка на берегах виднелись одиночно стоящие избы да небольшие табуны лошадей, а чуть выше начинались горы, настоящие горы, подавляющие

своим величием, безучастно взирающие со своих седых высот на насекомых, которые копошились у их подножия.

Казалось, это река времени мерно льётся сквозь нас, и мы течём вместе с ней, как в свободном падении, только очень медленно. Это спокойствие завораживало и, вместе с тем, внушало лёгкое, но навязчивое беспокойство, рожденное подозрением: «кто-то слишком уж тихо, не стряслось бы лихой!». И это чувство сопровождало меня до тех пор, пока я не увидел первых порогов.

Я остановился на небольшой полке левого берега, сплошь поросшей кустами шиповника и облепихи. Огромные красные ягоды падали с кустов прямо в воду и устилали берег. У меня не было с собой никакой тары, и пришлось собирать ягоды в каску. Полную удалось набрать за 15 минут, и я поспешил догонять остальных. Вскоре мы остановились на ночлег в тополиной роще. Здесь было чисто и строго, как в храме. Только светло-серые твёрдые стволы, только сухой, лёгкий запах конского навоза да лёгкие, белые, словно кости, тополиные ветви, высохшие на лысой земле, аккуратно сложенные водами вокруг стволов деревьев и развешенные на нижних ветвях, и ветер, еле слышно текущий сквозь короны в вышине...

Признаки человеческого жилья скоро исчезли, река втянулась в глубокие узкие ущелья. Пороги, как им и полагается, начались внезапно, за очередным поворотом, а река в одночасье изменилась до неузнаваемости. Перед «Трубой Сапожникова», на левом берегу, вдруг появились туристы с катамаранами. Около десяти человек, москвичи, довольно приветливая и разношерстная компания, от седых,

заслуженных туристов до «дерзкой» молодёжи. Было здорово встретить в этих диких горах братьев по разуму, хоть и с другой планеты. В тот момент мы не подозревали, что вскоре окажемся обязаны этим добрым людям. Тогда мы просто улыбались друг другу и радовались, что оказались не одни на этой реке.

Итак, перед нами были первые пороги великого и ужасного Аргута. Что мы видели: огромные волны, пульсирующие суводы за гигантскими камнями, большая река, очень большая, ну и, конечно же, нам всюду мерещились огромные бочки-убийцы (особенно с воды).

Что мы знали об этой реке? Противоречивые рассказы туристов, которые сходились в одном – это жопа! Не менее противоречивые отзывы каякеров: а) Порсес: «Вы все там подохнете». Ну, это он всегда так говорит, у него напутствие такое. б) Таймер: «На Аргуте порогов нет». В это тоже как-то не очень верилось. Короче говоря, сумбурные чувства, овладевшие нашими душами к началу порогов на реке, можно было выразить двумя словами: мы боялись. Боялись не каких-то конкретных порогов, а боялись неизвестного вообще. Рисовали себе картины каких-то невообразимых водных структур колосальных масштабов, где непременно кому-нибудь придет звездец. На самом же деле всё оказалось совсем не так. Ну, или не совсем так.

К большому расходу надо привыкать, и мы постепенно вкатывались в реку, пробираясь вдоль берегов, время от времени отваливаясь на длинные трапверсы через этот могучий поток. Дальше, кусочек за кусочком начали «откусывать» от порога, пробовали первые огромные волны; на деле они оказались мягкими и медленными.

Но только мы начали осваиваться на реке, как всё пошло напрекосъ. Канализируя вдоль левого берега, Сэм расклинил лодку между бревном и камнями, в результате лодка оказалась брошена на произвол судьбы, а человек повис на корме у Ванечки. Эти двое людей в своей борьбе со стихией были великолепны! Сувода, в которой они оказались, непрерывно пульсировала, то откатываясь от берега, то расшибаясь о его камни. Ваня изо всех сил рвал веслом воду и со стороны был похож на пропеллер. Сэм не отставал от него и что есть мочи молотил по воде конечностями. Но вода уходила от берега и спасение, которое было так близко, неминуемо отдалось. Люди балансировали на границе ревущего потока, рвались из сил и из всех сухожилий. Ванечка орал во всё горло, видимо, пытаясь напугать реку, и в его глазах читалось упрямое желание доставить друга на берег во что бы то ни стало! И река уступила, отпустила их, оставляя своей добычей лишь пустую лодку. Люди в какой-то момент просто вышли из опасной зоны, оказавшись у берега.

Мне тоже удалось отличиться во время спасабот. Когда я понял, что Сэм спасён (а я в то время находился на берегу и видел, что лодка находится чуть

ниже по течению в каком-нибудь метре от берега, не слишком торопясь уплывать), я бросился за ней вприпрыжку по здоровенным береговым валунам. Но уже после нескольких прыжков оступился и полетел кувырком, успев, однако, заметить краем глаза, как медленно, словно подбитый кит, уплывает затонувшая лодка. В следующий момент искры посыпались у меня из глаз, а горы перевернулись с ног на голову. Собственно, вся моя заслуга заключалась в том, что лодку я не поймал, зато наловил синяков, шишек и прочих повреждений и, перепачканный кровью, дико злой от боли и собственной неуклюжести, тихо так сидел себе под камушком, с которого совершил нереальный кульбит. Мимо пробежал Сэм. Он что-то кричал мне, но я ничего не понимал и лишь вяло махнул рукой.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Лодка, не дождавшись хозяина, отправилась самостоятельно проходить «Водопад Сапожникова». Сам горе-каякер убежал за ней по берегу. Я пришёл в себя и обнаружил глубокие порезы на обеих ладонях, которые вряд ли помогут мне грести. Не считая разбитых коленей и локтей, в остальном я был цел и невредим. Поразмыслив над нашим невеселым положением, мы продолжили сплав вчетвером, надеясь найти лодку, в которой, кроме личных вещей Сэма, уплыл единственный котёл и часть продуктов.

Последующий сплав поразил меня размерами волн и скоростью течения. С воды вообще ничего нельзя было разобрать. Работаешь только на ближайшее препятствие, видишь впереди вал, успеваешь выставить правильный крен, вынести вперёд руку с веслом для зацепа и врезаешься в тучу брызг и пены. За первой волной следует вторая, за ней ещё и ещё... Вдруг прямо перед тобой появляется «бочка» колossalных размеров, пробить которую нет никаких шансов, поскольку её размеры в несколько раз превышают размеры каяка. Успеваешь увернуться от неё буквально на двух последних гребках, но всё равно цепляешь край, и тебя накрывает с головой пенным одеялом, а через секунду выстреливает на «свече» куда-то в небо. На мгновение открывается общая картина порога, ты видишь берег и устремляешься в спасительную суводу, где тебя уже ждут друзья...

На берегу нас уже поджидал Сэм в компании с туристами. Он выглядел растерянным и немного виноватым. На его лице ясно читалась глубокая думка о нашем затейливом положении. И, признаться, задуматься было над чём! Туристы закончили обнос своих многочисленных пожиток к порогу «Седая шишка» и разбили здесь лагерь. Разноцветные палатки выросли на широком плато, покрытом высокой, жёсткой меч-травой. Её высокие, до пояса, стебли о чём-то тихо шептались под ветром. В дальней части поляны круто вздымались чёрные горы. Когда-то давно кусок огромной скалы обрушился и скатился к реке чёрными глыбами. Так и не добежав до воды,

они навечно застыли среди желтой травы причудливыми формами. Под ближайшей к реке глыбой величиной с дом туристы развели костёр и разбили кухню. У этих запасливых людей оказалась масса снеди и разнообразных котлов, в одном из которых уже весело булькал на огне наш роскошный ужин из гречневой крупы.

Андрюкса с Сёмом, сделав серьёзные лица, изучали в компании с туристами карты местности. Ванечка и Саня безуспешно пытались растянуть на ветру кусок капрона, служивший нам защитой от непогоды. Крупа в кotle варилась сама собою, и я решил немного по-заботиться о самом себе. Сославшись на то, что наша аптечка уплыла в потерянной лодке, я попросил у седого туриста бинтов или пластиря. В ответ он от-правил меня к милой девушки, которая, внимательно осмотрев мои руки, исчезла в палатке.

Вечерело. Солнце уходило из ущелья, прячась за высокие горы. Поднимался ветер, и тепло, накопленное за день, быстро растворялось в тени. Скоро снега на вершинах зааляли, предвещая скорое наступление холодной безоблачной ночи. Девушка явилась с целым ворохом перевязочных средств. И, глядя на меня красивыми и чуть печальными глазами, любезно предложила помочь мне с перевязкой. Я наблюдал за тем, как ловко её маленькие пальцы управлялись с белым бинтом, а когда они невзначай нежно касались моих грубых ладоней, чувствовал лёгкую дрожь в руках и невольно завидовал счастливцу, который мог каждый день среди диких гор чувствовать тепло этих рук. Она не вспыльчивая в эту суровую реальность и в то же время была в полной гармонии с этой чистой природой.

Туристы не смогли спокойно смотреть, как мы пытались насытиться вареной крупорой. Нас накормили настоящей кашей с беспредельным количеством тушеники, оладьями со сгущенным молоком, а в довершении ко всему, ещё и налили спирта, разбавленного холодным зелёным чаем. После первой же рюмки такого напитка мы заговорили на одном языке и беседовали до поздней ночи, покуда подкравшийся холод не разогнал нас спать.

Ночь выдалась беспокойной. Нам с Сёмом пришлось делить один спальник на двоих, а, учитывая полное отсутствие интереса друг к другу, за ночь удалось подремать не более двух часов. Утром сверившись с картой, обозначили места встреч с Сёмом на устье ручьев Каир и Ело и отправились в путь. Мы по воде, а он по тропе через горы-перевалы. Но пусть он сам расскажет о своих козлоКлючениях:

* * *

Внимательно изучив схему, подаренную нам туристами, я навскидку оценил расстояние до стрелки с Катунью в 60 км. Сторяча положил на это два ходовых дня, собрал свой нехитрый скэрф (спасжилет, куртка, каска и весло), прихватил пару пиллерсов да пакет с орешками и рано утром отправился в путь. Если верить схеме, то вдоль всей реки идёт тропа. Как раз на данном участке она уходила от берега в горы и, перевалив через 2500, вновь выходила к руслу в районе притока Каир. Воображение рисовало набитую конную тропу, которая чёткой лентой веется меж камнями да редкими деревьями. Моё приключение представлялось воскресной прогулкой в горах, и в первый же день я планировал прогуляться до р. Каир или чуть дальше, до Ело, что составляло около 30 км.

На карте тропа уходила от Аргута вверх по руслу одного из многочисленных притоков, а после первоначальной точки спускалась к реке таким же образом. Я потерял её неожиданно, сразу после того, как переправился через бурноводопадный приток Йедыгем. Просто в один прекрасный момент я обнаружил себя стоящим посреди цветастой поляны, где, собственно, и заканчивались всяческие признаки тропы. Ориентироваться удавалось по конскому дерму, в изобилии присутствовавшему в окрестности, да ещё, если верить схеме, где-то впереди должна быть кошара.

Дойдя до ручья, вдоль которого мне нужно было подниматься на перевал, я увидел, что надо набрать около 500 метров по вертикали и решил подниматься в лоб. Пришлося изрядно попотеть. Благо, что воды рядом было предостаточно. Лазать в сандалиях по горным кручам дело весьма неблагодарное, и вскоре мои ноги были жестоко смозолены, болели и кровоточили.

Наконец осилив подъём, я снова вышел на тропу. Через несколько километров тропа пошла вниз и привела меня в красивый сосновый бор. Вокруг развились белки, я хотел угостить их орешками, но они проигнорировали все мои знаки внимания. Перейдя очередной приток, я увидел кошару. Дальше тропа выходила на огромную сыпуху из мелких и острых обломков скал.

* * *

Постепенно мы осваивались на реке. Всё меньше останавливаясь для просмотра порогов и больше осматривая реку в надежде обнаружить нашу потерю. По лодции первым мощным порогом должен быть «Белый», и оставшиеся десять км. до него мы решили проехать побыстрее, дабы иметь запас времени на разведку.

В поисках лодки мы заглядывали в самые мрачные закоулки реки. В одном месте среди плавника я нашёл козлинный череп с огромными витыми рогами. Один местный охотник рассказал мне, что у этих животных рога отрастают такими тяжелыми, что при попытке переплыть реку они заныряивают не хуже топоров и так и стоят на дне, воткнувшись рогами в песок.

Вскоре мы подошли к «Белому». Первая часть порога представляла собой мощную струю с огромными волнами, но без «бочек». С воды это походило на атомную войну. Гребни валов обрушивались многотонными шапками, взрываясь фейерверками брызг. Вторая часть порога скрывалась за поворотом. Стоило только взглянуть на нее, как сразу становилось ясно название порога. Перед нами лежал участок реки с абсолютно белой водой. Пена закрывала всю поверхность и ослепительно сверкала на солнце. Траектория движения в пороге была довольно запутанной, а под конец надо было пробить два здоровенных обратных вала. В общем, атомная война продолжалась...

День разыгрался в полную силу. Солнце стояло

в зените, на небе не было ни единого облачка. Мы остановились перекусить и по традиции запалили кучу сухого плавника на берегу. Это был один из наиболее солнечных и светлых дней за весь сезон.

Прикатавшись к воде и войдя в куреж, мы просто играли с громадными волнами. Дикий Аргут перестал быть диким для нас. Дикий осталась только его природа. Горы по обеим берегам по-прежнему упирались своими снежными шапками в синее небо. По берегам носились несметные стада дичайших козлов. Они скакали прямо по скалам, как будто у них копыта прилипали к камням. И лишь одна мысль омрачала этот день. Глядя на сумасшедшие прыжки этих грациозных животных, я невольно представил себе Сэма, который сейчас занимался скалолазанием где-то в окрестных горах, не обладая при этом ни врожденной грацией, ни специальными копытами для быстрого передвижения в таких условиях. Наверное, сейчас он пытается добраться до устья заветного ручья Каир, где надеется встретить нас со своей лодкой, а лодки-то мы и не нашли, да и не найдём уже, наверное.

А в это время...

* * *

Высоко в небе надо мной парил орел, чуть пошевеливая крыльями. Птица с любопытством наблюдала за человеком, а человек смотрел на неё. Я засмотрелся на птицу и в первый раз сорвался! Просто съехал на несколько метров вниз вместе с камнями, на которые наступил. В горах всегда хочется глазеть по сторонам, но лучше внимательно смотреть под ноги. Вдруг я услышал свист. Неужели люди! Я был бы рад встретить здесь даже алтайцев. Однако, сколько ни рассматривался в окрестные горы, не мог увидеть ни одного человека. Свист повторился снова и снова. И тут я увидел горных козлов. Сначала несколько животных, а затем и все стадо. Их коричневато-серый окрас удивительно сливался с общим фоном скал. Головы венчали длинные, загнутые к спине рога. Местные охотники называют этих животных бунами. Стадо медленно поднималось прямо по отвесным скалам...

Где же Каир? Я уже порядком устал и проголодался. Мечтая о том, чтобы побыстрее встретить друзей, посидеть у костра и поговорить с ними, я продолжал огибать бомбы и медленно двигался вперёд. Солнце клонилось к закату, и дневная жара сменилась холодом. К долгожданному Каиру я вышел лишь в сумерках, но, увы, жестокое разочарование ожидало меня – никаких признаков друзей здесь я не обнаружил. Силы сразу же покинули меня, и, успев набрать немного плавника на ночь, я разжёг костёр и забылся беспокойным сном.

Пробудившись от холода, я подбрасывал в костёр дров и вновь погружался в дрему. Чтобы не замёрзнуть, я надел на себя все вещи, какие были со мной – спасжилет, каску, на ноги натянул сплавную куртку, просунул ноги в рукава. Среди ночи меня посетила галлюцинация. Было реальное ощущение, что рядом

есть ещё кто-то. От костра к этому времени остались только угольки. Я возмущался тем, что мой сосед такой ленивый и сказал ему:

– Ну что ты сидишь? Дров-то подбрось!

Но молчание было мне ответом, и я понял, что один среди этих бесконечных гор.

Со стоянки я вышел с рассветом. Снова увязав свои вещи в узел, я оглядел стоянку. Затем съел последний кусочек сникерса и запил водой из реки. Мост через ручей представлял собой пару прогнивших бревен, висящих над водопадами, проверять его на прочность желания не возникло. Однако около устья был участок спокойной воды, здесь мне удалось переправиться на другой берег, и я сразу же увидел записку, оставленную друзьями прямо на прибрежном песке. «Лодку не нашли. Идем до р. Ело». В очередной раз сверившись со схемой, я прикинул, что до Ело осталось около 10-15 км. И снова я шёл по берегу, обходя бомбы, поворот за поворотом...

* * *

В устье ручья Каир мы не обнаружили нашего братца. Высокие мрачные стены, из которых вытекает прозрачный горный ручей, узкая полоска желтого песка отделяет воды могучей реки от каменной

стены каньона. Солнце не согревает это место, здесь царят полумрак и холод. Навряд ли Сэм сможет сюда спуститься, да и ждать его здесь совсем не хочется. На всякий случай пишем записку на прибрежном песке.

Удача улыбнулась нам, как всегда, абсолютно неожиданно. Едва успели отчалить, и через несколько минут на входе в какой-то номерной порог я замечало далеко впереди, как между каменными глыбами мелькает что-то красное. Лодка!!! Волны заливают глаза, и на некоторое время я теряю этот ориентир, но вот снова, уже близко, за каменными глыбами берега появляется знакомый силуэт нашего пропавшего парохода. Вода за последнюю пару дней здорово упала, и оттого лодка лежит на берегу, очком вниз, без воды, как будто кто-то заботливо оставил её здесь нас дожидаться.

Радости нашей нет предела! Вот лежит целая и невредимая лодка, которую мы уже не чаяли найти. Даже вещи все остались на своих местах. Но где же хозяин? Как нам найти его в этих лабиринтах каньонов, берега которых переходят в крутые высокие горы, а их снежные вершины подпирают синее небо над нашими головами? Противоположный берег, по которому должна проходить тропа – высоченная

каменистая осыпь. Здесь тропами и не пахнет. Река далее уходит в каньон, по описанию на реке нет сложных порогов до «Раздельного». А он должен быть где-то поблизости. Не хотелось бы приехать туда со второй лодкой на «трамвайчике».

Наши рации отсырели (специальные чехлы фирмы «Contex»¹ не оправдали доверия), и связь между лодками можно наладить лишь визуально. Нас четверо, и впереди идущий передает по цепочке сигналы из-за поворота каньона, типа: «Давай за мной», или «Стоп». Таким образом, мы без остановок продвигаемся вперед, проходим короткий каньон без порогов и выходим в место, где левый берег немного выполаживается. Здесь Саня находит тропу, и мы остаемся ждать нашего братаца.

* * *

Вот уже более получаса я шёл по тропе вниз по течению Аргута. Реки не было видно, тропа вилась по широкой полке живописной долины. Слева, в основное ущелье выходил узкий коридор ручья Ело. По

¹ Речь идёт, по-видимому, о презервативах. Эти изделия нередко используются находчивыми путешественниками для герметичной упаковки предметов в походных условиях. (Примечание от редакции).

его руслу спуститься к Аргуту оказалось невозможно, приток впадал небольшими водопадами, как и большинство других ручьев. Пришлось карабкаться по скалам. Мне оставалось спуститься с небольшой скальной ступеньки, чтобы заглянуть в устье, когда я оступился и сорвался в какие-то колючие заросли. Кусты смягчили падение, но я всё-таки здорово ударился и оцарапал руки.

Устье Ело как две капли воды походило на устье Каира. Сэма не было. А я так надеялся, что найду его здесь, и мы вместе вернёмся в лагерь. Ещё ниже обнаружился порог «Раздельный». Спускаться далее не имело смысла. Чтобы добраться до этого места, Сэму потребуется значительно больше одного светового дня, и я возвращаюсь обратно в лагерь в надежде, что за время моего отсутствия все уже собрались вместе. Но в лагере обнаружились лишь Андрюкса и Ванечка. К моменту моего появления они уже сварили проклятую крупу. Через час после моего прихода возвращается Саня; он ходил вверх по течению до Каира, но, как и я, не обнаружил ни самого Сэма, ни каких бы то ни было признаков его присутствия. Стемнело. Мы разожгли здоровенный костёр, надеясь, что пламя будет видно издалека, и улеглись спать прямо у тропы. Невеселые мысли одолевали

меня в тот вечер. «Если Сэм заночевал где-то в районе Каира, то, проснувшись рано утром от холода, он по-любому двинется дальше, вниз по течению и наткнется на нас. Если же он не появится до обеда, необходимо высыпать на встречу двух человек...» Размышая таким образом и пытаясь прокрутить возможные сценарии развития сюжета, я незаметно для себя уснул.

Холодное утро. Иней на тенте. Роса на спальниках. Солнце медленно поднимается из-за высокой горы. Сначала от её вершины в небо устремляются потоки лучей, которые переходят в сплошное сияние. Затем деревья на вершине чернеют, на фоне неба видны лишь их силуэты, и вот они вспыхивают в огненной волне. Глазамально смотреть. Ещё через несколько секунд появляется край огромного диска, и первый робкий лучик проливается в ущелье, разрезая тень и радуя глаз своим светом.

Я уже заканчивал варить крупу, когда увидел Сэма, который медленно спускался к костру. Его лицо в полной мере выражало накопившуюся усталость. Я не смог сдержать улыбки, но он не ответил мне, а лишь молча опустился на камень возле огня и медленно вытянул уставшие, в кровь стёргнутые ноги. Весь его облик выражал усталость. Слипшиеся от пота длинные пряди волос на лице, отчужденное выражение и одежда, густо усеянная разнообразными колючками. Ясно было одно: самое главное – наш братец жив и здоров, а значит, сегодня мы закончим маршрут!

* * *

Оставшаяся часть Аргута от р. Ело до р. Шавла не слишком интересна. Река сильна стиснута каньоном, из-за чего в потоке развита вертикальная турбулентность, представленная воронками, поганками и пульсарами. После Шавлы долина расширяется и начинаются несложные шиверы, которые также не представляли бы особого интереса, если бы не отличные волны. Нам легко удавалось серфить даже на гружёных сплавных лодках. Такие волны встречаются на протяжении всего Аргута, и если выше Шавлы есть пороги, слишком сложные для родео-лодок, то маршрут Шавла-Аргут лучше всего подходит для проведения родео-тура.

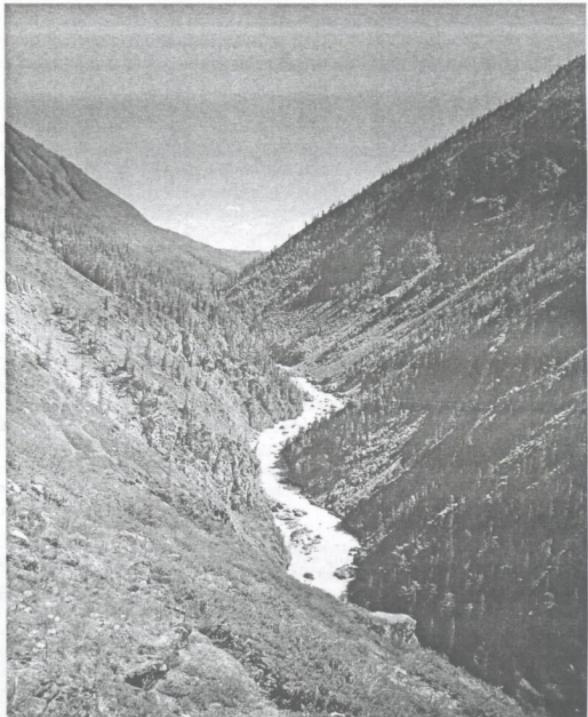
На стрелке рек Аргут-Катунь находится туристический музей, недавно сожжённый дотла поклонниками сатаны, которых хлебом не корми, только дай

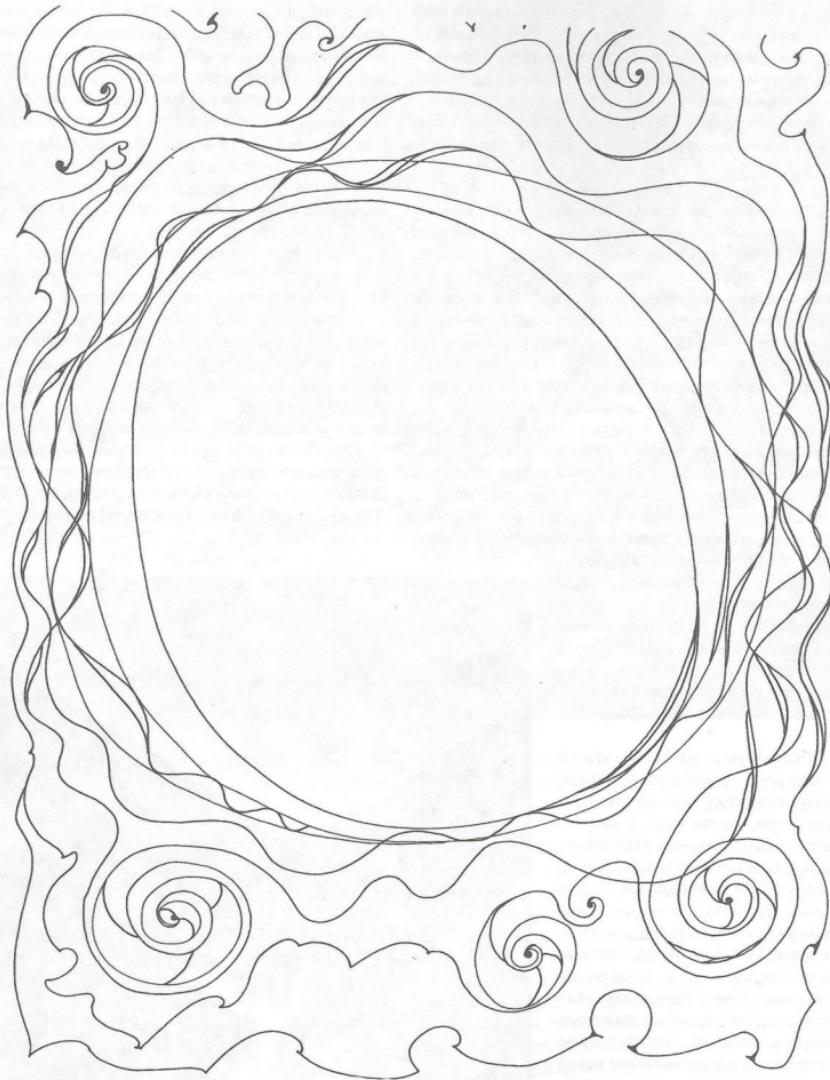
чего-нибудь напакостить. Всё же музей частично восстановлен и продолжает пополняться новыми экспонатами и записками. Так, например, полностью пришедший в себя Сэм, зная, что за нами идет группа калеков с американцами, оставил им послание: «Yankee go home!». Позднее, в конце скитаний, сидя в компании с нашими друзьями из США, мы вместе здорово посмеялись над этой шуткой.

Аргут – полноводная река, а после слияния с Катунью это уже целый Гольфстрим, только порогов нет. Тут Саня спрашивает:

– А сейчас что-нибудь интересное ещё будет?
– Будет, будет! – говорим. – Сейчас в Инегене магазин будет, там всё самое интересное и начнётся.

Через несколько часов нудной гребли, миновав магазин (в котором так и не оказалось ничегошеньки мало-мальски интересного), наша команда очутилась в национальном природном парке «Чуй-Озёры». А ещё через час мы закусывали пиво бананами, водку мороженным, собирали местный гербарий. И, перебивая друг друга словами: «А помнишь...», делились впечатлениями до поздней ночи. Утром нас должен был забрать УАЗик и доставить в п. Улаган, за 150 км. для сплава по Нижнему Башкаусу.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

В каждом номере журнала «УС» будет публиковаться раскраска Андрея Патокина. Чтобы стать победителем конкурса «Приглашение к рисованию», нужно:

1. Взять в руки фломастеры, гелевые ручки или цветные карандаши.
2. Раскрасить рисунок так, как подсказывает воображение.
3. Вырезать и положить в конверт.
4. Отправить по адресу: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67, с пометкой «Конкурс».

В январе 2007 г. жюри подведет итоги конкурса; авторы самых ярких и интересных рисунков получат ценные призы, а тот, кто пришлет все 9 вариантов, — книгу-раскраску Андрея Патокина.

Продолжение. Начало в № 4-8, 2006

Борис ГАЛЯЗИМОВ

Полет в бездну

Теплоход, на котором я какое-то время ходил комом, двигался по «Ермаковой дороге» — по Иртышу. Был полный штиль. Светило горячее полуденное солнце. И вряд ли кто на судне предполагал, что нас подстерегает опасность.

Поначалу до моего слуха донесся ровный натуженный гул. Неподалеку рыжей стеной двигал высоченным яр, и я подумал, что это от него откатывается рокот нашего старенького дизеля. Но вдруг теплоход стал влезать во что-то сдерживающее, взъерош. Так случается, когда днище судна наползает на дикую мель. Но откуда ей было взяться в том месте, куда приходили наильнейший свал воды? Об этом, кажется, не успел подумать, потому что теплоход грубо накренился и его начало разворачивать. Качнулся яр. На камбузе загрохотал мой нехитрый алюминиевый «сервиз». И оттуда же выдохнулся плотный клубок пара.

Не помню, как я очутился в нашей «скворечне» — рубке. И в тот же миг капитан Синюков буквально вышиб молоденького вахтенного рулевого из теснога, похожего на корзину сидения. Я видел, как Анатолий Григорьевич вцепился в штурвал, крутанул его, точно вертушку. Загрохотало в подшипниках, жалобно загнували натуженные тяги. Теплоход, все так же накренившись и оставляя на воде вопросительный знак пенного следа, полез к спасительному фарватеру.

— Салаги! — окрестил Синюков прежде всего себя. — Проморгали Чертово колено!

Держась одной рукой за штурвал, капитан еще умудрялся водить пальцем другой по крупному лицу лоцманской карты, выискавая то место, где нас «трепануло».

— И точно, колено! — проворчал он, а правая рука его уже искала спасительную пачку «Волны». — Так и к Нептуну сходить недолго.

Все это произошло в районе села Горнослинкино, на 525-м километре от устья Иртыша. Точный отсчет лоцманской карты. Речники этот участок называют по-разному — Чертовым коленом, Чертовой Ямой, Черной дырой и , наконец, Осетровой ямой. А вот их вехий путеводитель — лоцманская карта — гласит, что здесь находятся Слинкинские суводи. Что

это такое? Огромные воронки. Их здесь две. Кarta предупреждает: расхождение судов, как и их обгон, в районе воронок строго-настого запрещены. И далее: «При отклонении от линии створов судов с составами их может забросить на правый или левый берег». Вот тебе и речка — реченька! Позднее, собирая материалы для книги о водниках, я еще больше удивился, представив себе, сколько трагедий произошло на Оби-матушке и Иртыше-батюшке.

В 19-м веке за один год компания «Дружба» потеряла две баржи с грузом. Близ села Юрковского затонул теплоход «Взор», и его владелец пустил себе пулю в лоб. Разорился основатель местного пароходства Тюбин: реки слготили одну за другой несколько его барж с дорогостоящим грузом. Взорвался теплоход «Ермак». Глыба земли, обрушившаяся с крутояря, завалила шхуну «Надежда». Взорвался комфортабельный пароход «Евгений» — погибли сорок три человека, в том числе сам владелец судна Эльденштейн.

И уж совсем уникальный случай произошел в сентябре 1922 года. Тогда пронесшийся в районе Ныды циклон как щепку выбросил на берег... пароход «Ермак». Прибывшие на место происшествия эксперты — англичане пришли к твердому выводу, что судно обречено. Но его спасли, ставив на воду, речники, за что и получили премию... ботинки и брюки каждому.

Все это было мне известно, но вот воронки... Да не какие-то, а такие, что в них утаскивало не только неосторожных купальщиков, но и лодки с людьми. Впрочем, что там лодки! Воронки, ломающие плотов, выкидывающие на берег баржи. Нет, о таком слышать не приходилось.

А Синюков, все дальше и дальше уводя теплоход от опасного места, рассказывал:

— Самая страшная — Осетровая яма. Ну, та, что ближе к правобережью. Говорили мне: глубина — все сорок. Пропасть! Да что я живописую? Ты найди в Тюмени водолаза Олега Тихоновича Овчинникова. Он в ней гостили...

— В воронке?

Борису Галязимову сама госпожа Судьба даровала терпкий [если не сказать жестокий] отрезок пути. Семь лет сталинского ГУЛАГа. Потеря многих родных (одни нашли успокоение на полях войны, другие — в берievских застенках). Работать пошел слишком рано — был и грузчиком, и шофером, и водолазом, и трактористом. Четыре года отдал военно-морскому флоту, где ходил на торпедных катерах. А потом — газета за газетой. В двух их них был даже главным редактором. Успел побывать в сорока странах. И каждая дорога дарила Опыт, находивший отражение в повестях и рассказах. Вышло несколько книг прозы и поэзии. На стихи написаны песни. Одна из них стала народной... А еще Борис Галязимов получил почетный знак «Следопыт» и в 1972 году стал одним из первых лауреатов нашего журнала за серию краеведческих публикаций. Сегодня живет в Тюмени.

Б.Гализимов с водолазом О. Овчинниковым

— Представь себе, в самой...

И вот теперь мне хочется рассказать об этом интересном человеке.

Первый раз, как выражается Овчинников, его «окунули в воду» под Владивостоком. «Я не из морской интеллигентии — глубоководников», — рассказывал он мне, — среднеглубинник я». Хотя, надо сказать, ходил человек на глубину до 80 метров.

Есть у моряков выражение такое: счищать ракушки. Произносится оно обычно с иронией: как быть, если «намораживает» этих ракушек на днище кораблей таким слоем, что те получают нежелательную осадку. Вот и приходилось Овчинникову защищать корпуса судов. Почти шесть лет человек освобождал суда от этого груза. Конечно, выполнял и другие работы, но на первом месте были все же ракушки.

А потом судьба носила Овчинникова как водолаза по всей стране — Порт-Артур, Евпатория, Игарка. Бывал он и на Братской ГЭС. Всезде нуждались в нем как в опытном специалисте. Даже случилось так, что его помощь потребовалась работникам Свердловской кинокудии. Шли тогда съемки фильма «Открытие». Овчинников дублировал артиста, которому по сценарию надо было спасти упавшего с баржи бойца. Съемки шли на Туре. Шли неделю. А на экране все промелькнуло за несколько секунд.

Вот таков он, вкратце, человек, этот Овчинников.

— Говорят вам о чем-нибудь название — Осетровая яма? — как бы между прочим спросил я Олега Тихоновича.

— Мало сказать — говорит. До сих пор дает о себе знать, — не задумываясь, произнес он и побил себя пальцем по мочке уха. — Да-а-ает! А с тех пор прошли годы и годы.

Но здесь я снова хочу сделать небольшое отступление. Оно уже — о ямах-донниках. Оказывается, ям таких на наших реках — не счесть. И многие из них находятся на учете у водолазов. У Олега Тихоновича имелась рукописная карта этих ловушек с их точными обмерами. Одна из ям в свое время была обнаружена у бывшего деревянного моста через Турь. Овчинников как-то пытался в нее спуститься в поисках утонувшего человека. Но спуск продолжался только до 18 метров. Уйти на большую глубину помешал набившийся в яму

плавник, которого, как выразился водолаз, был целый «костер». Позднее при замере электрологом удалось установить, что глубина воронки — 28 метров!

Примерно такие же «чудо-воронки» — Чертова дыра и Чертов угол — находятся перед селениями Каскара и Дубровное. В свое время в Чертовой дыре (ее глубина 21 метр) оказалось около 80 контейнеров с дорогостоящим грузом. Они скатились в ловушку с палубы затонувшей баржи. На спасение контейнеров были брошены не только тюменские, но и омские водолазы. Ко всему почему к месту катастрофы подогнали плавкран.

Если из Чертовой дыры было подняты все контейнеры, то из сорока контейнеров, затонувших в устье Иртыша, удалось спасти только один. Остальные «застрягали».

До какого-то времени считалось, что рекорд глубины принадлежит воронке, находящейся неподалеку от Салехарда. Электролот показал: 55 метров! «Застрягает» и многоэтажный дом. Но вот у самого Олега Тихоновича состоялось знакомство с Осетровой ямой...

Произошло это среди зимы. Овчинникова и еще двух работников водолазной службы срочно командировали в село Горноспинкино. Самолетом, машиной, наконец, в розвальнях везли они свое нелегкое снаряжение. А произошло вот что.

Как раз неподалеку от Осетровой ямы (о ней никто из водолазов тогда не знал) затонул трактор ДТ-54. Находились в нем тракторист и дорожный мастер. Всякое случается в жизни. Но такого, похожуй, и не придумать. Стальная машина продавила во льду строго очерченный квадрат. И вместе с этим «квадратом» пошла ко дну. Тракторист уже в воде выбралась из кабины. В это же самое время лыдина вырвалась из-под гусениц машины, подхватила тракториста и вынесла его наружу. И точно встала на прежнее место. А вот дорожному мастеру спасти не удалось.

В кабине трактора мастера водолазы не нашли. И тогда с десяток рабочих, вызванных из села, стали в разных местах долбить майны. Второй спуск под воду ничего не дал. Никакого результата не принесло ни третье, ни четвертое, ни пятое погружение.

Все случилось во время шестого спуска. Овчинников уже изрядно устал. Не очень-то уютно чувствовал себя на разгулявшемся морозном синевке Валерий Викторович Сорокин, обеспечивающий спуск водолаза. Намокшие рукавицы-верхонки покрылись пленкой льда и хрустели, когда он перехватывал до упрогого промерзший сигнальный конец.

А перед глазами Олега Тихоновича медленно проплыvalа шершавая полуметровая стенка. Овчинников начал двигаться точно по течению, ничуть ему не сопротивляясь. Иначе не трудно обойти стороной утонувшего мастера. Была бы хороша видимость — еще туда-сюда. А то вокруг — настоящая дымная мгла. Река — не море, где, как говорят водолазы, брося сорок иголок и все сорок будут в твоих руках. И все-таки в сумном разливе воды Овчинников рассматрел какие-то странные нагромождения, похожие на остовы затонувших судов.

Юний ГОРБУНОВ

**ПИСАТЕЛЬНИЦЫ
РОССИИ**

(Материалы
для биобиографического словаря)

Б

ШЕНКОВСКАЯ М.С., авт. воспоминаний.

Ее восп. в кн.: «Красная быль»: Сб, № 1 / Бюро Истпарта Самар. губ. ком. РКП. — Самара, 1922, с.44-50.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2890.

БЖЕЗИНСКАЯ Софья Николаевна, авт. воспоминаний

Сестра актера И.Н.Певцова. Авт восп.«Брат» (в соавт с сестрами Е.Н.Белецкой и Н.Н.Певцовой). — В кн.: Илларион Николаевич Певцов. М.,1978. С.119-121.

ИДРДВ. Т.4. Ч.4. № 8207.

БИАНКИ Л.В.

Пер. с франц. «От дрессировки к воспитанию» П.Мендуза.

БИБЕР Дарья, переводчица.

В каталоге Библиотеки Трошинского она значится переводчицей с франц. кн. проф. Стой «Начальное руководство к наставлению юношества или Первые понятия о вещах всякого рода, выбранные из Базедова, Перольта и других лучших сочинителей, писавших о воспитании детей, представленные в картинах и расположенные систематическим порядком» М., 1793; 2-е изд. М., 1812; 3-е — М., 1815. Но составители «Сводного каталога русской книги XVIII века» высказали обоснованное сомнение в причастности к переводу супруги содержателя кн. лавки Якова Бибера, которая после его смерти выступала по отношению к этой книге в кач. книгопродавщицы, а не переводчицы.

Слов. рус. писательница; Венгеров. Сл.; Сводный каталог.

БИБЕРГАЛЬ Е.А., авт. воспоминаний

Участница револ. движения. Ее восп. о П.Д.Баллоде в кн.: Валескали, П.И. Революц. демократ Петр Давыдович Баллод. Рига,1957, с.297.

ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1000.

БИБИКОВА А., авт. воспоминаний

Правнучка декабриста Н.М.Муравьева. «Из семейной хроники». — «Ист. вестн.», 1916. Т.146. № 11. С.404-426.

ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 1192.

БИБИКОВА А.П., сотр. журн. «Шут» (1908-09) — А.Б.

Масанов.

БИБИКОВА Анна Ивановна (псевд. А.Лунский; ок. 1911 — 1876), беллетристка, переводчица.

Авт. пьес; дочь контр-адмирала И.П.Карцова, мать публициста и историка П.А.Бибикова. Писала компилиятивные очерки по истории мореплавания, переделки с франц., пьесы для любительских групп (некоторые из них остались в рукоп.). В этих пьесах вывела себя в виде вздорной, но доброй генеральши Крымской. В ЛГТБ хранится рукоп. ее драмы «Французский стрелок» по роману Б.Скотта, подписанной «А.Лунский». Авт. «оригинального ром.» «За грехи отца». Б. выкупила из долговой тюрьмы А.А.Григорьева.

Русские писатели; Слов. рус. писательница; Венгеров. Сл.

БИБИКОВА Екатерина Ивановна.

(См. Раевская, Е.И.).

(Продолжение на стр. 31)

Его стало усиленно прижимать к этому бесформенному завалу. И лишь когда водолаза рывком воды припечатало к стенке, он понял, что перед ним — севшие на дно бетонные плиты.

Пытаясь обогнуть бетонное нагромождение, он сделал шаг, еще один. И вдруг ощущимо резкая мускулистая струя воды оторвала его от плиты и, как игрушку,бросила вперед. Овчинников уже не чувствовал дна. Лишь в голове мелькало: «Сигнал! Почему я не чувствую эту чертову удавку?..» Он, конечно, не мог знать, что сигнальный конец вырвался из заледенелых верхонок Сорокина. Водолаз продолжал лететь в черную, все туже обжимающую его тело тьму.

А Сорокин, поняв, что конец ему не удержать, дико заорал. Когда жалкий остаток веревки заизвивался змеей возле его ног, к нему на помощь бросились шестеро рабочих.

Сейчас трудно сказать, на какую глубину ушел Овчинников. Потом прикидывали — получилось где-то метров на пятьдесят. А тогда он еще какое-то время продолжал проваливаться в страшную пустоту. В голове раздался щелчок, потом в ушах послышался звон. В голове зашумело, как в чайнике. И он потерял сознание.

Окончательно пришел в себя человек через сутки уже в Тюмени.

— А что было потом?

— Что потом? — устало улыбается Олег Тихонович. — Потом полтора месяца отлеживался в белой палате и несколько лет сидел на лекарствах. Но выжил...

Как показали замеры Осетровой ямы, в которую угодил Овчинников, была она глубиной 65 метров! А называлася яма так потому, что в подобных ямах (их еще называют юровыми) зимует царь-рыба. Пережив зиму в тепле Юровых, осетр уходит к местам нерестилищ. И так из года в год. Когда-то по зимам возле этих ям гуртовались крестьяне, ловили осетров на цепкие крючья. От добытчиков на льду было темным-темно. Сюда же из Тобольска наезжали купцы, на месте оптом скупали сладкую рыбцу. А те из рыбаков, что были посмешищем, сами вели осетров в губернский город. Там рыба шла по более высокой цене.

Какое-то время Осетровая яма называлась еще Правительственной. Черпали из нее рыбу для кремлевского стола. А на берегу стояла сторожевая вышка. Как такое добро оставил без охраны?..

Вот такая история.

Орден из кованого сундука

(документальная повесть)

Что там, за строчками письма?

«Вы ищите Вениамина Федоровича Овчинникова, гвардии рядового, чтобы вручить ему орден Красного Знамени, награду за одну из боевых операций, — написала мне из поселка Бобровского Сысертского района Лидия Ивановна Насобина, — а он погиб еще в 41-м, в ноябре. Сложил свою юную голову, не дожив и до двадцати лет. С фронта пришла нам еще одна страшная бумага, в которой было сказано, что и отец его — Федор Овчинников — тоже пал смертью храбрых. Видно, придется Венину награду получать мне, его старой тетке, потому что, выплакав глаза, вскоре умерла и его мать. И сродный брат — Валерий Коряков, который работал инженером в Свердловском радиоцентре, тоже скончался.

Вот такие горькие строки принесла почта. Читаем дальше.

Письмо от педагога тагильской школы № 3 Валентины Александровны Томиловой-Маминой: «Мой отец Томилов Александр Игнатьевич, 1907 года рождения, на фронте ушел добровольцем. Наша семья в то время жила в Слободутуринском районе. Последние письма приходили из Ленинграда, но они не сохранились. Мать умерла, а нас с братом определили в детский дом № 2 в пос. Нейво-Рудянском. Давно ищут место гибели и могилу отца. А вдруг Вы мне поможете. Ведь он был не трус, вот и к ордену, оказывается, был представлен. Вдруг в наградном отделе сохранились не только сухие строчки приказа, может, среди них еще какие слова о моем дорогом отце?»

Вместе с Валентиной Александровной мы запросили наградной отдел ЦАМО, и нам выспали орден Красной Звезды. На самом деле орден этот, эта Звезда — темно-красного цвета, как комок застывшей крови. Посмертная награда человеку отважному, Александру Игнатьевичу Томилову, последнее его «прости» своим уже состарившимся детям. Валентина Александровна, получив в военкомате эту Красную Звезду отца, рыдая, припала к ней, словно хотела закрыть собой его дышащуюся рану.

Не таким, помните, мне поначалу виделся «папад орденов». За все время поиска, настойчивой еженедельной переклички с помощью радио, меня не покидало гнетущее чувство: будто ты ходишь по старому, в буряне полу-кладбищу, выкликаешь имена усопших, а в ответ только ветер шумит да печально клонятся деревья. На мозг, на душу что-то давит,

(Продолжение. Начало в №№5, 6, 2006.)

преследуют обрывки другого мира, тревога — даже в снах. Из далекого прошлого выплывает осенняя дорога на Вязьму. Холодный ноябрь, мелкий дождь, военный обоз, за ним беженцы с котомками — старики и дети. Скрип колес, кашель простуженных людей, на обочинах брошенные автомобили — кончились горючее. Тот обоз шел уже три дня, не останавливаясь. Он спешил и держал ориентир не по компасу, шел на гул орудийной канонады, ночью на всполохи горевшего неба. Там были свои.

Полк выходил из окружения, но в одну из ночей из встречного села по колонне резанул пулемет. Причем — трассирующими. Из тымы летел огненный смерч. Обоз рассыпался. Завязался бой. Людей полегло много. Кто узнает, кто восстановит их имена? У какого села, которое потом весь день полыхало пожарищем, обоз попал в засаду?

Ввиду своего, тогда малого возраста, я, конечно, мало что помню о тех временах, но так горяч был воздух моей сожженной дотла родной Смоленщины, так взвело я им надышалась, что моя генетическая память нет-нет да и начинает транслировать реальные картины. У нас, поживших в 40-х годах, в подсознании есть то, чего не знают, никогда не смогут почувствовать люди другой страны.

Радости мой поиск не приносил, душевный покой отнимал. Но что более всего огорчало — результаты были весьма скромные. Время шло, но только четверо из моего «наградного списка» свой давний орден смогли получить лично. Оказалось, что один из них живет в районе Уктуса. Это Борис Степанович Михалев. Войну прошел, как он говорил, «от звонка до звонка, но с перерывами на два ранения». Домой вернулся почти глухим: воевал в артиллерии. Боевые награды? Они приколоты на парадном пиджаке. Но про орден Боевого Красного знамени, который его более сорока лет «где-то дожидался», узнал впервые. «Будет повод с внуками поговорить «об огнях-пожариках, о друзьях товарищах», — говорил Борис Степанович. За что орден? Предположил, что за один из боев уже на территории Германии. Вспомнил ночную танковую вылазку врага, которую «захлебнула» его батарея. Тогда лейтенант Михалев получил тяжелую контузию и три месяца провел в госпитале. А когда выписался, уже гремели залпы Победы.

В один из дней пришла телеграмма из Тамбова от ветерана войны Сергея Ивановича Дрёшина. Читая: «Спасибо, Инна Гладкова! Только благодаря

Вам я теперь смогу получить свою военную награду, да какую — Орден Ленина! Мои земляки-уральцы услышали по радио Ваш рассказ, тут же позвонили, поздравили. Успехов Вам и дальше!».

Признаться, я рассчитывала получить от С.И.Дрёшина еще и подробное письмо с рассказом о себе, узнать из первых уст одну из историй Великой Отечественной, но вот не случилось. Причины не знаю. И винить человека не имею права. Часы тикают. Земля, поворачиваясь с боку на бок, накручивает годы.

Известно, что век человеческий не всегда сто лет — об этом напомнило письмо из Первоуральска. «К сожалению, склонили мы в 1984 году нашего дорогого мужа и отца Дмитрия Ивановича Нарбутовского, — написала мне вдова старого солдата. — Орденов и медалей с войны он привез много, но баxвались не любил и военных записок не оставил». Вот и в наградном отделе о нем только дежурная фраза, что лейтенант Дмитрий Иванович Нарбутовский «представлен к ордену Боевого Красного знамени за боевой подвиг в период Великой Отечественной войны». Какой подвиг? Что это был за бой? — Знаем только, что он один из тех, которые приблизили Победу. Боевая награда, хотя и с опозданием, хотя и не до самого героя, но дошла. До его родных, тех, кого боец защищал. И теперь она для потомков — семейный раритет.

Распечатаем еще одно письмо, оно от Нины Николаевны Стряпуниной. В моей передаче она услышала в списке награжденных имя своего родного брата — Ивана Николаевича Гладинова. Этот уральский паренек ростом был невысок, но крепкого телосложения. Голубые красивые глаза. Полюбить еще никого не успел. Семь классов, потом ремесленное, профессия — слесарь, успел немного поработать на ВИЗе. Призвали его в 1943-м, а летом 1944-го — погиб. Ему было только двадцать лет. «На фронте, — пишет Нина Николаевна, — ушло трое моих братьев: Николай и Рафаил — вернулись, но Рафаил инвалидом, без руки. А на Ивана от матери дети долго скрывали похоронку. Он был в нашей большой семье младшим, мать его больше всех любила. Убивалась потом долго».

Сестре Ивана Гладинова удалось провести и свой непростой поиск, она неустанно делала запросы, расспрашивала однopolчан, писала юным следопытам. И нашла могилу брата. Теперь мы знаем, что он был отважным разведчиком. «За языкъ» не раз ходил в тыл врага, за что и был представлен командиром к ордену Боевого Красного знамени. Но вскоре погиб, выполняя очередное задание. Случилось это на псковской земле. В этих местах несколько месяцев стоял фронт, полегло много солдат. Места непроходимые, болотистые. А хоронили их уже после войны. Местные жители. Останки — более шестисот человек — теперь в братской могиле у деревни Ленец Пустошинского района.

Нина Николаевна рассказал мне, как она ездила в Псковскую область, как нашла это братское захоронение, как плакала, читая на обелиске бесконечный список имен, среди которых установила, что есть и еще уральцы. Оставила горсть земли с могилы матери. Привезла оттуда залитую кровью ее юного брата священную землю, положила на родительские могилы. Поездка была тяжелая, нервная, но так, считала она, подсказал ей зов предков. У родных могил происходит очищение от скверны.

(Продолжение следует).

БИБИКОВА Елизавета Андреевна (1812 — 1854), поэтесса.

Жена видного деятеля русской армии В.А.Бибикова. Б. можно назвать поэтом одного стихотворения — «Нынешний свет», напечатанного в журнале «Маяк» в 1841 году (Ч.24. С. 22-23). В нем она обличает «нынешний» бездушный свет, противопоставляя его царившему некогда «золотому веку». Это образец дилетантской женской поэзии середины XIX в. Других стихот. Б. не обнаружено. Умерла от холеры.

Русские писатели; Слов. рус. писательниц.

БИБИКОВА И.К.

«Бог царя сохранил: Повествование о том, как жизнь государя императора Александра 11 сохранена по воле Провидения рукою крестьянина О.И.Комиссарова, 4-го апреля 1866 года». М.1866.

Слов. рус. писательниц.

БИБИКОВА Мария Сергеевна (урожд. Толстая; 1872 — 1954), авт. воспоминаний

Дочь С.Н.Толстого, брата Л.Н.Толстого. «В семье Толстых. \\\ Л.Н.Толстой и его близкие. М.,1986, с.14-86.

ИДРДВ. Т. 5. Ч.1. № 367.

БИБИКОВА Софья Дмитриевна.

(См. Толстая, С.Д.).

БИБИКОВА Софья Никитична (урожд. Муравьева; 1829 — 1892), авт. воспоминаний.

«К воспоминаниям о моем отце Никите Михайловиче Муравьеве» \\\ «Дум высокое стремление». Иркутск, 1975. С. 171-174 — детские годы автора в Сибири.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. Ук. из.

БИЗЮКИНА Анна Юрьевна (псевд. Юрьева, А), беллетристка, переводчица.

Авт. книжек-переложений для детей и народного чтения: «Новая повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы» в 3-х ч. М..18-91 (некр. изд.); «Золотая книжечка в подарок детям от 6 до 12-летнего возраста. Интересные, нравственные рассказы и истории, обработанные г-жой Юрьевой». М.,1890-91; «Заколдованные страны. Светлое солнчишко. Детские нравственные рассказы, повестушки и истории, заимствованные из источников лучшей детской лит.». М.. 1891; «Человек-чудовище. Пов. (По В.Бого). С франц. изложила А.Юрьева. М.. 1891; «Гвиннел Горе-Смех. Пов. из англ. жизни нач. ХУ111 в. В 2-х ч. (По В.Бого). Изложено А.Юрьевой». М.,1890-91 (некр. изд.); «Бабушкины и маменькины нравоучит. рассказы, сказочки и истории, заимств. из источн. Лучшей дет. лит., обработанные г-жой Юрьевой». М.,1890-91 (некр. изд.); «Отелло, венецианский араб и прекрасная Дездемона, или Безумие ревности. Пов. в 5 ч. (По Шекспиру). Сост. А.Юрьевой при участии Е.Вэр-Чистяковой». М.,1895 (некр. изд.)

Масанов; РНБ.

(Продолжение на стр. 61)

Андрей ПИЧУГИН,

фото автора

На вершине Старика- Камня

Мы стоим на одной из вершин Веселых гор, которые находятся в 30 километрах от Нижнего Тагила. Ясное полуденное солнце освещает лесистые вершины гор. Над всхолмленной поверхностью – зеленое море тайги, приподнятое в период геологического развития Урала.

Писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, выражая любовь к Уральским горам, назвал их «милые зеленые горы». На ярко-зеленых возвышенностях темнеют каменные выступы, обозначая вершины гор. Вот они, самые высокие вершины окрестностей Нижнего Тагила, возвышаются одна за другой: Билимбай, Ди-кая, Острая, Голая, Старики-Камень и гора Оборотная, на которой находится сейчас группа юных туристов из Черноисточинского Дома детского творчества.

Множество горных вершин бросаются в глаза, сразу не разберешь, где какая и как называется. Идем с ребятами на соседнюю ближайшую вершину, через горную седловину. Редколесье выстлано высокотравьем, некоторые травы достигают человеческого роста, среди них: горец змеиний, вейник туполоколосковый, гвоздика иглистая. На карнизах скал и в расщелинах укореняются стланниковые деревца кедра, ели, можжевельника. И растения вудсия эльбаская, многоцветковая обыкновенная, линnea северная. Но на вершине горы сухо, и маломощные примитивные почвы не благоприятствуют развитию растительности. Некоторые растения занесены в Красную книгу.

Выходим к двум скалистым выступам, по географической карте определяем, что это Голая гора, ее высота над уровнем моря 748 метров. С южной стороны горы обширный курумник, кое-где произрастают кустарники и рябины. Далее по маршруту выделяется зазубренная стена горы Старики-Камень, со всех сторон окруженнная лесом. Еще один часовой переход по пересеченной местности, заваленной упавшими деревьями, и группа туристов поднимается на скалистый выступ горы Старики-Камень.

Она представляет собой обрывистый гребень, вытянувшийся на 300 метров. Восточная часть скал открывается на 50 метров, западная представляет крутой склон нагроможденных камней – курумник. Высота горы 755,4 метра над уровнем моря. Гора

сложена габбро-диоритовыми породами. Слоны горы и всего массива изрезаны узкими долинами рек: Шайтанки, Полуденной Шайтанки, Дикой Шайтанки и Каменки. Животный мир имеет типичный южно-таежный облик.

К подножью горы Старики-Камень из поселка Черноисточинск ведет лесовозная дорога, которая уходит на бывшие лесные делянки. Черноисточинский лесопункт следил за дорогой, прокапывал кюветы, укладывал водоотливные трубы, велась подсыпка дорожного полотна, в самых низких местах дорогу выкладывали лежневкой.

Вершина горы Старики-Камень находится как раз на условной границе двух частей света – «Европы» и «Азии». Также через вершину проходит граница двух районов: Пригородного и Кировградского. Это самая высокая вершина в окрестностях Нижнего Тагила. С вершины на многие километры открывается уральский простор, уходящий в синеющую бесконечность. Вблизи широкие лесистые долины, зажатые склонами гор со скалистыми вершинами: Билимбай, Просечная, Скалистая, Рябиновая, Два брата, урочище Веселки. В ясную погоду отсюда хорошо видны очертания Нижнего Тагила, Невьянска, Верхнего Тагила, Висима, Левихи. Дети, передавая бинокль друг другу, с восхищениемглядят в синеющие дали, любуясь природными красками. Позади легкая усталость, а впереди продолжительный переход к базовому лагерю, который расположился вблизи горной речки Шайтанки.

Грандиозность и недоступность гор – источник многих легенд и преданий. Одно из них – о Старики-Камне – гласит: «Этот камень лежал в самой гуще леса, о нем никто не ведал. А когда люди вырубили вокруг него лес, то увидели его старым, покрытым мхом. И люди назвали его стариком». Это название отражает представление о горах как об окаменевших древних людях – стариках и старухах, встречающиеся у многих народов. Старики-Камень по мансийски Нер-Ойка. Жертвенные места коренных народов располагались на скалистых вершинах гор. Для первобытных обитателей эти места были священными.

Горный район окрестностей Старики-Камня ин-

Старик-Камень

тересен и в историческом плане: древние стойбища манси, памятные места старообрядцев, скроны беглецов с демидовских заводов. Старик-Камень является памятником природы Свердловской области и нуждается в повседневной охране. Вследствие частого посещения этого значимого природного объекта,

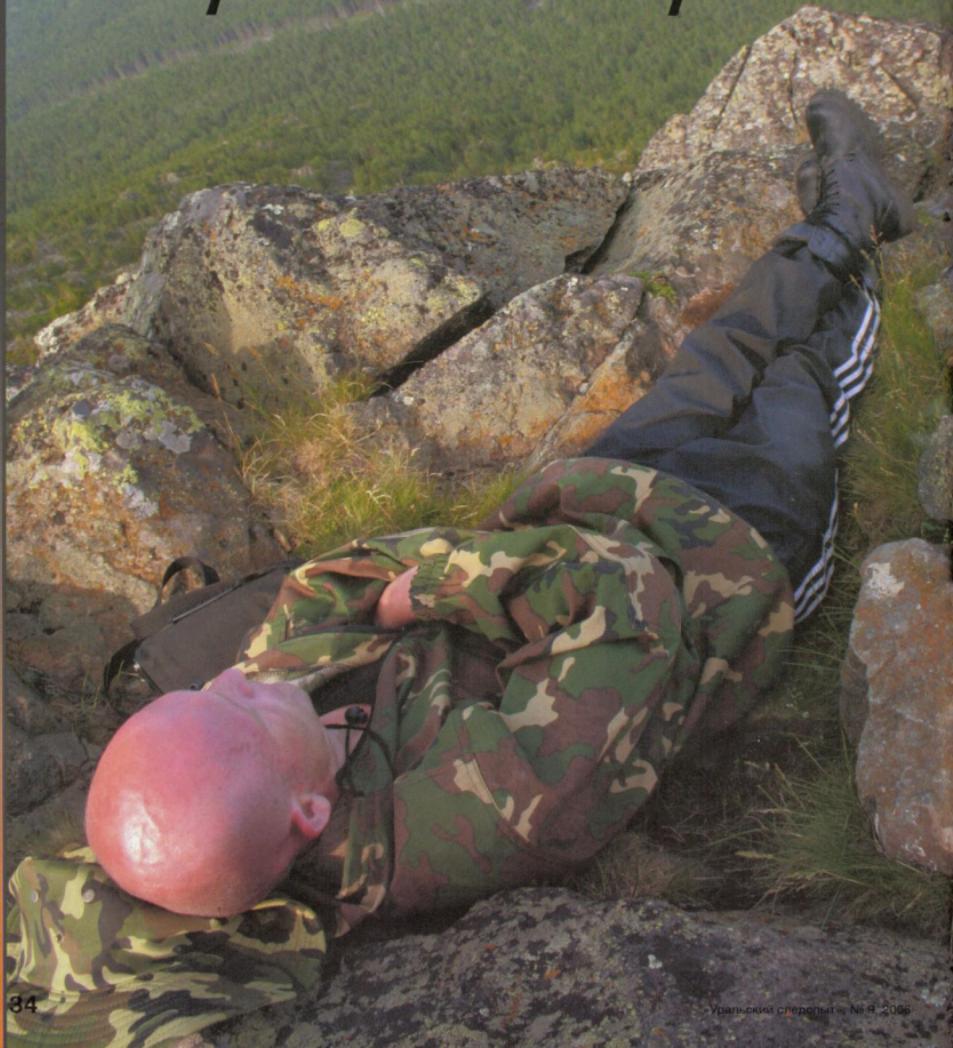
на вершине горы туристы оставляют мусор, на скалах красками пишут автографы. Юные туристы Нижнего Тагила, Невьянска, Кировграда, Левики, Черноисточинска и других населенных пунктов стремятся побывать на горе Старик-Камень как самой высокой вершине в окрестностях Нижнего Тагила.

Веселые горы

фоторепортаж Романа ВАЖЕНИНА,
текст Афанасия НИКИТИНА

Хождение в Уральские горы

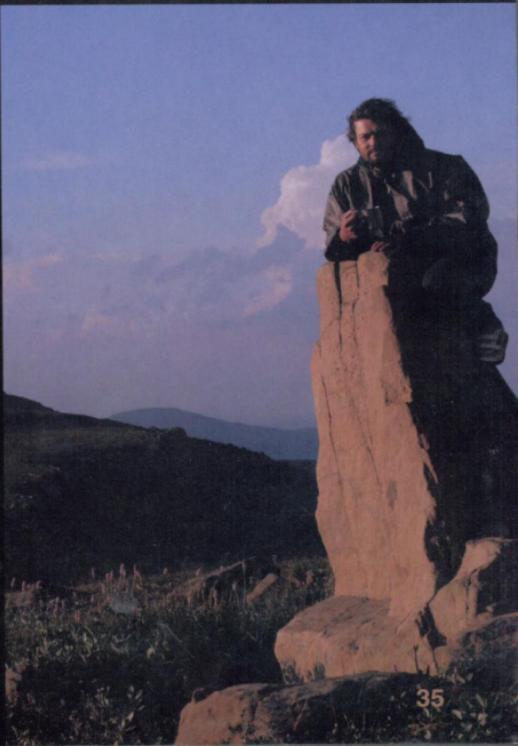

Лето — сладкий сезон жизни. Самое время выпустить душу на прогулку: у неё ведь тоже должен быть отпуск.

Кого-то манят сахарно-белые вершины Тянь-Шаня, кто-то до хрустящей корочки поджаривает свои телеса на знойных пляжах Испании или Турции, а простые уральские парни отдыхают в родных северных горах.

Мы ходили и будем ходить сюда. Пусть лето здесь обманчивое и короткое, на вкус почти горькое, как незрелая ягода. С утра улыбнётся раз обещанием ясного погожего денька, а к обеду, глядишь, обманёт и вновь оборвётся многоточием ненастных дней.

Зато здесь можно запросто увидеть, как рождаются облака. Воздушные потоки, завихрения воздуха прямо на ваших глазах, в три щелчка, сплачиваются в белёсые пышные массы, «баранину туч». Наверное, поэтому под каждой вершиной тут прячется дождь, всегда готовый обильно пролиться на голову путника.

Вид — как из иллюминатора самолёта, когда он заходит на посадку или, наоборот, только набирает высоту. Издалека кажется: это вулкан хмурит «брови». Но вулканов здесь нет. Иначе пейзаж был бы совсем иной.

А звёзды, какие тут звёзды! Целые каменные поля на земной плоскости и, как отражение, целые россыпи звёздных каменьев на ночных не-

бесных грядках. «Что наверху, то и внизу», — так говорили древние люди.

Наши древние горы тоже умеют говорить. Раскатистым эхом, песней ветра, трелью ручья, стекающего по покатым плечам каменных исполинов. Прислушайтесь, и они расскажут вам о жизни и сущи вещей лучше всякой учёной книги.

Конечно, здесь бывает тяжело. Иногда даже очень. «Дорога в облака», как и прежде, нелегка. Горовосхождение, как известно, — весьма изнурительная форма, так сказать, отдыха. Но сквозь грохот перекатающихся камней,вой ветра и треск помех в эфире доносится зов. Он почти осозаем. Он слышен через сотни разъединяющих вёрст, иногда через годы. Слышиште? Это горы зовут нас.

И всякий раз, воротясь домой, скинув у порога нехитрые походные пожитки и едва обняв нежную подругу жизни, уничтожая перед зеркалом остатки «голливудской» щетины, я кричу: «Знаешь, как там здорово! Поехали туда жить!» И, через паузу, не дождавшись ответа: «А что? Построим дом, проведём Интернет и заживём.

Как люди». Через дверь ванной комнаты я слышу её смех...

Сейчас, когда я пишу всё это, за заплаканным окном сгущаются сумерки, и тени тягучего и промозглого дня, почти неотличимого от вечера, плавно переходят в чернильно-тёмную ночь. Мыслами я вновь возвращаюсь туда, в наши добрые и низкие горы.

И вот ракурс меняется, картинка на мониторе, словно влага в усталых глазах, дрожит и расплывается. Я пытаюсь сморгнуть и вдруг снова вижу себя там, где мои друзья бредут по едва обозначившейся горной тропке.

Спелое солнце палит из всех своих столов — такое же одуряющее, как над всеми высями мира, — а холодный переменчивый ветер несёт с собой запах скорого снега. И никуда я не уходит! Горы всегда со мной. Это же так кристально ясно! Они просто стоят вокруг и ждут...

Рюкзак привычно давит плечи, пригибая тело к земле, а лёгким всё так же не хватает воздуха. Под ногами течёт каменная река. По ней мы идём на наш перевал. На нашу вершину...

Хроники несостоявшегося времени

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Читать учебники истории гораздо интереснее, чем детективные романы. В детективе к последней странице всегда становится ясно: что случилось, почему случилось, кто всё это наворил. А в учебнике с каждой прочитанной страницей загадок лишь добавляется. Вот, например, в 1380 году на Куликовом поле Дмитрий Донской со своими дружиными разбил орду Мамая. Казалось бы – всё понятно. Но затем узнаёшь, что был Мамай темником, поднявшим мятеж против законного хана, и всё запутывается. И так – всегда. Но самый главный вопрос, который при этом не дает покоя, а что было бы, если бы...

Что было бы, если бы не удалось мятеж против царя, известного нам как Лжедмитрий I? Может, именно реформы царя, прорубившего окно в Европу, изучали бы мы сегодня, и веком раньше в России возник бы первый университет?

Что было бы, если бы Софья победила в противостоянии Петру? Может быть, не в XIX веке, а на сто пятьдесят лет раньше было бы у нас отменено крепостное право, и студенты сдавали зачеты по аграрным реформам Василия Голицына?

Что было бы, если бы ещё в октябре семнадцатого нашёлся решительный офицер, приказавший вжарить прямой наводкой по окнам Смольного? Может, не в 1993 году, а уже тогда большевистские главари сдались бы под гарантии дипломатов столь ненавидимых ими западных демократий (ни словом не вспомнив о тех, кто пошёл за ними), и не было бы этого жуткого эксперимента над огромной страной?

Одним из таких узлов отечественной истории, вызывающим особенно много вопросов, является, на мой взгляд, убийство Александра II, совершенное

накануне подписания «Конституции Лорис-Меликова» (по версиям некоторых историков Манифест уже был подписан и отправлен в типографии для опубликования). Кому так мешал царь-реформатор? Кто исправно снабжал террористов сведениями о времени и маршрутах его поездок? Почему практически сразу после удавшегося покушения террор прекратился? Вопросы, вопросы, вопросы...

Конечно, манифестом не учреждался в России парламент. Но было в нём нечто этакое, за что в обществе называли его Конституцией. Даже знаменитый народоволец-террорист-писатель Степлик-Кравчинский (свидетель, безусловно, пристрастный) видел в комиссиях, которые должны были быть учреждены, зародыш Генеральных штатов.

Но самый главный вопрос, который не дает покоя, а что было бы, если бы Александр III продолжил реформы своего отца и они проводились бы со свойственной и ему самому, и Лорис-Меликову, и Скобелеву решительностью? Что было бы, если бы власть и общество сделали ещё пару шагов навстречу друг другу?

Может, миллионы погибших во время Гражданской войны, коллективизации, большого террора остались бы живы и продолжали трудиться на благо и процветание своей страны?

Может, миллионы эмигрантов остались бы дома, и русские геологи искали бы нефть не в Мексике, а в России, русские инженеры создавали вертолеты не в Соединенных Штатах, а в России, русские писатели писали свои романы не во Франции, а в России?

Понятно, что этого теперь мы уже никогда не узнаем. Но помечтать-то можно...

1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге террористами-народовольцами был убит Александр II; убит накануне подписания подготовленного по его приказу Лорис-Меликовым Манифеста, вводящего на территории Российской Империи основы парламентаризма. 4 марта 1881 года Лорис-Меликов, Скобелев и Игнатьев провели секретное совещание, на котором обсуждали вопрос о целесообразности силой вынудить Александра III подписать подготовленный документ. По предложению Игнатьева, уверенного, что и без этого вопрос решится на Государственном совете положительно, от предложенного Скобелевым плана военного переворота решили отказаться.

6 марта 1881 года.

Санкт-Петербург. Зимний дворец

...Игнатьева увели. В кабинете остались лишь сёмеро: сам Александр III, Лорис-Меликов, Скобелев и четыре офицера. Император уже понял, что под видом ареста верхушки Священной дружины происходит обычный военный переворот.

— Что это значит, господа генералы? — чуть бледнеев, спросил он. — Вы понимаете, что это — измени?

— Манифест, ваше величество, — ещё более бледный, ответил Лорис-Меликов, чуть шагнув вперёд. — Его необходимо подписать. Умоляю вас, сделайте это во имя будущего России.

Подойдя к столу, Александр раскрыл красную кожаную папку со своим вензелем на углу и задумался.

— Что вы себе позволяете, поручик, — послышалась возмущенный шепот Скобелева, — немедленно положите эту вещь на место!

Все невольно повернули головы, а поручик Граббе торопливо, словно ожегшись, поставил на мраморный столик массивную табакерку, которую он, невесть зачем, крутил в руках, и вытянулся.

Раздался негромкий смешок императора. Как ни странно, именно эта сценка вдруг успокоила его и привела в хорошее настроение. Повернувшись спиной к столу, он стоял, держа бювар в руках, и смотрел на генералов смеющимися глазами.

— А вы уверены, ваши превосходительства, что вправе решать, что нужно державе, а что — ей противопоказано?

— Манифест был подготовлен по желанию вашего батюшки, ваше величество, — негромко напомнил Скобелев. — Покойный государь хотел даровать народу России эту «конституцию».

— И чем народ России его отблагодарил?.. Бомбой, генерал, бомбой. И как раз накануне подписания Манифеста. Так нужен ли он России? Или Россия ещё не доросла до выборов?

— Люди часто бывают несправедливы к своим

современникам, ваше величество, — неторопливо, словно размышляя, вразбранил Лорис-Меликов. — Но пройдут года и сменятся поколения. Те, кто будут жить после нас, забудут нас, забудут имена русских царей, как забыли римских цезарей, забудут даже имена основателей российского государства. А вот имя вашего отца они будут помнить. Они будут спорить о реформах Петра Великого, как спорят уже сейчас, а о реформах вашего отца спорить не будут. Проклянут и забудут имена Кильбальчича, Гранивекого, Перовской, проклянут любых террористов, чём бы они ни оправдывали свои злодействия. А имя погибшего от их рук Александра II Освободителя помнить будут. Будут помнить, как помнят имена Александра Невского и Дмитрия Донского.

Неужели вы, ваше величество, хотите остаться в памяти потомков лишь как сын своего отца, а не как продолжатель дела всей его жизни? Он освободил свой народ от рабства, рекрутин, дал ему справедливый суд и основы самоуправления. Он дал своей стране волю, дайте же ей свободу.

— Слова, слова, всё это — слова, генерал, — досадливо отмахнулся Александр. — Извольте. Я сделаю по-вашему, — неожиданно легко согласился он. Обернувшись к столу, он открыл папку, поставил размашистую подпись и, захлопнув обложку, ударил по неё ладонью.

— Теперь вы довольны, господа заговорщики? — он вновь обернулся к генералам, не ожидавшим, что всё решится так быстро. — Да понимаете ли вы сами, какого джина-разрушителя вы хотите выпустить из бутылки?

Отец освободил крестьян от крепости, а они вместо своих полей пошли в кабак.

Вы мечтаете, что из лучших представителей всех сословий со временем будет избрана Дума — да-да, не спорьте — я знаю ваши дальнейшие планы, а попадут туда подлецы из подлецов, мошенники из мошенников и негодяи из негодяев, которые наобещают своим избирателям манну небесную.

Вы надеетесь, что эти избранники будут дружно работать, а они завтра же передерутся между собой на потеху публике, позоря себя и Россию перед всей Европой, перед всем миром. Все эти господа реформаторы, либералы, народные радетели готовы лишь говорить, говорить, говорить, и никто из них не желает ни слушать, ни слышать других.

Вы полагаете, что они станут работать над законами равно справедливыми для всех, а они начнут придумывать привилегии для себя, строить себе усадьбы и дворцы, растаскивать по иностранным банкам народное достояние.

Вы хотите, чтобы Россия богатела, а богатеть и процветать будут единицы, те, кто силой и подлостью исхитряются пролегнуться поближе к пирогу. Все же остальные, глядя на них, пойдут жечь усадьбы, грабить и убивать друг друга.

Что ж вы стоите?.. Вот — Манифест, — Александр кивнул на письменный стол. — Вон там, — он указал

на окно, — Россия. Идите, господа, идите, если считаете, что я не прав и думаю только о своей власти. Только не смеите думать, что я испугался вас и этих ваших янычар.

Подойдя к камину, он легко подхватил массивную кочергу и, почти не напрягаясь, словно играя, согнул её петлей. С грохотом бросив изуродованную кочергу на пол, Александр повернулся к генералам и встал, гордо вскинув голову. Словно стоял не перед заговорщиками, фактически арестовавшими его, хотя это слово никто не произнес вслух, а на военном смотре перед подчиненными.

Несколько секунд все молчали. Затем Лорис-Меликов, упрямо набычившись, негромко ответил:

— Вы совершенно правы, ваше величество. Но, если этого не сделать сейчас, будет стократ хуже. — Осторожно обойдя императора, он подошёл к столу, взял блювар и пошёл к выходу.

— Постойте, генерал! — остановил его строгий оклик. — Давайте всё же договорим. Остались неясности.

Небрежно, словно речь шла о чём-то незначительном, глядя кудато между генералами, Александр спросил:

— Где вы намерены содержать меня? В Ропше или в Михайловском замке? И что будет с женой и детьми? — как ни старался он казаться равнодушным, при последнем вопросе голос его чуть заметно дрогнул.

Скобелев озадаченно заморгал. В принципе, в России хватило бы места, чтобы надежно упратить не только Александра с его семьёй, но и всех монархов Европы с их чадами и домочадцами. Но почему царь назвал первыми именно эти места, где не было даже простых гауптвахт, не говоря уж о помещениях, пригодных для содержания особ царской крови, пусть даже арестованных? Но Лорис-Меликов прекрасно понял скрытый смысл вопроса и чуть заметно покраснел. Наедине с собой он действительно обдумывал и этот вариант.

— Можете не отвечать, — Александр понял всё без слов. — Стало быть, получив желаемое, вы хотите просто уйти. А вы не боитесь, что я тоже захочу порвать кондиции?

Теперь покраснел и Скобелев. Такая простая мысль ему, стратегу и полководцу, должна была в голову прийти, он великодушно знал, что такое ложное отступление. Но не пришла. Может быть, он был слишком солдатом. Солдатом, а не политиком или придворным.

— Снова можете не отвечать, — Александр опять всё понял. — Последний вопрос: что собираетесь делать теперь вы, лично, вы — два заговорщика?

На этот вопрос оба генерала ответили почти хором, не задумываясь:

— Уйти в отставку, ваше величество. Сразу после избрания Думы.

С новым интересом взглянув на них, Александр обошёл свой стол и уселся поудобнее.

— Отчего же — в отставку, господа? Вам, — он посмотрел на Лорис-Меликова, — не нравится быть диктатором? Вы — народный кумир, герой войны, — теперь он обращался уже к Скобелеву, — неужели не хотите стать хотя бы военным министром?

И вновь генералы ответили почти хором:

— Нет, ваше величество!

Словно в задумчивости Александр водил остро отточенным карандашом по лежащему на столе листу бумаги. Генералы не врали. Чувствовалось, что свое будущее каждый из них обдумал гораздо лучше, чем его судьбу в случае, если бы он отказался подписать Манифест. Молчание затягивалось. На конец Александр поднял голову:

— Ступайте, господа. У вас много дел. Это, — он подтолкнул к краю стола лист бумаги, — моя резолюция на ваши прошения об отставке. Вы заварили кашу, и расхлебывать её в одиночку я не намерен. А теперь я хочу побывать один.

Скobelев, шагнув к столу, взял лист и, несмотря на серьезность момента и присутствие государя, громко фыркнул в усы. Александр III всегда был немного солдатом. Всех этих новомодных течений в литературе, живописи и музыке не терпел, предпочитая им лишь одно направление в искусстве — строгий классицизм. На взятом Скobelевым листе бумаги красовался кукиш, нарисованный несколькими смелыми, уверенными штрихами. Передав «резолюцию» Лорис-Меликову, он четко, по-строевому развернулся и вышел в дверь, кивнув офицерам. Следом вышли Лорис-Меликов и три офицера.

А поручик Граубе на секунду замешкался, пропуская в дверь генералов и своих товарищей. Из разговора царя и генералов он понял меньше половины. В руки табакерку он взял лишь от волнения. Не каждый день простому пехотному поручику, пусть даже в разгар кампании переведенному за храбрость из строя в штаб к самому Скobelеву, доводится принимать участие в военных переворотах. Далекий от придворных интриг и дворцовых слухов, он не понимал, какой смысл приобретает в такой момент взятый им в руки предмет. Но смысл завязанной узлом кочегерчи он понял прекрасно и сейчас тихонько сопел от обиды. Чуть задержавшись перед дверью, он достал что-то тускло блеснувшее из кармана, сделал незаметное движение рукой и, положив предмет рядом с табакеркой, вышел.

Послышался топот солдатских сапог в приемной, и всё стихло. В кабинет никто не заходил. Видно, кто-то из генералов предупредил дежурного, что государь хочет побывать один.

— Пахомов, выйди, всё кончилось, — понизив голос, приказал Александр.

Из-за портьеры беззвучно высокользнул есаул лейб-гвардии Казачьего полка. Подойдя к столу, он осторожно, чтобы не выстрелить случайно, спустил взвешенные курки двух револьверов и вытянулся, ожидая приказаний. Губы его и уголок века чуть подергивались от пережитого волнения.

Император прохаживался по кабинету, не обращая на него внимания. Подошел к двери и взял со столика оставленный последним выходившим предмет. Покрутил его в руках и восхищенно крякнул. Это был сложенный пополам серебряный рубль. Такого Александра, сам обладающий медвежьей силой, делать ещё не умел. Вспомнил поручика: высокого, с георгиевским крестом на груди, но всё равно какого-то нескладного, невоенного и с виду не очень сильного. Вернулся снова к своему столу и кивнул вытянувшемуся в струнку, тронь — зазвенит, есаулу:

— Вольно, Пахомов. Можешь спрашивать. Я же вижу...

Спрашивать Пахомов ничего не собирался, но

свою службу в конвойе Его Императорского Величества понимал правильно. Если Государь говорит, спросить нужно. Вытянулся ещё сильнее.

— Ваше величество, почему вы не дали мне знак? Они же могли убить вас! Вы поверили тому, что они рассказали?

— Ну, ну, есаул... Ты задал сразу несколько вопросов, не относящихся один к другому. Так нельзя, братец. Я не дал тебе знак, потому что они не хотели убить меня. Люди, подобные этим двоим, никогда никому не угрожают. Это, — он кивнул головой на табакерку, — была не угроза. Поручик переволновался не меньше тебя, но у тебя руки были заняты, а у него — нет. Вот и схватил первое, что попалось. Я тоже, — Александр указал на кочергу, — от волнения повел себя не лучшим образом. Это — понятно?

Есаул кивнул, умудрившись вытянуться при этом ещё более «смирно». Он ничего не понял про табакерку, но шестое чувство дворцовского гвардейца подсказывало ему, что именно про табакерку уточнять не следует.

— Люди, подобные этим двоим, либо делают что-то, что считают нужным, — если бы они считали нужным убить меня, я был бы уже мертв, и ты бы сумел разве что отомстить за меня, но не спасти, — либо не делают, если считают это ненужным. Думаю, что они арестовали бы меня и держали под стражей, пока я не подписал Манифест. Но, ещё раз говорю: ни мне, ни детям ничего не грозило. Поверил ли я Лорис-Меликову в том, что он рассказал про Игнатьева и других? А почему бы и нет?! «Народная воля» и «Священная дружина»... «Священная дружина» и «Народная воля»... Это многое объясняет. Отец освобождает крестьян, а его пытаются убить. Он проводит реформы и побеждает в войне, а покушений становится всё больше. Земство, суд присяжных, отмена рекрутчины, а покушения становятся всё изощренней. Халтурин ходит по дворцу с пудами динамита, террористы знают о каждом шаге отца, о каждой его поездке. Его каждый раз спасает случайность. И эти взрывы 1 марта... О Манифесте знали все. Ещё ничего не опубликовано, но все, абсолютно все знают текст «конституции», обсуждают её, критируют, но ждут. А убийцы торопятся, словно у них остался последний шанс, и завтра уже будет поздно. Арестован Кибальчич, арестован Желябов... По законам конспирации остальные должны немедленно скрыться из Петербурга, отложить свои планы до более удобного случая, чтобы не погубить всю организацию. А они остаются... Да, я поверили Лорис-Меликову. Исполнительный комитет мог стать игрушкой в руках тех, кто с каждой новой реформой терял всё больше власти.

— Но то, что вы сказали про Думу, ваше величество? Зачем же вы подписали Манифест? Один крик или выстрел, и здесь были бы мои казаки, — есаул кивнул на незаметную дверь потайной комнаты, — вас вывели бы в безопасное место...

— А дальше? Да, можно все оставить как есть.

Но что потом? Новая «николаевщина»? Всё тихо, как на кладбище, всякий сверчок знает свой шесток, никто ничего не решает, потому что для этого есть Государь, и спокойнее не брать на себя ответственность. А потом новый Севастополь? Или бунт? Не бунт — гражданская война, по сравнению с которой и пугачевщина, и Смутное время покажутся игрой в бирюльки.

Да, люди сейчас живут трудно. Как сказал господин Некрасов, цепь порвалась, ударив одним концом по барину, другим — по мукину. Но при этом и барин, и мужик остались живы. Пусть — разоренные, но — живые. А остались бы они живы, если бы, не дождавшись воли, объявился новый Пугачев?..

Понимая, что Государи разговаривают сам с собой, Пахомов помалкивал. Про происшествие с цепью, при котором кого-то покалечило, ему ничего не докладывали. Видимо, это случилось не в его дежурство и, возможно, не во дворце. В любом случае его, Пахомова, вины в том не было, и взыскание ему не грозило. Однако то, что Его Величество изволили назвать Некрасова «господином», говорило о многом. Поручика Некрасова из второй роты лейб-гвардии Преображенского полка есаул знал очень хорошо, считая его до этого дня никудышным офицером и преступным человеком. Слова Государя говорили о многом. С Некрасовым следовало сойтись покороче. А вы, как думали? Служить в гвардии, это вам — не в номерном полку где-нибудь в провинции.

Александр между тем продолжал всё так же, скорее для себя, чем для слушателя. Но теперь он уже словно бы спорил с кем-то. Не то — сам с собой, не то — ещё с кем-то, кого в кабинете сейчас не было.

— Лорис-Меликов прав, будет стократ хуже. Депутаты — болтуны и мошенники? Но они везде — болтуны и мошенники. Поболтают и научатся слушать друг друга. Начнут брать взятки? Начнут, конечно. Но будут и разоблачать и друг друга, и приворовавшихся чиновников, чтобы выглядеть в глазах избирателей народными защитниками и избраться ещё на один срок.

Народ не созрел?.. Но другого народа — нет и не будет. Ошибутся с выбором и раз, и другой, и третий и научатся выбирать не тех, кто умеет болтать и обещать, а тех, кто умеет думать и работать.

Самодержавие... традиции?.. Но народное вече и земский собор — это тоже русская традиция.

Православие?.. Но Мазепа был православным, а Брюс и Бору — лютеранами.

Замолчав, Александр задумался и усился за свой стол. Нерешительно потянулся к себе выдвижной ящики. Закрыл его. Подумав, снова открыл и достал папку такую же, какую унес Лорис-Меликов. Открыв папку, долго смотрел на лежащий в ней лист бумаги. Затем, решившись, быстро обмакнул перо в чернильницу и подписал. Взглянув на выпаривающего глаза Пахомова, тот успел прочитать текст и сейчас меньше всего напоминал образцового казачьего офицера, Александр вдруг засмеялся громко и освобожден-

но, как человек, принявший самое трудное в своей жизни решение. Даже слезы на глазах выступили от смеха. Отсмеявшись, он протянул папку Пахомову.

— Они унесли указ о закладке нового броненосца, — ответил он на невысказанный вопрос. — В тот день, когда генералы смогут заставить что-то сделать царя, в России нужно будет учреждать республику. Дай Бог, это случится лет через пятьсот.

Найди их и отдаи Манифест. Они сейчас, наверное, не знают, что делать дальше. Не устраивать же двум боевым генералам второй мятеж за день из-за того, что я всушил им не тот документ и провел, как мальчишеск. Ступай, Пахомов, уведи тихонько своих людей и забудь навсегда всё, чему сегодня ты был свидетелем.

Иди, братец, мне действительно надо побывать одному. Всё только начинается...

30 апреля 1885 года царь подpisaал Манифест о наделении Государственной Думы правом законодательной инициативы и упразднении сословных, национальных и религиозных ограничений. По всему западу и юго-западу России начались еврейские погромы. Почти везде местные власти бездействовали.

18 мая 1885 года. Волынь. Имение пана Лестинского

...Последними, уже ночью, пришли из местечка урядник и отец Михаил и привели с собой троих найденных на улице ребятишек. С ними вместе сбрасывались в усадьбе около сотни душ, больше — женщины и дети, у которых хватило ума спрятаться от погрома. Надеялись, что хоть и располагалось имение всего в двух верстах от Лестин на дороге к станции, но погромщики сюда не пойдут. Старый Лестинский ёщё за неделю, услышав разговоры, стал предлагать знакомым спрятаться у него и переждать неспокойное время. Но знакомые, даром что евреи, понадеялись на русское авось и побежали прятаться, лишь когда все началось. Из имения хорошо было видно, как над городком поднимается дым. Ночью небо осветилось заревом.

Урядник Фролов, шипкинский сиделец и кавалер, на ногах едва держался. Днем, когда он пытался остановить громил, его чём-то тяжелым сзади ударили по голове и пырнули в грудь вилами. К счастью, зубья скользнули по ребрам и до сердца и прочих печени не достали, а голову у полицейского оказалась крепкой. Сочтя мертвым, его оставили лежать на улице. Кисет с табаком и кошелёк забрали, но почему-то не разоружили. Вечером его привел в чувство и кое-как перевязал отец Михаил. Тому тоже досталось от толпы, но не так сильно.

Подпоручик Крымов, гостивший нынче у своего друга ёщё с гимназии, молодого Адама Лестинского, подкреплению обрадовался. Весь день он, приняв на

себя командование «гарнизоном», непрерывно распоряжался: из ребятишек порезвее выставил дозорных на дороге и вокруг усадьбы и наблюдателей на крыше, заставил остальных забивать досками окна, таскать воду в дом на случай пожара, беспрерывно всех понуждал, заставлял переделывать сделанное, проверял посты. Делал он это просто для того, чтобы люди были хоть чем-то заняты и не умирали от страха за себя и за оставшихся в местечке близких.

Оружия в имении было — кот наплакал. Два охотничьих ружья — старого пана и его сына, берданка Васьки, единственного работника мужского пола, с которой тот летом охранял сад от грачей и дроздов, и револьвер самого подпоручика, который он, отправляясь в отпуск, невесть зачем, взял с собой. Даже не строевой револьвер, а так, «бульдог», выигранный у полкового приятеля в карты. Да ещё — сабля времен Богдана Хмельницкого. Примерно так же обстояло и с бойцами.

Ещё утром, когда в местечке всё только начинилось, и стали прибегать первые испуганные, а иногда и избитые женщины с детишками, Крымов отправил Ваську верхом на станцию, где был телефон. Но сам прекрасно понимал, что помочь, даже если будет вызвана, опоздает. Пока Васька проскакет тридцать верст, а лошадь — рабочая, не строевая, пока телеграмма дойдет до начальства, пока вышлют воинскую команду, а захотят ли ещё высыпать... Оставалось надеяться, что погромщики сюда не пойдут. Шашку у урядника он забрал, понимая,

что в рукопашной тот сейчас не боец, а револьвер ему оставил. Расспросив подробно Фролова и отца Михаила, Крымов совсем приуныл, хотя вида не показывал. Надежда, что погромщики к ночи устанут и угомонятся, пропала. Они, расплесневленные водкой и безнаказанностью, с наступлением темноты только вошли в раж. Если днём больше били, ночью начали убивать и пошли по домам русских обывателей, разыскивая спрятавшихся.

Глядя на начавшие уже гаснуть звезды, людям оставалось только молиться. И молились все. Вместе обращались к Богу католики Лестинские, православный священник отец Михаил и портной-иудей Кацман. В другое время эта общая молитва, может быть, удивила бы, но сейчас, однако, она не вызывала ни у кого ни удивления, ни протesta. Даже Крымов, который про себя раньше думал, что ни в Бога, ни в чёрта не верит, молился со всеми.

Погромщики пришли, когда рассвело. Толпа человек в полтораста показалась на дороге, и видно было, что идут прямо сюда. Сами ли догадались, что у панов прячутся жиды, подсказал ли кто, какое это имело сейчас значение. Может, просто захотели разом решить вопрос с тяжбой из-за лужка за речкой. По дороге они уже завернули в придорожную корчму, где немного подразмывались. Пытавшегося что-то лопотать корчмаря Санька Клещ, известный всем жулик и пьяница, просто тюкнул топором в темечко, только мозги брызнули в стороны. Саньке немного попеняли: теперь — свобода, зачем лишил

общество удовольствия, можно же было сперва поиграться с пархатым. Наскоро разгромили корчму и подожгли её, предусмотрительно откатив в сторону пару бочек хмельного. Подкрепиться на обратном пути, когда от делов будет закончено.

Завидев толпу, Крымов запустил такое, что урядник и Лестинские, несмотря на ситуацию, одобрительно захочтали, а отец Михаил укоризненно покрутил головой. Ругался, впрочем, подпоручик на себя. Как же не догадался он перед рассветом увести людей в ближайший лес? Так себе лесок, а всё же — укрытие. Небось, за несколько часов не замерзли бы. Расставив мужчин с оружием возле заколоченных окон, — щели наподобие бойниц Крымов предусмотрительно велел оставить, — он приказал стрелять не раньше, чем толпа подойдёт к клумбе. Остальным, когда начнётся стрельба, через заднюю дверь бежать к лесу. Но не раньше. Вряд ли громили возвысили усадьбу в правильную осаду, скорее всего, попрут стадом через парадное крыльцо. Сам с револьвером в одной руке и шашкой урядника в другой вышел за порог, распорядившись дверь за собой сразу заложить.

Последняя надежда напугать погромщиков офицерскими погонами растаяла. Никого не испугали ни его китель, ни его оружие. Лишь заряжали полуночью, заорали вразнобой что-то похабное про жидовских защитников и дворян, которые завсегда идут супротив народа. Может быть, и не тронули бы его, отойди он тихонько в сторону. Но не мог же так поступить он — русский офицер (хоть и слышал до этого не раз про еврейские погромы и не задумывался, хорошо это или плохо). Глядя на этих хамов, которые с каждой секундой были всё ближе и ближе, — оделись, как на праздник, чтобы убивать и жечь, иконы с собой несут, а на руках у многих, показалось или нет, кровь, — Крымов жалел лишь о том, что погибать придется не в честном бою, как прилично военному человеку, а растерзанному быдлом. Он даже задыхнулся на мгновение от злых слёз, когда представил, как разбегалась бы вся эта сволочь, бросая вилы, топоры и иконы, топча упавших, если бы стояла у него за спиной сейчас с примкнутыми штыками его полуоруга, да нет — всего одно отделение только. А плач за спиной из-за запертой двери становился всё слышнее, всё громче. И чтобы не слышать этого плача и не растревлять себя несбыточными мечтами, не видеть рожки приближающихся погромщиков, Крымов закрыл глаза. Когда они подойдут вплотную, он должен быть спокоен и собран. Он заставил себя слышать лишь приближающийся топот ног и хмельные выкрики и, видно, из-за этого, не сразу почувствовал, как как-то по-другому задрожала земля, не сразу услышал словно бы волчий вой и открыл глаза, лишь услыхав крик с крыши.

Толпа разбегалась, бросая колья, вилы и иконы и топча упавших, а на самом краю крыши прыгал и размахивал руками десятилетний Илья Кацман. Бог знает, что случилось от пережитого ужаса с мозгами

немого от рождения мальчишки, но сейчас он, приплясывая, кричал, неумело, но громко:

— Русские идут! Русские идут! — Может, и не это совсем хотел кричать внезапно заговоривший пацан, но Крымов понял его и лишь затем увидел рассыпавшуюся лавой сотню чубатых астраханцев. Хватило у него ещё сил строго, как и положено офицеру и коменданту крепости, гаркнуть наверх:

— Слезь с крыши! Убешься, дурак, — а затем словно воздух из него выпустили. Едва успел ухватиться за перила крыльца, а иначе упал бы в обморок, словно кисейная барышня.

Всё было кончено в пять минут. Валился на землю Санька Клещ. Не додумался он, как другие, сразу бросить топор, и чуть не пополам развалила его казачья шашка. Остальных, как баранов, гарцевавшие всадники сгоняли нагайками в кучу. Серый от усталости и пыли есаул, теребя в руках фуражку с желтым окольшем, пытался о чём-то рассказывать Крымова. Но тот вопросов его не понимал, ответов своих не слышал. Не рассердившись, видимо поняв его состояние, есаул подозвал урядника с попом. Коротко переговорил с ними и кинул седоусому вахмистру на двоих из толпы. Спешившиеся казаки потащили к ближайшим деревьям, где кто-то уже приложил веревочные петли, лавочника Михеича и чиновника с почты, кажется, Гусева. В такой вот глухи казачьи и драгунские офицеры не перегружали работой военно-полевые суды. Результат будет тот же, так зачем время у занятых людей отнимать. Исповедовать и причастить заводил погрома есаул отцу Михаилу не позволил, строго указав тому, что это успеется и потом. Времени у есаула на ерунду нет — в местечке ещё горело — и следовало поторапливаться.

Сотня ускакала. Следом оставленный конвой, погнал поскученвшую толпу, помогая отстающим нагайками и ножами шашек. А начавший уже приходить в себя Крымов всё стоял на крыльце, прикуривая одну папирюску от другой...

1 сентября 1885 года. Подолья. Город Уездинск

...Ривочка шла в гимназию. Она шла в гимназию первый раз в подготовительный класс. Сколько она себя помнила, она всегда мечтала об этом. Она мечтала, что такая же красавица, как те гимназистки, которых она видела на улицах городка, в коричневом платье с чёрным в будние дни или белом в праздники передничке она будет через весь город идти утром в гимназию, а вечером возвращаться домой. И у нее будет такой же ранец. И в ранце будут лежать такие же учебники и тетрадки, и будет такой же пенал с переводной картинкой, и такие же ручки, и карандаши, и стирательные резинки. И днем в гимназии преподаватели в строгих вицмундирах будут диктовать ей предложения и задачки, и задавать на дом уроки, и даже ставить отметки в тетради. И, если она будет себя хорошо вести и ей очень повезет,

учитель, может быть, сделает ей запись в балльнике красными чернилами. И в этот день папа не отпустит ее поиграть с подругами, как не пускали родители соседку Зою. Ривочка мечтала... И она всегда знала, что ее мечта не исполнится никогда, потому что она — еврейка...

Потом вышел Манифест, и начались погромы. Родители не говорили при Ривочке про погромы, но она многое слышала, когда они разговаривали между собой поздно ночью, думая, что дочь спит. Ривочка знала, что погром — это очень страшно. Какие-то злые люди бьют и даже убивают евреев и поджигают дома. Ночью Ривочка плакала, когда по улице кто-нибудь проходил. Ей казалось, что это уже идут погромщики, чтобы убить ее папу и маму, сломать ее кукол и подожеч дом. В соседнем уезде погромщики убили маминого брата, дядю Исаака и что-то страшное сделали с Ривочкиной двоюродной сестрой Ритой, от чего она сошла с ума. В их городке погромов не было. Сразу, как только они начались в соседних уездах, к ним в город какие-то начальники прислали казачью сотню. Ривочка сама видела, как по улице проезжали на больших лошадях большие русские солдаты. За спиной у них висели ружья, а на боку — сабли. Взрослые говорили, что казаки убивают погромщиков. Потом взрослые стали говорить про какие-то карательные отряды, которые прислали царь, и тетя Роза, прожившая у них больше месяца, уехала домой.

И вдруг папа сказал Ривочке, что она осенью пойдет в гимназию. Это было как в сказке, но это было правдой. Ее мечта исполнилась, и сегодня в коричневом платье с белым фартуком, с красивыми белыми бантами, заплетенными ей утром в две косички, с ранцем за спиной, она в первый раз шла в гимназию. И в ранце у нее действительно лежали и учебники, и тетрадки, и пенал с переворотной картинкой, в котором лежали ручки, карандаши, запасные перья и зеленая, похожая на слоника, стирательная резинка. Все было как в ее мечтах.

И Ривочка шла в гимназию прямо по середине мостовой, а на тротуарах ревела и бесновалась толпа. Люди, которых Ривочка не знала, что-то кричали ей злое и обидное, хохотали, улюлюкали, грозили ей зонтами и тросточками, показывали на нее друг другу пальцами. Она бы заплакала, убежала домой и спряталась под кровать, чтобы не видеть и не слышать этих злых людей. Наверное, это и были погромщики, которые хотели убить ее за то, что ее папа и мама были евреями, и за то, что она захотела учиться в гимназии. Но за одну руку её держала и вела в гимназию её соседка Зоя, а она была уже большая и училась в третьем классе, а за другую руку её держал и шёл с ней рядом большой и сильный казак дядя Захар. Ривочка знала, что он не простой казак, а начальник над всеми казаками. На боку у него была большая сабля. Такие же большие сабли были у всех солдат, стоявших по обеим сторонам мостовой. И девочка знала, что они пришли сюда для

того, чтобы злые люди не смогли её обидеть. И папа, и дядя Захар, и дядя Илья, которого папа очень уважал, говорили ей, что солдаты будут охранять и её, и гимназию, где она будет учиться, и папину парикмахерскую, и их дом, и дом, где со своими родителями жила Зоя. Но ей всё равно было страшно...

Может быть, все дело и было в том, что в Уездинске не было погрома. Одни не пережили его ужаса, другие не испытали на своей шкуре военно-полевого правосудия. Известие о том, что парикмахер Лазарь Коган отдаёт свою дочь в гимназию, считая, что Манифест отменил все ограничения, взвуждало людей. Одних возмущало, что грязная жидовка будет учиться с русскими детьми, других, что еврейскую девочку отдают в гойскую школу. И те, и другие поговаривали о красном петухе. Страсти накалялись, и непонятно уже было, будут ли громить евреев, будут ли громить евреи, или христиане и иудеи объединятся и, слившись в братской любви, вместе поделят заведение Когана заодно с гимназией. Перепуганный парикмахер хотел было уже отказаться от своей затеи, но тут в дело вмешался губернатор.

Дослужив до седых волос, он до сих пор помагал, что манифести пишутся для того, чтобы их исполняли. Размахивая волосатым кулачищем перед носами побледневших чиновников, он не заявил, а прорычал, что Ривочка будет учиться именно в гимназии, даже если для этого придется перевешать полгубернии и перепороть другую половину. Опрничник, право слово.

И работа закипела. Те, кому она была поручена, дело свое знали тую. Сначала вежливый господин в партикулярном платье зашел к Когану как бы побриться и между делом сообщил, что тому совершенно не о чем беспокоиться. И действительно, на Варшавской, где проживало семейство Когана, и располагалась его парикмахерская, чаще обычного стали появляться городовые и казачьи патрули. Какие-то неприметные господа в котелках и клетчатых костюмах фланировали там днем и ночью, столь демонстративно не обращая внимания на посторонних, что и слепому становилось всё ясно.

Священник местной православной церкви, побывав пред очами грозного благочинного, узнал, что далеко за Полярным кругом остался приход без пастыря, каковая вакансия ему, отцу Василию, и достанется, если... Из Губернска отец Василий вернулся задумчивый и в проповедях стал упирать не на защиту поруганных святынь, а на смирение и милосердие. Припомните, кстати, что и сам Иисус Христос не был окрещен в православную веру, и вообще, Священное писание учебу иноверцев и инородцев в гимназиях не ограничивает. И священник греко-униатской церкви вернулся от своего начальства задумчивый, ибо узнал, что хотя Земля Санникова еще не открыта, решение о строительстве там униатской церкви уже принято. Раввина же и вызывать никуда не пришлося. Он, еще вчера плевавшийся при мыслях о

том, что еврейка пойдет в русскую школу, сам стал говорить всем встречным, что уже давно-таки является горячим сторонником совместного обучения, и пусть Ривочка, дай Бог ей здоровья, учится хоть в гимназии, хоть даже в иезуитском колледже.

И некоторые известные обыватели города и никому не известные приезжие, понаехавшие в эти дни в Уездинск и из Киева, и из Москвы, и даже из Петербурга узнали в эти августовские дни, а особенно — ночи, много нового и интересного, о чем раньше не задумывались и не догадывались. Узнали они, какой сюрприз может ожидать человека, если ночью в дверь вежливо постучит почтальон или дворник. Этим повезло. Эти утром могли вернуться к своим семействам. Другие узнали, с каким жутким грохотом ночью неожиданно слетает с петель входная дверь, выбитая одним ударом полицейской кувалды. Это означало, что домой именитный гражданин после обыска уже не вернется. Узнали они, что хотя ворон — птица, воронок — тюремная карета. Узнали, что корумушки бывают не только на деревьях, но и в дверях тюремных камер. Узнали, что жандармский ротмистр будим во время допроса смотрит лунарально, верит каждому слову, убежденный, что произошла какая-то ошибка, и всё быстро разъяснится, и предлагает закурить. А полицейский пристав Истомин смотрит угрюмо и недоверчиво и табачного дыма не переносит. Но хрен редкыи не спасе, и выложите все начистоту о готовящихся беспорядках, об их заvodилах и приезжих активистах придется, попав хоть к тому, хоть к другому. Узнали, что... Да мало ли чего еще можно узнать в такие вот теплые августовские ночи. Принцип равноправия соблюдался при этом неукоснительно. Досталось всем поровну, независимо от происхождения и вероисповедания. Накануне первого сентября в городок для усиления казачьей сотни был переброшен драгунский эскадрон...

И сейчас, когда девочка шла в гимназию, люди свистели на тротуарах и ругались, но бросить первым камень никто не решался. Может, не располагали к инициативе устальные рожи стоящих в оцеплении драгун, может, жуть нагоняя вид казачьего хорунжего — верзили, шагавшего рядом с девочкой, а верней всего — отсутствовали в толпе верховоды. Те из них, кто остался на свободе, сидели в этот день по домам тише воды, ниже травы и даже к окнам боялись подходить. Как бы там не ругали нашу полицию некоторые, умеет она не только за мусор штрафовать, но и беседовать с людьми. Проникновенно, возвышенно, взвывая к самому лучшему и светлому в душе человека, при этом показывая ему на карте местонахождение великой сибирской реки Ангара и описывая красоту северных синий.

А казачий хорунжий Захар Наумов, огромный двухметровый детина с плечами шире русской печки и страшным шрамом на лице, следом последней войны, шагавший рядом с девочкой, доверчиво державшей его за руку, испытывал сейчас какие-то странные чувства.

Хорунжий не любил жидов. Не то чтобы евреи сделали что-то плохое ему, или его знакомым, или знакомым его знакомых. Но он был казак. А казаку положено было жидов не любить. Так уж повелось от дедов. Был, правда, свой хуторской фельдшер-еврей, но то был не жид, а еврей. Он поселился на хуторе примерно за год до Манифеста, и вскоре старики уже уважительно называли его Абрамычем и охотно приглашали в свой круг покурить и покалывать. К Абрамычу шли за порошком от кашля, отремонтировать остановившиеся ходики или прохудившиеся сапоги. Он помогал при всех болезнях, знал все ремесла, на хуторскую землю не покушался и религии в разговорах не касался, хотя охотно отвечал на вопросы об обычаях своего народа, и по субботам обращаться к нему за чем-нибудь, кроме как заболев, было бесполезно. Верит по-другому — что ж, видно, так ему было завещано от его отцов. Кто как умеет, тот так и верует. Словом — Абрамыч был своим, а жидов надо было не любить.

В этом городке Захар просто выполнял приказ начальства, которое приказало погрома не допустить. А начальству виднее: быть жидов или охранять их. Но сейчас, когда он шел рядом с этой крохой и через ее ручку слышал, как испугано бьется ее сердечко, когда он увидел слезы, вскипавшие на ее глазах, ему вдруг стало ее жалко. Ему вдруг стало стыдно за всех этих людей, пришедших сюда поглумиться над девочкой. И уж совсем неожиданно, Бог весть к чему, хорунжему вдруг представился другой город и другая толпа, которая стояла вдоль улицы и вот так же хохотала, улюлюкала и плевалась вслед человеку, который всего-то и сказал, что нет перед Богом ни эллина, ни иудея, и призывал всех жить в мире. Но в том чужом городе много веков назад не оказалось рядом с тем человеком его — Захара Наумова — и его сотни, а здесь-то они были. От этой простой мысли хорунжий вдруг повеселел, незаметно пожал Риве ладошку и, когда она подняла к нему свое лицо, подмигнул ей ободряюще и показал язык.

И черт его знает, что пронеслось тут в воздухе. Может — ток какой электрический, может — существует на свете телепатия, может — еще по какой причине, но люди на тротуарах стали замолкать один за другим. Пришли, ожидали невесть чего, а увидели обычную приготовишку. Прошло совсем немного времени, и люди уже смотрели на нее спокойно, как смотрят во всем мире взрослые на первоклассников 1 сентября, когда те в своих не обмытых еще школьных костюмчиках и пиджаках с огромными букетами осенних цветов торопятся первый раз на свой первый урок.

И лишь один какой-то придурок не унимался. Прилично одетый, в пиджаке и канотье, не замечая ничего вокруг, он, когда все вокруг уже замолчали, продолжал самозабвенно орать что-то гнусное, глупое и жестокое, плевался и свистел, размахивая над головой кулаками. Кто знает, чем закончился бы для него этот день...

Уже полицмейстер, подозвав взглядом пристава, указал тому на крикну подбородком. Уже, глядя на него, тронул каблуками своего коня урядник из стоявшего в переулке казачьего разъезда. Уже двое каких-то неприметных понимающие переглянулись между собой и умело противисались к нему через толпу, норовя зайти с двух сторон одновременно. Но в это время стоявший рядом мастеровой — не то с сахарного завода, не то с лесопилки, кто их разберет, этих мастеровых, — повернулся к горлопану и посмотрел на него без злобы, а так... как смотрит человек на клопа воинчего, прежде чем задавить. А затем коротко и страшно, не замахиваясь, ударили его кулаком в переносицу. Но, видно, продолжал над людьми носиться все тот же не то — ток, не то — ветерок, потому что за мгновение до этого люди за спиной хулигана расступились, и вылетел он из толпы вперед затылком и размахивая руками, никого не задев. В наступившей тут тишине далеко разнёсся с противоположного тротуара чей-то голос:

— И поделом! Иши, выду мал моду, анафема, детишек пугать.

На этом все и закончилось.

А хорунжий был весь этот день непривычно задумчив. Отдавая распоряжения по службе и проверяя наряды, обратил он вдруг внимание как много у него во взводе и в сотне курносых и горбоносых, чернявых и русых, и еще всяких разных. Задумчиво погулял он вечером по бульвару, задумчиво зашел потом в еврейскую лавочку, где задумчиво выпил рюмку водки, купил папирос и чего-то еще по мелочи. И вспылил лишь тогда, когда пейзажный лавочник, давая сдачу, обсчитал его на три копейки. Но, открыв рот, чтобы назвать жулика жидовской мордой, и подняв руку, чтобы двинуть его в зубы, Наумов вспомнил снова, что нет перед Богом ни эллина, ни иудея. ВспомнилAbrамыча. Вспомнил, что также обсчитывали его и в варшавских кофеинах, и в рязанских трактирах. Проглотив уже готовое сорваться ругательство, обозвал он тогда торгаша козлиной харей и треснул в ухо. Треснул слегка, даже не в полислы. Так что к

вечеру следующего дня мошенник-бедолага уже начал узнавать жену и кушать жидкую пищу. Через неделю у него стал стихать звон в голове. Когда еще через неделю колокольчики стали совсем едва слышны, лавочник решил, что с зароком не обсчитывать впредь казачьих начальников он погорячился. Трезво всё обдумав, он урядников и вахмистров из своего зарока исключил. Подхорунжих на всякий случай оставил.

Надо отметить, что годы спустя роль карательных отрядов в прекращении погромов и беспорядков была прекрасноценными либералами и гуманистами сильно преувеличена. Да, каратели стреляли, рубили и пороли погромщиков. Да, их начальники, не затягивая, утверждали приговоры в отношении пойманых на горячем, да еще с браунингом в руках или с бомбой в кармане. И это, конечно, было тоже. Но куда важнее была решимость властей навести порядок.

Громче залпов карателей прозвучали на всю страну слова военного министра Скобелева, провожавшего в Кишинев Семеновский полк:

— Патронов не жалеть и в плен погромщиков не брать! Не война, чай.

Громче залпов карателей прозвучали на всю страну слова премьер-министра Лорис-Меликова, сказанные им в Государственной Думе в ответ на выступление одного из правых депутатов:

— В России нет «жидов»! В России есть российские подданные русской национальности и православного вероисповедания, российские подданные еврейской национальности и иудейского вероисповедания, российские подданные татарской национальности — мусульмане и десятки других, вплоть до идолопоклонников. Все они находятся под защитой и покровительством Российского государства и Российского Императора.

Громче залпов карателей прозвучали на всю страну слова самого Александра III, сказанные им в Государственном Совете в ответ на реплику одного из министров:

— Российский флаг впредь никогда не будет флагом погромщиков и убийц. Икона Казанской Божьей Матери спасла Москву и Россию от нашествия, но — святотатство братья с собой святыни христианские на погромы и убийства. И мои портреты не должны служить погромщикам и убийцам защитой от полиции и солдат.

Мы — не турки. К Рождству слова «погром» и «погромщик» должны сохраниться в русском языке только в старых газетах и академических словарях. Такова Наша воля!

Одно только известие о том, что власти получили четкий и недвусмысленный приказ не допустить беспорядков, а там, где они произошли или происходят, покарать виновных, охолонило многие горячие головы.

Что же касается военно-полевых судов...

Одно дело, если тебя, взорвавшего синагогу, губернатора или почтовую карету, а заодно и десяток прохожих, случайно оказавшихся не в том месте, не в то время, спустя месяцы будут судить дюжины штатских присяжных. В зале рядают от сочувствия эзальтированные дамочки, сладкоголосые адвокаты часами разливаются словесьями в твою защиту, присяжные в жизни не видели разорванного на куски динамитом трупа мальчишки-газетчика. И ты — уже вроде и не душегуб, а — боец за идею. И жалеют все не погубленных тобой людей, а тебя. И совсем другое дело, когда чуть не на другой день после совершенного судят тебя несколько поседевших на службе и всего повидавших офицеров. В защиту разрешено лишь высказать факты, имеющие непосредственно отношение к делу (жалостливые истории про тяжелое детство и стариких родителей никого не интересуют, и у погибших тоже было детство, и были родители). А приговор короток и ясен, как текст военного приказа. Желающих перезваться с топорами, бомбами и револьверами как корова языком слизнула.

Началась долгая и кропотливая работа по выяв-

лению активных участников беспорядков, особенно их организаторов.

Возникло было затруднение. Одни на судах оправдывались, что сами-де никого не громили и не убивали, а только высказывали идеи и составляли списки. Другие упирались на свою темноту и безграмотность. Сами-де до такого никогда бы не додумались, а делали то, что подсказали другие — пообразованней. Но Сенат это затруднение разрешил в пять минут. И полной мерой стали отсыпать и тем, кто придумывал идеи, и тем, кто, оправдываясь этими идеями, убивал, и тем, кто, в жизни не прочитав ни одной брошюры, просто решил поживиться на чужой беде. Тянулись ниточки от грязных одесских притонов, кишиневских скотобоен и киевских конспиративных квартир высоко в Питер. Судебные следователи и жандармские полковники даже оробели, когда на допросах стали звучать такие фамилии, которые не то что записывать, а просто повторить вслух было страшно. На оробевших прикрикнули и вновь напомнили про приближающееся Рождество.

Года через полтора после того, как пожарные загасили последнюю головешку последнего погрома, а одесский губернатор разрешил натянуть портки и отпустил с площади последнего выпоротого (тех, кто никого не убил и не грабил, а просто был стекла и потрошил перины, не судили; наказывали их по дедовскому обычаю) состоялся в Питере судебный процесс. На скамье, окружённой конвойными, сидело полтора десятка человек. Были среди них камергеры, генералы, министры, известные на всю страну журналисты, адвокаты и один доктор. Исключение было сделано лишь единственное. Говорят, узнав о причастности к погромам одного из великих князей, сам Александр пришёл к нему поздно вечером, дал прочитать несколько листков бумаги, долго молчал и ушёл, не сказав ни слова. Лишь выложил на стол, как это заведено между офицерами Русской армии, револьвер с одним патроном.

А сановные погромщики на общество произвели впечатление самое жалкое. Юлили и изворачивались как могли: отрицали очевидное, перепихивали вину друг на друга, прикидывались умалишенными. И ни один, ни один из них не попытался защитить идею. Троих повесили. Остальным пришлось узнать, что кроме Васильевского острова есть ещё на свете остров Сахалин. И он тоже — земля нашенская.

А работа продолжалась. Во время погромов горели ведь не только еврейские лавочки. И помеченные усадьбы польхали, и фабричные которы. И бывало так, что в одну ночь рабочие кварталы обрастали баррикадами с красными флагами. Нужно было что-то делать.

Как ни странно меньше всего хлопот доставили властям социалисты всех мастей. Этим просто разрешили, выделив земли за счёт государственных имений, на основах полного самоуправления устраивать хоть социализм, хоть коммуны, хоть царство

Божье в одном отдельно взятом населенном пункте. Только, чур, ни друг друга, ни соседей не убивать. И социалисты как-то быстро перевелись. Выяснилось вдруг, что те, кто больше всех о всеобщем равенстве и братстве хлопотали, сами работать не умеют и не желают, норовят всё больше занять руководящие должности. Без митингов не начинали ни пахать, ни сеять, ни инвентарь ремонтировать. Раз за разом оставляли урожай гнить под снегом, обвиняя во всем, конечно, дурной климат. Постоянно склончничали между собой, подозревая друг друга в оппортунизме и прочих смертных грехах. Тем, кто делает хоть что-то умел и искренне поверил речам первых, очень быстро надоело кормить тунеядцев. На том социализм и кончился.

Удивляться здесь нечему. Царские сатрапы люди были выскообразованными. Историю и политэкономию они знали гораздо лучше недоучившихся семинаристов и взбалмошных генеральских дочек. Лучше них разбирались в человеческой натуре. В облаках не витали. Они, разреши социализм, прекрасно понимали, что противят он в России не больше Новой Гармонии и других подобных предприятий и кончит тем же.

Да и то сказать... Что же это за социализм такой, если ни убить-то никого нельзя, назначив врагом трудового народа, ни пытисаженный бетонный забор возвести вокруг с караульными вышками по углам, чтобы осчастливленные трудящиеся не разбегались? Это – не социализм, а издевательство над бессмертными трудами Основоположников.

Разрешили и рабочие союзы, строго-настого предупредив, чтобы те в борьбе за свои рабочие права не увлекались излишне: казенные мостовые не портили и стекол в фабричных конторах не били. Директор Обуховского завода пришёл к петербургскому полицмейстеру попросить от забастовщиков защиты: городовых, а лучше – казаков, а вы летел от него красивый как рак. Узнал директор, что ждет его, голубя сизокрылого, интерес в казенном доме и дальняя дорога, если он, хояхтовый, немедленно с забастовочным комитетом не начнет переговоров. Иначе его действия можно расценить как провоцирование беспорядков, каковые ни столичному полицмейстеру за год до пенсии, ни тем, кто сидит повыше и на пенсию не собирается, даром не нужны.

Занимался всеми этими делами в МВД московский полицейский Зубатов, переведенный срочно в столицу и уже спустя год махнувший сразу в полковники.

Оказалось тут, что рабочие, если с ними говорить по-человечески, меру знают и разорения ни родному заводу, ни его владельцам не желают. Лишнего они не запрашивали, хозяйских станков во время забастовок не портили, там, где производство без ущерба для фабрики останавливать было нельзя, даже при забастовках не останавливали. Что же касается того, что жить хотят по-людски? Что ж,

это – справедливо. Тех же из агитаторов, кто начал слишком ерепениться, Зубатов вызывал к себе и грозил в социализм выслать принудительно. Это действовало.

Оказалось тут, что рабочие демонстрации – это совсем не страшно, а даже – наоборот, так как норовили всякие лавочки-лоточники во время демонстраций побольше воздушных шариков продавать и сладких петушков на палочках. Огорчала лишь привычка некоторых мастеровых на демонстрацию чекушку прихватить и, скушав водку, при детях срамные частушки орать. Договорились с профсоюзниками, что те сами будут за порядком следить, иначе союзу штраф. Так и повелось.

При этом Зубатов, хитрая бестия, внимательно следил, чтобы профсоюзы не объединялись, а совсем напротив... Методы для этого всякие использовались. На деньги из секретных фондов и материала на флаги покупали, чтобы у одного союза были размером побольше, а у другого – цветом пурпурче, и футбольные мячи, тогда как раз футбол стал в моду входить, и (куда ж без этого?) людышек разных. С футбольными мячами, правда, чуть перебор не вышел. В день матча между железнодорожниками и речниками пришлось занятия в учебных заведениях отменить и на улицы казаков вывести, до того страсти накалились. Какое уж там объединение...

А там и депутаты Государственной думы, наболтавшись, сколько им положено, приняли, наконец, соответствующие законы. Они бы, может, и по сию пору обсуждали законы про косяк рыбы, пчелиный рой и вороний грай, но уж больно за законы о профессиональных объединениях хлопотали разные тресть: угольный, нефтяной и другие, и хорошие деньги за это заплатили. Деньги были не государственные, их пришлось отрабатывать. Но сами же тресть, по принципу – за что боролись, на то и напоролись, – под действия законов, за которые хлопотали, попали. Сенат рассудил: хотите торговаться о ценах на продукцию и расценках для рабочих, Бога ради, торгуйтесь. Но – с покупателем и заводским комитетом, а не между собой при закрытых дверях.

С крестьянами было посложнее, уж больно крестьянский мир завистлив. Но и этот вопрос со общем решили. И переселенческой политикой, и разрешением выходить из общин, и, самое главное, обложив помещиков таким налогом на неиспользуемые земли, что они сами стали уговаривать землеробов купить её у них или взять в длительную аренду. А Крестьянский банк и ссудами под умеренный процент помогал тем, кто хотел трудиться, а не горлопанить (этой мерой и мицедов поприжали, к тем обращаться стало невыгодно). Вновь, как десятилетия назад, пошли по деревням интеллигенты. Но теперь это были не агитаторы, призывающие крестьян к топору и черному переделу, а земельные специалисты: агрономы и ветеринары, механики и юристы...

1 августа 1914 года Германия объявила войну России.

3 августа 1914 года. Санкт-Петербург, Таврический дворец, зал пресс-конференций

...Когда государь вышел на сцену, зал взорвался овацией. Собравшиеся газетчики уже больше недели работали в атмосфере общего подъема и какого-то почти истерического энтузиазма, охватившего столицы и крупные города России еще за несколько дней до начала войны. Патриотические манифестации, торжественные проводы воинских частей, проходивших по проспектам под звуки оркестров и приветственные крики толпы, постоянные разговоры о близкой победе, об объединении всех славян, о российских стягах, которые вскоре будут развеваться над проливами, Берлином и Веной. Всё это не могло не заразить их, людей, в силу своей профессии, циничных и недоверчивых. Однако до этого дня им приходилось больше слушать других, чем говорить самим, своими репортажами, очерками, передовицами и заметками задавать тон общественным настроениям, но не принимать в них участие. И вот, наконец-то, выход эмоциям был дан. Все находившиеся в зале, стоя, аплодировали царю и сопровождавшим его военным. Раздались вздохи:

— Ура! Да здравствует Россия! Да здравствует Государь! На Берлин! Слава русскому оружию! Победа или смерть!

Правда, довольно быстро вздохи стали стихать. Что-то в облике Михаила и офицеров заставило некоторых почувствовать какое-то внутреннее неудобство, какую-то неуместность и несвоевременность своих восторгов. Казалось, все в облике царя было привычным. Он был по-спортивному строен и по-военному подтянут. Аккуратно подстрижен. Сапоги сверкали. Отложенные бриджи и офицерская гимнастерка с полевыми полковничими погонами сидели как влитые. И на сцену он вышел упруго и быстро. Но все же, все же... Что-то неуловимое создавало впечатление, словно и государь, и его небольшая свита пришли в зал прямо после пятидесятиверстного перехода по разбитой дороге с полной солдатской выкладкой и не успели с марша ни отдохнуть, ни умыться, ни почиститься.

Но самые толстокожие продолжали неистовоствовать. Особенно выделялся один с карточкой корреспондента «Саратовского вестника» и трехцветным флагом на лацкане пиджака. Лет тридцати пяти, невысокий и плотный, он чуть ли не подпрыгивал, выкрикивая:

— Слава Русской армии — победительнице! Государю императору ура! — и аплодировал громче всех, подняв руки над головой.

Глядя на него, Михаил улыбнулся так ласково, что стоявший рядом адъютант на всякий случай отошел чуть в сторону, а военный министр, словно случайно, поставил на стол президиума на ребро папку с бумагами, заслонив ей от царя графин с водой и стаканы. Они оба хорошо знали эту улыбку, и каждый по-своему приготовился к худшему. Перестав улыбаться, Михаил кивком головы предложил сопровождающим его военным сесть, а сам подошел к краю сцены. Внимательно и серьезно он оглядел собравшихся в зале, дирижерским жестом успокоил и усадил их, еще с полминуты оглядывал всех, а затем негромко спросил:

— С чего же вы так ликуете, господа мои? Вот, вы?.. Да, да, вы, милостивый государь, из Саратова... Встаньте и расскажите нам, что вас так обрадовало? Уж не война ли, часом?

Корреспондент «Саратовского вестника» вскочил, словно подброшенный пружиной, и, сияя от распирающего его энтузиазма, чуть заметно окая, зачастил немного бессвязно, но всё равно очень, очень патриотично:

— Так точно. Война, ваше величество! Такой подъем в народе. Все, как один. На защиту Родины, Святой Руси... Побемь проклятых тевтонов... Через месяц коней будем в Одере поить... Православный крест над Стамбулом... Братьев славян объединим... С доблестными союзниками... Армия в Берлин рвется... Дубина народной войны, Государь, как в восемьсот двенадцатом... Ничего не пожалеем...

— Молчать, дубина народная! — Михаил рявкнул так, что под потолком на люстре тихонько зазвенели подвески. Он несколько раз глубоко вздохнул и, прохаживаясь по сцене, негромко заговорил, поглядывая на корреспондента исподлобья, словно примеряясь боднуть его под ребра:

— Стало быть, именно война вас так радует, милостивый государь. Я ведь надеялся, что просто в семье какой-то праздник. Или по дороге сюда железку блестящую нашли на улице и от этого ликуете. Война-то чем может нормального человека развеселить? Тем, что вот сейчас, сию минуту кто-то там, — Михаил махнул рукой в сторону запада, — ух погиб, а кого-то искалечило? А в следующую минуту кто-то умрет в мучениях от раны в живот. К вечеру здесь в Питере, и у вас в Саратове, и еще в Вологде, в Перми, во Владивостоке чьи-то жены станут вдовами, а дети осиротеют. И так каждый следующий день, каждый час, каждую минуту этой проклятой войны. И у вас это вызывает энтузиазм? У меня — нет.

Мне бы вместо энтузиазма кольчей проволоки и телефонного провода побольше. Йода и бинтов для раненых. Тяжелых снарядов и винтовочных патронов. Вы знаете, что у нас даже образцов нет маскировочных костюмов для артиллерийских наблюдателей, снайперов и охотников? Вы знаете, что

автоматы Федорова только начали поступать в пехотные части, а в казачьих частях некомплект ручных пулеметов? Вы разве не читали в газетах, что эскадры тяжелых бомбардировщиков Сикорского еще только формируются, и для них не хватает ни пилотов, ни штурманов, ни стрелков?

Армия в Берлин рвется... А в армии нехватка шифровальщиков и криптографов, чтобы скрывать от противника свои действия и быть в курсе их планов. «Слава Русской армии!». Да не слава нужна нашей армии, а мясные консервы, шоколад, махорка, гимнастерки, сапоги, подковы... У нас госпитальных палаток может не хватить, а вы чушь несете про православный крест в Стамбуле.

«Подъем в народе»... Да в деревнях бабы по мобилизованным как по покойникам воют. Они-то понимают... «Через месяц... на Одер». А в ж... в зад... в дерме вы через месяц не рассчитываете оказаться, господин энтузиаст. Забыли Порт-Артур? Не быстро ли? Тогда тоже некоторые собирались через месяц в Токио мир подписать. Да у меня племянницы, принцессы, во дворце воспитывались, жизни не знают, на курсы сестер милосердия записались. Они и то поняли, что через месяц изувеченных может быть столько, что из-под них горшки некому будет выносить. А вы?! Еще университет заканчивали?! А войне радуетесь. Да, вы, не садитесь, сударь, не садитесь. Сюрприз у меня для вас, я вас сейчас еще больше порадую.

— Капитан, — Михаил повернулся к своему адъютанту, — проследите, пожалуйста, чтобы этот господин сегодня же получил повестку от ближайшего воинского начальника, и сегодня же, слышите, сегодня же вечером с первым маршевым батальоном — на фронт. Да-с... Винтовку, так и быть, выдать. Не выпускать же его, в самом деле, с народной дубиной против германцев. Я ж — не зверь. Но — никаких запасных полков этому субъекту. «Так точно» он говорить уже умеет, «ура» кричал громко, остальному пусть на передовой под шрапNELю учиться. Там ему и немцы, или собственный фельдфебель быстро и «славу Государю», и «славу русскому оружию», и прочую урапатриотическую чепуху из головы вышибут. А то вон как раскривалась, всех соседей своим патриотизмом забрызгал. И еще, господин капитан: распорядитесь от моего имени, чтобы все его имущество немедленно описали и продали с молотка. Вся воинская экипировка на патронов до подштанников — за его собственный счет. Если денег не хватит, описывать имущество у родственников. Да-с. Именно так.

— Молчать! — вновь повысил голос Михаил на начавших перешептываться корреспондентов. Некоторые из них с первых его слов уже стручили что-то в своих блокнотах, другие, большинство, сидели с покрасневшими или с побледневшими лицами. — Это кто там сказал: «армия — за счет казны»? А казна за чай, по-вашему, счет наполняется? И в мирное время на армию и флот у людей отнимаем, а в военное придется вдесятеро брать. Чтобы этому субъекту было это

яснее, у него и возьмем. Тем более, он и сам хотел ничего не пожалеть.

Братья славяне, братья славяне... А хотят ли объединяться братья славяне, вы все, господа, у них спросили? Да они вам за это объединение на голову сделают по-большому, как уже сделали друг другу во времена Балканских войн.

Контроль над проливами... Хорошее дело, конечно. Воевать-то для чего? Сотня наших пароходов с зерном и лесом этот контроль установят быстрее и надежнее, чем сотня линкоров.

Через месяц, через месяц... Через месяц? А вдруг не через месяц, а через год, через два года, через три? И не мы немцы, а они нас... Что тогда будете делать, господа интеллигенты? Вместо трехцветных флагов нацепите на пиджаки красные бантики и пойдете на Невский свергать самодержавие? Знаю я вас, у вас всегда дядя виноват.

Поймите, господа! России в этой войне ни десантни чужой земли не надо. Своё бы сберечь и выйти из этого безумия с наименьшими потерями. Вот наша единственная цель. Я уже отстранил полковника Клыкова от командования полком. Этот офицер, едва попав на фронт, обязательно бы погнал своих солдат колоннами на пулемёты без разведки и артиллерийской поддержки, желая отличиться и продемонстрировать всему миру свой героизм. Николай Аркадьевич, — обратился Михаил к военному министру, — погорите проследить, чтобы подобные типы людьми на фронте не командовали. Нет у нас лиших людей. За напрасные потери и такого рода «героизм» буду наказывать, как за измену.

— Пойдемте, господа! — неожиданно закончил свою речь государь, обращаясь к свите. — У нас работы много, а эти, — он пренебрежительно кивнул головой в сторону газетчиков, — «Ура!» кричат. Война началась, а они от радости, того и гляди, в пляс пойдут. Ну, о чём с ними после этого говорить? Вот соберутся умные, с теми и поговорим, и на вопросы ответим.

Горестно махнув рукой, Михаил стремительно ушел со сцены. Военные заторопились следом.

4 августа 1914 года. Санкт-Петербург.

Район Московского вокзала.

Поздним вечером следующего дня где-то в районе Московского вокзала в полутемноте гостиной одной из квартир так называемого доходного дома неторопливо беседовали двое. Одним из них был тот самый незадачливый корреспондент «Саратовских ведомостей». Против ожидания не выглядел он ни расстроенным, ни обескураженным, ни даже удивленным, неожиданным поворотом в своей судьбе. Спокойно прихлебывая чай из высокого стакана, он внимательно слушал своего собеседника — господина лет пятидесяти-шестидесяти, высокого и худощавого. Не столько по одежде и прическе, сколько по некоторой небрежности в оных с первого взгляда в нем можно было узнать одного тех рассеянных чудаков-ученых,

полностью пребывающих в мире своих химических формул или древних рукописей, а с окружающим миром общающихся редко и неохотно.

— Что ж, Алексей Дмитриевич, со своей ролью вы справились блестяще. Поскучайте здесь до утра, а завтра в половине восьмого за вами заедет поручик Стеклов и отвезет на вокзал прямо к отправлению Варшавского экспресса. В Варшаве явитесь в штаб гренадерского полка. В соответствии с вашим рапортом вы переведены из Корпуса в армию и назначены старшим офицером гаубичной батареи. Собственно, батенька, уже сейчас вы и не мой подчиненный и не ротмистр. Поздравил бы вас, господин капитан, с исполнением вашего желания, но по-прежнему считаю и желание глупостью, и того, кто решил его удовлетворить, недальновидным человеком. Невольно мысль в голову приходит о засыпанных в землю талантах. Такой дар перевоплощения, несомненные успехи в работе, а вы в такое время, когда работы нам прибавится многократно, переводитесь в армию.

Но даже если так в действующую армию рветесь, почему обратно в артиллерию? Вы же знаете, что военные обратились к нам за помощью. Контратразведывательные отделения планируется организовать вплоть до штабов полков, дивизий и бригад, спохватились ли господа министры, а у генерального штаба нет достаточного количества подготовленных офицеров. Подумайте ещё раз, Алексей Дмитриевич. Командир корпуса, где вам предстоит служить, мой старый товарищ ёщё по турецкой кампании. Вас он примет с распростёртыми объятиями. Неужели вы считаете, что при штабе принесете меньше пользы, чем на передовой?

— Трудно ответить так сразу, ваше превосходительство...

— Пожалуйста, без чинов. Тем более, мы — не на параде.

— ...но я попробую. Вы же знаете, Константин Францевич, ту войну я начинал артиллерийским подпоручиком. Пережил всю осаду Порт-Артура. Всю бестолочь, все поражения и все унижения той войны, включая плен. Но самым унизительным для меня было то, что для японцев все наши планы были открытой книгой, исключая, конечно, поход Второй Тихоокеанской эскадры. Но это было именно исключением. А в Порт-Артуре мы японскому шпионажу не могли противопоставить абсолютно ничего. Отсюда и мой перевод в Корпус. Однако за эти годы я понял, что не сильно горжусь для этой службы. Жандарм — это в первую очередь агентурист. Это действительно талант, дар Божий, если хотите. А я его начисто лишен. Поверьте, сам я, конечно, давно уже не восторженный юноша, представляющийвойнунепрерывнойчередой увлекательных приключений и всевозможных героических подвигов во славу Отечества. Господи, да последнее место на земле, где я хочу оказаться, это окопная грязь и пороховая вонь. Но раз уж так всё обернулось, согласитесь, у меня всё же больше шансов там остаться в живых, чем у какого-нибудь

необстрелянного мальчишки. Да и артиллеристом я, говорят, был неплохим. Может, и попаду сгоряча в какого-нибудь немца или австрийца. Не попаду, так напугаю. Всё матушке-пехоте полегче будет.

Но ответьте и вы на мой вопрос, Константин Францевич. Сам я терпеть не могу всех этих тыловых ура-патриотов и энтузиастов до первой неудачи. Карикатуру на них я изобразил с огромным удовольствием. Но зачем государю понадобился весь этот спектакль?

— Думаю, причин было несколько. Одна из них та же, что и у вас. Он — настоящий военный, знает изнанку войны и не рассматривает её как увлекательную прогулку до Вены и Берлина, в конце которой последует дружеская попойка с доблестными союзниками. Знает он цену и всем этим патриотическим крикам и крикунам, и не отказал себе в небольшом развлечении. Не послать же ему было на фронт, мимо запасной полк, на самом деле одного из этих «патриотически настроенных интеллигентов».

Но это — эмоции. А есть, я думаю, и более важные причины. Необходимо показать Россию и врагам и союзникам более слабой и неподготовленной к войне, чем она есть на самом деле. Это — очень полезно. Первые могут наделать больше глупостей, вторые — активнее помогать России, опасаясь, что мы пойдем на заключение сепаратного мира. Конечно, мы к войне не готовы. Но когда и какое государство вступало в войну, будучи полностью к ней подготовленным? Полной и абсолютной готовности к войне не было.

Другая цель этого спектакля — настроить все слои русского общества на активную помощь действующей армии. Вчера она выражалась лишь в пышных проводах уходящих на фронт полков и патриотических манифестациях. А что мы имеем уже сегодня? Примеров я бы вам мог привести множество, но я вам газеты оставил. Сами прочтите, если спать не захотите. Включая абсолютно абсурдные. Княгиня Долгорукая предложила сформировать женскую авиационную эскадру и женскую скайперов (от неожиданности капитан — ротмистр фыркнул в стакан и тут же вскочил на ноги, стряхивая с костюма пролитый чай) и, якобы, начала сбор средств на свои фантазии. Лавры кавалерист-девицы Дуровой ей покоя не дают.

Суть не в примерах, суть в тенденции. Общество от восторженного и легкомысленного отношения к войне отрезвело и стало готовиться к испытаниям, потерям и лишениям. И ещё к готовности разделить с армией, правительством и царем ответственность за результаты войны. Вчера ещё популярная идея панславянства подвергается сегодня всё большей и большей критике. Более популярной становится мысль о том, что чужой земли нам не надо, но и своей не отдадим ни пяди. А поликовать можно будет и после окончания войны, если, конечно, будет повод для ликования.

Тут, я думаю, мы приближаемся ещё к одной цели

несостоявшейся, в кавычках, конференции. Государь достаточно серьезно относится к идее монархии как к некой силе, способной консолидировать общество. Преемственность традиций, защита всех подданных и так далее и далее... Вы меня понимаете. Но при этом он абсолютно не желает, чтобы отношение общества к монархии распространялось и на конкретного венценосца. Вот к монарху, с его точки зрения, отношение должно быть всегда несколько легкомысленным, юмористическим, так сказать. Отсюда его несколько экстравагантное поведение. Он прекрасно понимает, что если от ненависти до любви — всего один шаг, то путь от обожания до ненависти — ещё короче. Сейчас, надеясь на лучшее, он исподволь готовит общество и к худшему. Да, да, я имею в виду именно наше военное поражение. В любой войне кто-то обязательно терпит поражение. И если это, не приведи Господь, произойдет с нами, оно не должно завершиться для России какими-либо крупными волнениями, смутой, словом, социальными катаклизмами.

Однако заболтались мы с вами, телефон прозвонил. Сейчас за мной заедут. Давайте прощаться, Алексей Дмитриевич. Надеюсь, после войны ещё свидимся.

— Прощайте, Константин Францевич, — капитан поднялся из кресла и вышел в прихожую, провожая своего, теперь уже бывшего, начальника.

— Не «прощайте», а — до свидания, — поправил его генерал. Он крепко пожал ему руку, помолчал секунду, словно желая что-то добавить, но затем, передумав, вышел.

Спускаясь по лестнице, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов Грауббе сердито думал, что его собственный перевод в военную контрразведку уже предрешен и, независимо от того, останется ли он служить в Генштабе или, как он сам этого добивался, отправится на фронт, первое, что он сделает, отзовет к себе с передовой капитана Грекова. «Артиллерия, кавалерия, пехота... А германских агентов мне одному ловить или с помощью вчерашних юнкеров? Нет уж, уволите старика. Стану я, генерал, на войне считаться с желаниями какого-то капитана. А уж какой вы агентурист, мне лучше знать».

Тут он остановился на лестнице, воровато оглянувшись, трижды сплюнул через левое плечо и, для верности, постучал чуть слышно по деревянным перилам. Что бы он ни решил сейчас, сама война могла перерешить всё по-своему.

А Греков тем временем неторопливо разделся, хотя спать ему не хотелось совершенно, включил ночник и лежа попытался почтить газеты. Отсиживаясь сутки на конспиративной квартире, он стосковался по новостям. Но сейчас глаза его не видели ни строчки. Ещё за несколько дней до объявления войны он, понимая её неизбежность, подал рапорт о переводе в действующую армию. Однако, дождавшись, наконец, решения, он думал почему-то не о начавшейся войне, не о завтрашнем отъезде в полк, не о своей вполне возможной гибели в первом же бою.

Лежа в постели, он вспоминал войну прошедшую. Бой на дальних подступах к Порт-Артуру, отступления, дни обороны, гибель Кондратенко и почти немедленный после этого приказ оставить Китайскую стенку, после чего падение крепости стало вопросом дней. Плен.

Хотя условия содержания в Японии не были тягостными ни для нижних чинов, ни, тем более, для офицеров, угнетало предчувствие надвигающейся катастрофы. Известие об отречении Николая II в пользу брата, последовавшее после сдачи крепости, восприняли равнодушно. Все понимали, что государь, отрекаясь от престола, принял на себя ответственность за поражения, и все понимали, что это ничего не изменит.

Злую шутку сыграли с Россией победа над турками и Китайский поход. В то время, когда экономика страны шагала вперёд семимильными шагами, дух армии и флота словно бы замонтировался. В техническом отношении они ни в чем не уступали армиям самых развитых государств, а вот в умении использовать эту технику... Герои прошедшего века полководцы и флотводцы мыслили категориями молодецкого штыкового удара и парусного флота. Но времена-то настали совсем другие. Такое часто бывало и в других странах после победоносных войн.

Вернувшись после плена в Россию и после отпуска вновь приступив к службе, он не узнал флот и армию. Поражение в войне подстегнуло реформы, которые многие связывали с именем нового царя. Судя по всему, тот не желал, подобно брату и отцу, быть лишь декоративным украшением фасада Российской империи.

Вооруженные силы государства стремительно молодели и по возрасту и по духу. Вверху рванули военачальники, отличившиеся на войне и сумевшие понять её особенности. Служить стало и легче и труднее одновременно.

Со стороны изменения в глаза не бросались. Сменили солдаты белые рубахи на гимнастерки защищённого цвета. Исчезла из оборота сложная система титулования: всех, от рядового до полковника отныне приказывало быть именовать «господином» с привлечением чина. Лишь для генералов и адмиралов остались обращение «вашие превосходительство», но и его могли применять только офицеры и лишь во время парадов. Испарились, как сон, как утренний туман, позорные таблички на воротах парков и дверях ресторанов: «Нижним чинам и собакам вход воспрещен». Сроки службы сократили, а довольствие увеличили. Внешне — вроде бы и всё. Если не считать судебных процессов, во время которых полетело немало голов, отвечавших за подготовку Квантунского полуострова к обороне. Тут уж и журналисты, и министерские комиссии, и думские комитеты, и столичная фемида не пощадили никого. В отличие от отца, Михаил даже родному дяде не представил возможностей избежать позора.

Что ж касается службы... Шагистики стало меньше,

а боевой, и не только боевой, учебы – больше, и намного больше. По роду своей новой службы Грекову пришлось наблюдать этот процесс не изнутри одной батареи или одного полка.

Чтобы не увеличивать военный бюджет, а качестве резерва улучшить, количество кадровых частей скратили, но увеличили количество окружных учебных лагерей. За образец была принята армия Швейцарии и отчасти свои казачьи формирования. В лагеря на два-три месяца несколько лет подряд призывали тех, кто в армии действительную не служил, и на месяц раз в два-три года – запасных.

Как водится, «прогрессивная общественность» сначала стала возмущаться. Поминали военные поселения и аракчеевщину, кстати и некстати цитировали Салтыкова-Щедрина. Но незаметно для себя втянулись. Среди банковских служащих, присяжных поверенных и писателей вдруг модным стало держать в прихожей на видном месте драгунскую или артиллерийскую фуражку, в гостиной на ковре – шашку, бинокль или иной милитаристский атрибут, а в мужской компании в ресторане или клубе потолковать о фланговом охвате, пулеметной засаде, снабжении полка горячей пищей в полевых условиях, о Мольте и Клаузевице. Парни из деревень и рабочих слободок форсили друг перед другом и перед подружками значками, полученными за меткую стрельбу, марш-броски и форсирование водных преград. На тех, кто в лагерях не бывал, поглядывали стали со снисхождением. Девушки с такими гулями неохотно.

Как бы там ни было, система лагерных сборов позволила при тех же затратах иметь гораздо больший и лучше обученный резерв. Поясняю.

Со времен Александра II армия комплектовалась по принципу, который гордо именовался всеобщей воинской обязанностью. Теоретически призвать могли любого мужчину, достигшего соответствующего возраста и годного к службе по здоровью. Но при этом Россия могла выставить такое огромное количество новобранцев, которое армии не требовалось. Призвав их всех, и собственные вооруженные силы разорили бы страну вернее любой войны и вражеского нашествия. Поэтому из их числа исключали всех, кого только можно: студентов, единственных сыновей, единственных кормильцев и многих, многих других. Но и оставшееся количество потенциальных призывников было слишком велико, и среди них проводили жеребьевку. Те, кому жребий не выпал, в армию чаще всего так никогда и не попадали. Что же касается уволенных в запас, то их ценность как резервистов очень быстро падала. Армия и флот быстро насыщались новыми видами вооружения, наблюдения, связей. Изменялись приемы ведения боя. А резерв оставался не переученным. Исключением были лишь казаки, которые а) практически все проходили действительную службу, б) после увольнения ещё долго регулярно призывались на сорбы. Но в армейской структуре казачьи полки являлись исключением, а не правилом, и было их по отношению к общей численности армии не так уж и много.

Со всей очевидностью, эта система и не сработала во время русско-японской войны, когда прибывающие из России части, укомплектованные в основном резервистами, уступали в боевом мастерстве японской кадровой армии.

Но это было, конечно, не всё... Изучался опыт позиционных боев в Маньчжурии и строились линии обороны, которые противник прорвать не сможет. А понастроив укреплений, которые преодолеть невозможно ни за день, ни за месяц, ни за год, начинали ломать голову, что же делать, если у противника будут такие же, а наступать все же надо. Не бросать же на колючую проволоку под пулеметный огонь дивизию за дивизией. Методом проб и ошибок учились преодолевать непреодолимое.

Учились прятать свою артиллерию и корректировать её огонь с замаскированных наблюдательных пунктов, с воздушных шаров, из наступающей или обороняющейся пехотной цепи. Учились искать и подавлять вражеские батареи, спрятанные за складами местности.

Учились поддерживать надежную связь между дивизиями, полками и ротами в обороне, на марше, в наступлении и при отходе.

Учитывая опыт Порт-Артура, учились не просто устанавливать фугасы, а целые поля засевать небольшими, но надежными минами, делая эти поля непроходимыми ни для пешего, ни для конного. И учились делать в минных полях проходы.

С появлением автомобилей, дирижаблей и аэропланов учились использовать и их. На автомобили устанавливали пулеметы. С аэропланов сначала лишь вели разведку, затем тоже стали устанавливать пулеметы и подвешивать бомбы. Соответственно, пришлось учиться маскироваться так, чтобы быть сверну незаметными. Этого показалось мало, и начали зидарить в небо стволы пулеметов и орудий.

Довелось Грекову однажды увидеть испытания чудовищного монстра: гибрида автомобиля на гусеничном ходу и артиллерийского орудия. Изобретатель с целью сохранения тайны назвал своё страшилище БАКОм (Быстроходная Артиллерийская Конструкция). Пытался БАК ехать по полю и стрелять в мишень. Но застревал постоянно и мишень поразить не мог. А начальство, в очередной раз приободрив изобретателя, опыты приказывало продолжать...

Всё чаще видел Алексей Дмитриевич радиотелеграфные, а затем и радиотелефонные аппараты, всё больше становилось у пехоты и кавалерии станковых и ручных пулеметов. Появились, правда, ещё немного автоматические винтовки генерала Федорова, а затем и автоматы. На смену традиционному трехгранныму штыку пришел штык-нож, которым можно было и колоть в бой, и открыть банку консервов, и, соединив с ножами, перерезать колючую проволоку или телефонный провод. На смену шинелям пришли легкие и удобные куртки летом и легкие же, но теплые романовские полушибаки зимой. Всё разнообразнее становился армейский паек. Лихих ординарцев на

горячих конях стали заменять очкастые мотоциклисты в кожаных куртках, а обозные телеги — здоровенные грузовики. К запаху солдатских портнянок и лошадиного пота всё сильнее примешивались ароматы бензина и моторного масла. Наступил день, когда всем начали выдавать противогазы.

По-прежнему многое из происходящего связывали с именем Михаила II. Рассказывали, что во время военного совета, посвященного необходимости насыщать армию автоматическим оружием, он заспорил с двумя заслуженными генералами. Те утверждали, что с ручными пулеметами и автоматическими винтовками солдаты станут трусивее и забудут, что пуля — дура и только штык — молодец. Ичерпав все аргументы, государь предложил решить вопрос не дискуссионным, но экспериментальным путем. Генералам, людям безусловно мужественным, он предложил вооружиться винтовками-трехлинейками с очень длинными и очень острыми штыками. Себе согласился взять не очень длинный и очень тупой ручной пулемет всего с одним диском. Генералы, люди не только мужественные, но и рассудительные, от эксперимента уклонились, и вопрос повестки дня был решен в пользу автоматов.

Михаил был военным. Но очень странным военным. Героизм и выносливость русского солдата он уважал, но ещё больше уважал хорошие дороги, надежную связь, крепкую обувь и плотный заградительный огонь.

Одному тульскому левше, усовершенствовавшему запал ручной гранаты, он, не раздумывая, пожаловал дворянство и чин подполковника. Но курский купец, поместивший в одну непромокаемую упаковку банку гречнево-мясного концентратта, нож-ложку, таблетку сухого горючего и несколько спичек, проснулся утром камергером с миллионным контрактом от интенданства.

Всем другим подвигам Михаил явно предпочитал подвиги, совершенные на сырый желудок при хорошо обеспеченных флангах и надежном тыле.

А может быть, и не при чем тут был Михаил. Просто наступили такие времена. Вот уже полвека, начиная с Александра II, Россия постоянно отстраивалась, отстраивалась и отстраивалась. И все изменения в хозяйстве и обществе лишь отражались, как в зеркале, в армейской службе. Это ведь только в армии нижних чинов лишь после проигранной войны решено было называть *господами* (что так и не прижилось: наверное, и в двадцать пятом веке командир будет обращаться к солдату строго по уставу, лишь наказывая его перед строем). На заводах и фабриках давно уже не было выше чести для инженера или владельца, чем права сфотографироваться вместе со своими рабочими. Не каждому это позволялось. И не было горшего позора для мастера, техника или директора, чём быть вывезенным за ворота в тачке. А кроме позора это означало ещё и конец карьеры. Кое-кто после этого стрелялся.

Заглянув после Манифеста 1885 года за край без-

дны, Россия ужаснулась. Немало поспособствовала этому и привыкшая при Лорис-Меликове сначала к гласности, а затем и к свободе прессы. Каждый погром, поджог, убийство описывались газетами во всей их неприглядной мерзости и грязной жестокости. Все поняли, что Россия — не Соединенные Штаты, где после гражданской войны победители и побежденные мирно уживались рядом, не опускаясь до расправы со вчерашним противником. Находились, конечно, отдельные мечтатели-идеалисты, желающие ради всеобщего счастья превратить собственную родину в грудь залитых кровью дымящихся развалин. Но сейчас понимания у людей, привыкших к гражданскому миру, они уже не встречали. Так что, может действительно, Михаил был не при чем. Может и в нем, как в зеркале, отражалось русское общество, научившееся ценить своё и чужое благополучие, достоинство и Богом данную жизнь...

1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу.

3 сентября 1939 года. Где-то над Польшей

Бомбардировщик летел на запад на восьми-верстной высоте, а стрелку-радистувольно определяющемуся Казимиру Лестинскому было тошно, хотелось плакать и не хотелось жить. Тошно было не из-за полета. Он не боялся летать и полтора года назад, бросив учебу в университете, ушел с третьего курса исторического факультета служить в военную авиацию добровольно. И поначалу всё было просто замечательно.

Зачисленный в полк дальних бомбардировщиков, Казимир маршировал, осваивал радиосвязь, учился стрелять по наземным и воздушным целям, летал, иногда прыгал с парашютом. Жизнь в военном городке ему нравилась.

Казарма для унтер-офицеров и вольноперов по своему духу напоминала студенческое общежитие, несмотря на разницу, иногда значительную, в возрасте её обитателей. Комнаты на четырех человек, их называли кубриками — жили экипажами, так как начальство добивалось не только слетанности, но и психологической совместности, — слововая, спортзал, в подвале — тир. Теплым переходом казарма соединялась с учебным корпусом, где проводились теоретические занятия по уставам, радиоделу, топографии, материальной части и многим другим дисциплинам, начиная от истории Русской армии и кончая медицинской подготовкой. Здесь же в учебном корпусе располагались две библиотеки и кинозал. Практическая учеба, если не было полетов, проводилась на аэродроме или в его окрестностях.

За соблюдением режима после окончания занятий дежурные офицеры строго не следили. Можно было повалиться с книгой на кровати, посидеть в кафе, пойти в тир или спортзал. Собственно, залов было три: за большим помещением было еще две

комнатки, одна — с боксерским рингом, другая — для борьбы, где стены и пол были оббиты матами, и всегда лежало с десяток резиновых карабинов, пистолетов и ножей. По вечерам спортзал всегда был полон народа, в отличие от уличной спортплощадки, где проводились обязательная утренняя зарядка и занятия по физической подготовке. В свободное время туда не любили ходить даже в хорошую погоду.

Строго преследовалось лишь курение в кубриках и пьянки. С первым все соглашались, второе — научились осторожно обходить, если знали, что ночью не будет ни занятий, ни учебной тревоги (как всегда бывает в армии, обо всех учебных тревогах неведомыми путями узнавали заранее и офицеры и низшие чины).

По выходным увольнения в город давали практически всем не занятым в нарядах. Правда, увольнения давали лишь на полдня: до обеда, или во второй половине, но и это можно было обойти, если договориться с кем-нибудь, кто в город иди не собирался. Да и то сказать, если бы не барышни, делать в городе было бы совершенно ничего. Новые фильмы в полковом кинозале показывали раньше, чем они появлялись в городских кинотеатрах. Танцевальные вечера, на которые охотно приходили городские гимназистки и другие представительницы лучшей половины человечества, проводились регулярно. Всякую мелочь, не предусмотренную армейским довольствием, дешевле и удобнее было покупать в полковом магазинчике. Словом, всё было прекрасно. Служило Казимиру легко, и он уже подумывал об офицерских курсах: отслужившим свой сроквольно-определяющимся давали чин прaporщика запаса, тем же, кто хотел остаться в кадрах, после шести месяцев учебы давали подпоручика.

Но вскоре после Рождества начались странности. Сначала немного, но с каждым днем их становилось всё больше, они становились всё более непонятны и пугающи.

Сначала это было почти незаметно. Просто больше стало в продаже нацистской литературы. Это было удивительно. Ультраправые, ультраправые, ультранационалистические и ультрапротестантские партии и союзы в России вспомнили самое жалкое существование. Их лидеры, которых на митингах благодарные слушатели регулярно забрасывали гнилыми помидорами, вечно грызлись между собой, даже если окрас партий был одинаковый и названия похожие. Газеты и журналы никто не покупал ни специально, ни от скучи в метро или в дачных поездах. Непонятно было, как они вообще сводят концы с концами.

И вдруг нацисты словно получили откуда-то мощную поддержку. Качество их изданий резко выросло, а количество увеличилось. Митинги стали лучше

организовываться и теперь собирали большие народы. Ораторов, правда, при этом уже не забрасывали испорченными продуктами, а, прорвав оцепление городовых, били. И били иной раз очень сильно. Пошли разговоры о чистоте расы. Это в России-то, где каждый не то четвертый, не то третий брак был смешанным!

Армии и флота это пока не касалось. Здесь категорически запрещалась, даже не столько запрещалась, сколько была попросту неприлична любая политическая агитация. Военные даже не участвовали в выборах. Поначалу Казимир тоже не замечал этих странностей. В конце концов, каждый на Руси сходит сума по-своему и, пока не начинает нести похабщину или призывают на баррикады, может говорить, писать или изображать знаками все, что его душе угодно.

Затем в Россию повадились ездить немецкие офицеры, банкиры, нацистские функционеры. О военных делегациях писали правительственные газеты, об эсэсовцах они помалкивали. Но разве можно у нас что-нибудь скрыть? Фотографии белобрюхих мужчин в штатском на фоне Медного всадника или Василия Блаженного и этих же людей в черной форме на улицах немецких городов стали мелькать в газетах всё чаще. Писали, что им уже не нужны даже дипломатические паспорта.

Все заговорили о тайном говоре, но, против кого подружились Гитлер и Михаил, гадали. Одни называли Францию и Англию, другие — Польшу и Финляндию, третьи — Грецию и Югославию. Это было уже неприятно, особенно, когда речь заходила о Польше и Финляндии, независимость которым была дарована и гарантирована во время Мировой войны.

А затем началось самое страшное. В армии стали пропадать люди, и сразу поползли слухи. Чаще всего исчезали немцы и поляки, но и других пропало немало. Вчера ещё был человек на своем месте в строю, в расчете, в экипаже, а сегодня нет его и как будто

никогда не было. И спросить не у кого. Командир в ответ на расспросы лишь пожимает плечами, говорит, отводя глаза, что-то о новом месте службы, советует ждать писем. И как-то сразу всем стало известно, что расспрашивать не следует, иначе сам окажешься «на новом месте службы».

Пропал унтер-офицер Тадеуш Комарицкий, наводчик с зенитной батареи, прикрывающей аэродром, большой приятель Казимира. Командир батареи, к которому Казимир осмелился обратиться с вопросом, сделал вид, что его не слышал, лишь приказал поправить фуражку и ремень. После этого сказал, что вольноопределяющегося больше не задерживает. Прозвучали в первый раз где-то в курилке страшные слова «цистка», «арест», «лагерь». Кто их произнес первым неизвестно, но вскоре об этом заговорили все. Шепотом.

Видно, дешёл этот шепот до кого следует, и в Государственной Думе был сделан запрос. Собралась пресс-конференция. Казимир видел её по телевизору, установленному недавно в полковом собрании. Его посещение низким чинам не запрещалось, но и не поощрялось. В армии умеют дать понять, что тебе делать не запрещено, но и не следует. Но в данном случае командир полка приказал быть всем свободным от службы, а звук ещё и транслировали через громкоговорители. Лучше бы не призывали.

Потный, с трясущимися губами и руками военный министр говорил что-то о формировании Польского корпуса, а такой же жалкий министр внутренних дел — что об арестах в армии ему ничего не известно, и обещал разобраться. Корреспонденты проводили обоих смехом и свистом. Видно было невооруженным глазом, что оба всё врут. Какой Польский корпус? Национальные части, вроде полков латышских стрелков, имели все автономии, но Польша-то была независимой. Вон она, рукой подать, сразу за Брестом.

Вскоре появились и доказательства. Несколько газет сразу, одну из них Казимир до этого несправедливо подозревал в связях с жандармами, опубликовали фотографии людей в полосатой одежде заключенных. Тех самых, из «Польского корпуса». Другие перепечатали письма к родителям. Такой вот «польский стрекот» писал, что всё у него хорошо; адрес сообщить не может, только номер почтового ящика; пусть родители не беспокоятся... Вот только после слов «всё хорошо» было и зажеркнутое автором письма продолжение «есть и черная». Автор и его родители, в отличие от цензора-дурака, Гашека любили.

Всё это время нарастала интенсивность тренировок в полку. Всё чаще проводились учебные бомбометания с больших высот и с малых, днем и ночью. Всё чаще полк просто поднимали по тревоге и, либо встроив экипажи у самолетов, либо подняв самолеты в воздух, давали отбой. Количество увольнений и их продолжительность постоянно сокращались. На улицах городка стали чаще встречаться артиллеристы, саперы и пехотинцы, а грохот танковых двигателей слышался где-то неподалеку.

В августе, когда Питер в честь приезда Риббентропа украсился немецкими флагами, против кого дружим, стало понятно. О новом разделе Польши заговорили почти открыто. Лепету какого-то полковника из Генерального штаба о том, что границы Польши Русская армия будет защищать, как свои собственные, не поверил уже никто. Словно в насмешку над этими словами помчались в Германию эшелоны с зерном и нефтью, металлом и лесом. Все серьезные экономические обозреватели говорили перед этим, что для войны нет у Германии стратегических запасов. Так возьми, Адольф, получи их. А затем случилось 1 сентября. Увольнения в полку отменили «до особого распоряжения».

За последнее время Казимир весь покернел и высох. По ночам снилась, не снилась даже, потому что настоящий сон не приходил, а мерещилась какая-то страшная чушь. Делить Польшу ему не хотелось. Не столько польские корни давали о себе знать, — родители продали имение и перебрались за линию Керзона сразу после решения о независимости. Просто не хотелось никого делить, тем более, вместе с Гитлером. Из рассказов немецких эмигрантов, из международных обозрений хорошо было известно, что творилось в Германии. Совсем ведь недавно, вчера ещё, в Российской империи слова «нацист» и «фашист» были ругательствами.

Часто вспоминался друг отца — Пауль фон Фогеляйн. О политике он, как и все военные, рассуждать не любил, но для нацизма делал исключение. Подполковник считал, что, избрав Гитлера, в своей стране немцы могут делать, что им угодно: считать себя высшей расой, строить социализм, устраивать факельные шествия... Своей программы Гитлер не скрывал, и не дело русских в это вмешиваться. Вот только со своими факелами гитлеровцы уже перешагнули границу, норовя подплыть всю Европу, а это всё равно заставит Россию вмешаться. Так лучше это сделать раньше.

Так рассуждал русский аристократ и потомственный военный Пауль фон Фогеляйн. И русский же аристократ, но военный в первом поколении Казимир Лестинский был с ним вполне согласен. Однако месяца три назад написал отец, что подполковник тоже сменил место службы, и писем от него нет. Жив ли он был сейчас?

Казимир всё чаще ловил на себе внимательные взгляды командира эскадрильи штабс-капитана Степанова. Относился тот к Казимиру хорошо, если только этот сибирский валенок из крещёных якутов способен был хоть к кому-то относиться по-человечески (командир был со странностями: венцом творения, наделенным и бессмертной душой, и интеллектом, он признавал лишь аэроплан; людям же считал существами второго сорта, промежуточным — на пути к авиации — этапом эволюции), и как будто хотел сказать что-то или от чего-то предостеречь. Но не говорил и не предостерегал. Возможно, уже знал, что предстоит Лестинскому путь в «польские стрекотки».

Сегодня, когда полк снова подняли по тревоге, сначала всё шло как обычно, лишь сердце тошнило скажется. Совсем худо стало, когда полк, набрав предельную высоту, взял курс на запад и, судя по времени, миновал границу. Значит, сегодня... Поднять руку на своих товарищах Казимир всё равно не смог бы, оставалось застремиться самому, когда первые бомбы понесутся к польской земле. Командир приказал Казимиру зачем-то поменяться местами со вторым пилотом. Если бы вылет был не боевой, в чем никто уже не сомневался, приказ прозвучал бы обыденно. Членов экипажа постоянно учили заменять в полете друг друга. Но сейчас тот, видимо, просто хотел иметь Лестинского постоянно в поле зрения. Минуты полета текли, по часам и горящая Варшава уже осталась где-то южнее, а команды все не было.

И вдруг прозвучала другая, неожиданная:

— Экипажу слушать приказ Верховного главно-командующего. Наблюдения за обстановкой не прекращать, об изменениях докладывать немедленно.

Затем в наушниках шлемофона послышался голос Михаила II, прерываемый иногда треском разрядов:

— ...топить все германские корабли в случае отказа сдаться.

Дальней авиации подвергнуть бомбардировке города Кенигсберг, Берлин, Штеттин, Киль, Любек, Мюнхен, Гамбург, Кельн.

Сухопутным войскам перейти границу, если до четырех часов тридцати минут, как это предусмотрено российским ultimatum, немецкое командование не передаст своим частям открытым текстом приказа начать отход из Польши.

Добровольческому Польскому корпусу Русской армии незамедлительно выдвинуться на территорию Польской республики для оказания помощи в отражении германской агрессии. В случае принятия германской стороной условий ultimatum сразу вернуться к исходным пунктам.

После паузы Михаил продолжил уже другим голосом:

— Солдаты и офицеры Русской армии! Товарищи мои боевые!

От нас сейчас зависит, быть, или не быть новой мировой войне. Да, мы заключили с Германией пакт о ненападении, и кто-нибудь может обвинить нас в вероломстве. Но пакт ни единой буквой своей не предусматривал ситуации, когда одна из договаривающихся сторон угрожает всему миру. Да, отношения между Германией и Польшей нельзя было назвать добрососедскими, но и в наших делах с Польшей иногда бывают недоразумения. Чего не слышится между соседями. Все назревшие спорные вопросы можно и должно решать мирным путем. Но они захватили вчера Чехословакию, сегодня напали на Польшу, легко догадаться, что завтра наступит очередь России. Германский нацизм захотел войны. Пуст же он её получит.

Командирам — вскрыть пакеты! С Богом!

Казимир тупо глядел перед собой и, вопреки

распоряжению, за обстановкой не следил. Он же учился в университете, был без пяти минут дипломированным историком. Это же был обычный стиль Михаила: вратить так, чтобы ему все верили, и говорить правду — чтобы не поверил никто. Не замечая приборной доски, Казимир вдруг увидел то, чего отсюда из пилотской кабины не смог бы разглядеть ни один человек в мире.

Он увидел весь свой полк разом, цель которого лежала где-то там впереди за границей Польши. Он увидел десятки других авиаполков, целью которых тоже была фашистская Германия.

Он увидел танковые и моторизованные дивизии, прогревающие двигатели своих машин в ожидании приказа к выступлению.

Он увидел сотни «активистов» нацистских союзов и обществ, которые, переодевшись в привычные для них армейские и полицейские мундиры, сейчас громили притоны пятой колонны одновременно по всей России.

Он увидел своего приятеля Тадеуша Комарицкого. Одетый в польскую военную форму, но с русским трехцветным шевроном на рукаве, тот дремал сейчас в кузове артиллерийского тягача.

Он увидел дядю Пауля. В пятилистном камуфлированном комбинезоне с погонами военного старшины, в таком же берете с эмблемой 12-го Донского казачьего полка специального назначения, тот распоряжался сейчас над картой в каком-то наспех оборудованном штабном блиндаже.

И откуда-то из далекого прошлого донесся до него отчаянный радостный крик Изыки Кацмана:

— Русские идут!

Сейчас Казимир был одновременно и в бомбардировщике, летевшем бомбить фашистов, и со своим дедом, приникшим к бойнице со старенькой двустрелкой, и в той сотне, которая, рассыпавшись лавой, шла в галопе на толпу погромщиков, которые придумали себе что-то в оправдание.

От этих видений и мыслей Казимира отвлек ощущенный толчок в бок.

— Вольнoper, очнись и займись своё место, — скомандовал командир. Помолчав, он протянул две пистолетные обоймы, — и поменяй патроны, если раздумал стреляться.

Но, если настроение вольноопределяющегося Лестинского можно было в этот момент охарактеризовать как безоблачное, то совсем по-другому чувствовал себя войсковой старшина Фогеляйн.

Правда, штурмовые группы его батальона скрыто и без безвозвратных потерь захватили железнодорожные мосты в глубине территории противника, — мостами на границе занимались другие, — что было неудивительно, так как разработанный им план предусматривал все мыслимые и немыслимые, вплоть до землетрясения, ситуации.

Правда, отсутствие потерь позволило почти на 15 процентов сократить время подготовки посадочных площадок для вертолетов Сикорского и легких самолетов, и основные силы батальона сейчас спешно

занимали вокруг мостов круговую оборону, а подкрепления все прибывали.

Но командир одной из минометных батарей доложил о готовности основной и запасных огневых позиций почти с двухминутным опозданием от графика.

Но командир первой штурмовой группы так и не доложил о наличии у него трофеев и пленных, хотя по плану должен был сделать это одновременно с докладом о выполнении задачи.

И у всех, буквально у всех нижних чинов и младших офицеров батальона вместо беретов на головах красовались казачьи фуражки, являющиеся, согласно уставу, предметом парадного, но не полевого комплекта обмундирования. Откуда взялись фуражки?! Экипировку батальона фон Фогелян лично проверял в час «Х» минус 7.30.

Внешне неудовольствия он не проявлял. Как всегда невозмутимый, принимал доклады подчиненных, отдавал приказания, уточнял с прикомандированными к батальону офицером полка штурмовой авиации и артилеристом ориентиры и цели. А в это время где-то на периферии его сознания совершенно недисциплинированно, без строя и вне графика, — что поделаешь, с кем поведешься, от того и наберешься славянского разгульдейства — теснились элиты, которыми он наградил своих подчиненных при разборе операции.

Совсам, в очередной раз соврал император, приказывая командирам вскрыть пакеты. Пакеты уже были вскрыты. Уже несколько часов люди полковников Старицова и Ваупшаса на территории Германии взрывали мосты, вододаки и нефтебазы, выводили из строя линии и узлы связи, в том числе правительственный, из засад забрасывали гранатами и расстреливали автозаправщики, передвижные радиостанции и штабные автомобили, готовились сигнальными ракетами и покарами подсветить бомбардировщикам из цели. И снова рвали немцам связь.

А затем и дальние бомбардировщики над Германией вдруг резко снизились и сменили курс.

Напрасно на подступах к её столицам барражировали истребители ПВО, только горючее зря сожгли. Напрасно дежурили у своих орудий, поднятые по тревоге зенитные расчеты, забко поеживаясь от предрассветодного холода и нервно зевая. Напрасно ревели в городах сирены оповещения, загоняя людей в бомбоубежища, станции метро и подвалы.

Кто же открытым текстом бомбардировщикам цели указывает, да ещё в тот момент, когда они уже в полёте?! Надо же сначала подходы к целям наметить по карте. На макетах и по снимкам аэрофотосъемки цели изучить. Прикинуть, какие именно бомбы для них годятся лучше всего. Всё это делается загода.

Поэтому в час «Х» обрушился жуткий груз на узловые станции, на склады горючего и боеприпасов, на аэродромы, на командные пункты... На руку Русской армии оказались игрушечные европейские европейские расстояния. Готовясь напасть на Польшу, не стали немцы ни

полевые аэродромы строить, ни базы снабжения и штабы с места трогать. В поле или лесу неуютно же, а Польша и так и эдак близко.

И в этот же час «Х» в Восточную Пруссию по мостам, захваченным Фогеляном и другими подполковниками, — много их приехало накануне и в ночь на 3-е сентября в последних эшелонах с грузами из России — ворвались и понеслись вглубь по прекрасным немецким дорогам танковые, моторизованные и кавалерийские дивизии. Давили тылы ушедших в Польшу немецких армий, но в затяжных боях не вязались, спешли в Германию. Восточная Пруссия богата фортификационными сооружениями, но гарнизонов в них почти не было. Планов войны, предусматривающих одновременно своё нападение на Польшу и отражение нападения из России, у немецких генералов не оказалось; к такому развитию событий у них вообще ничего не было приготовлено. Там же, где какие-нибудь части успевали сесть в оборону в средневековом ли замке, в современном ли бункере, ими начинали заниматься специально обученные и специально оснащенные осадно-штурмовые батальоны и бригады. Этим приказ был не торопиться и своих людей в лобовых штурмах не губить.

Разработанные с немецкой педантичностью и русским размахом планы предусматривали, что германские танковые дивизии, введенные в Польшу, должны там и остаться, не имея возможности развернуться и защитить собственную территорию. Лишенные подвоза боеприпасов и горючего, не получая четких и внятных приказов, связанные боями с частямипольской армии и Добровольского корпуса, — не корпуса, армии; собирались в ней почти все, кто по-польски хотя бы «Пся крев!» знал, — отрезанные от родины разрушенными мостами и дорогами, перешли немецких танкистов и пехотинцы к обороне, с трудом удерживая те рубежи, которых им удалось достигнуть к третьему дню войны.

Против них обернулось и отсутствие сплошной линии фронта. Оправившись от первого удара, польские кавалерийские дивизии, не так привязанные к хорошим дорогам и прикрытые с воздуха русской авиацией, смело наносили удары по флангам и тылам немецких армий.

А дальше... Никто не знает: случай помог или чисто внимательные глаза. В тридцати километрах от Эльбинга, это на западной границе Восточной Пруссии, накрыло ковровой бомбажкой кортеж правительственных автомашин. Опознать там впоследствии удалось не многих. Был ли в одной из машин Адольф Гитлер или спасся он на подводной лодке, до сих пор не знает никто. Есть у историков и такая, и другая, и ещё разные версии на этот счет.

9 сентября 1939 года запросило Верховное командование Германии перемирие, объявило о создании Временного правительства и отдало приказ об аресте руководителей партии, СС и СА.

... А Освенцим для всего мира так и остался лишь географическим пунктом на карте Польши...

Клад из Кондинской тайги

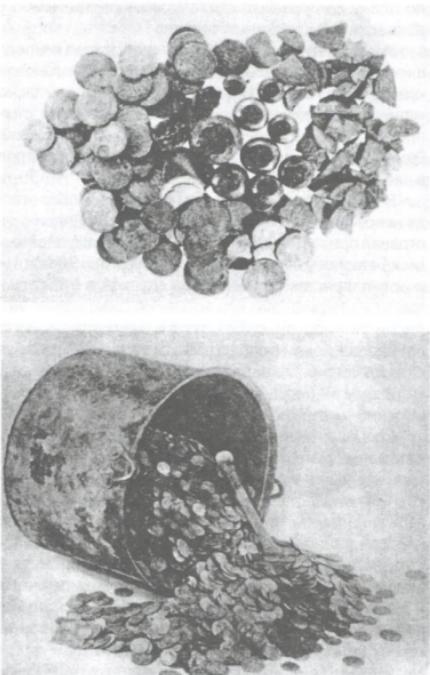
В наши дни собрания монет можно встретить почти в каждом краеведческом музее. Как они пополняются? В основном за счет личных коллекций или кладов. Личные коллекции поступают в музей как прижизненные дары или по завещанию. Конечно, далеко не все готовы расстаться со своими коллекциями, и это вполне естественно. Коллекционеры приносят немалую пользу науке, поддерживая связь с учеными и информируя их о составе своих собраний, где изредка могут встречаться... но если и не уникумы, то довольно редкие монеты.

Второй источник пополнения государственных коллекций — клады. При слове «клад» сразу вспоминаются «Золотой жук» Эдгара По, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма, «Остров сокровищ» Роберта Л. Стивенсона...

Увы! Сундуки, доверху набитые золотыми монетами и драгоценными камнями, обычно встречаются лишь на страницах приключенческих романов и повестей. В реальной жизни клады — это чаще всего невзрачные глиняные сосуды, изредка — металлические котелки, заполненные — причем не всегда полностью — различными серебряными, а иногда и медными монетами. Из этого нетрудно сделать вывод, что основная масса кладов принадлежала не богачам, а рядовым жителям городов и деревень, которые прятали свои деньги в земле (иногда — в другие места), откладывая их на черный день.

Уже в древности существовали законы, четко регулирующие права собственности на найденные клады, такие законы есть и сегодня. Кстати, в России глиняные кубышки, изготовленные специально для хранения денег, можно было купить не только в далеком прошлом, но и в начале XX в. почти на любом рынке и уж наверняка на любой ярмарке. Некоторые деревенские богатели, а также, случалось, и мелкие купчики предпочитали хранить свои накопления в земле, а не в банке. Что уж говорить о тех временах, когда никаких банков и в помине не было, зато пожары, войны и нападения грабителей-татар были делом самым обычным. Во времена государственных переворотов число кладов увеличивалось многократно. Необходимо добавить, что кладами принято считать и находки некогда потерянных кошельков с монетами, а также обнаруженные накопления культового характера — приношения какому-либо святилищу, храму, божеству или просто известному идолу. Следует помнить, что некоторые клады относятся к категории «безвозвратных» — их зарывали,топили в воде или прятали иным способом с одной целью — воспользоваться сокровищем на том свете.

Чаще всего клады содержат от нескольких десятков до нескольких сотен монет, реже они исчисляются

Клад западноевропейских денариев X—XI веков, найденный в 1934 году близ д. Вихмязь (Южное Приладожье)

тысячами. Среди этих находок попадаются весьма любопытные. Сравнительно недавно близ деревни Холашеево под Костромой плуг вывернул из земли кубышку с монетами общим числом полторы сотни штук. Не много? Конечно. Зато все монеты оказались разными. Значит, собирали их не на черный день, а как коллекцию, хотя, скорее всего, владелец, может даже никогда не слышал такого слова. Можно предполагать, что он был простым крестьянином. В кладе оказались монеты времен Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I. Нашлась в кубышке и одна из довольно редких сегодня монет — четырехкопеечного достоинства, выпущенная в 1762 г. Такие найдутся далеко не в каждом музее...

Один из самых крупных кладов найден в Москве в 1909 г. при земляных работах в Тёплых рядах на Ильинке (в советское время — улица Куйбышева).

Здесь обнаружили два кувшина с 22000 копеек времен преимущественно Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. А вообще в современных пределах столицы зарегистрировано свыше сотни различных кладов. Большинство из них содержит отечественные монеты, но встречаются и арабские дирхемы, и западноевропейские денарии, грошины и талеры, американские макукины...

Иногда клады обнаруживают в самых неожиданных местах. В начале восемидесятых годов в глухой Кондинской тайге (Западная Сибирь) лесозаготовители, корчуя пни на одной из лесосек, обнаружили почти три ведра медных монет, отчеканенных в 1770—1808 гг. Как они попали в эти отдаленные от любого жилья места — неизвестно.

Наверное, немного в нашей стране найдется мест, где бы не сохранились предания о спрятанных неподалеку кладах.

Легенды о пугачевских сокровищах золота и серебра ходили на Урале в XIX веке, не исчезли они и сегодня. Но в данном случае можно с уверенностью сказать, что они не имеют под собой реального основания. Перечень захваченных «Петром Федоровичем» ценностей был составлен сразу же после подавления восстания и с большой точностью. Денег — в основном, медных и серебряных — ему удалось «добыть» не более двухсот тысяч рублей. И практически все они были потрачены на нужды самого «императора» и его воинства. Если и были зарыты пугачевцами какие-то клады, то ценность их едва ли превышала среднюю ценность кладов того времени.

Можно ли назвать кладами сокровища затонувших кораблей? А почему бы и нет? Так, во всяком случае, считают многие специалисты-нузиаты.

В прошлом монетным кладам особого значения не придавали. Из них выбирали наиболее ценные и интересные экземпляры, которые шли на пополнение коллекций. Для современного нумизматика главное — исследовать клад полностью, «прочитать» его. При правильном изучении клады могут сообщить много интересного. Очень важны в таких случаях, чтобы клад сохранился полностью. Законы об охране памятников культуры, принятые в нашей стране, предусматривают также и охрану монетных кладов. К сожалению, далеко не все еще представляют, какое значение для истории вообще и для нумизматики в частности имеют эти находки. А ведь каждый клад — большой или малый — неповторим. Он сообщает новые сведения, уточняет показания письменных источников и сам является вещественным источником по истории денежного обращения. По количеству и размерам кладов можно определить значение тех или иных торговых путей, проследить время расцвета и упадка многих городов, судить о жизненном уровне населения в тот или другой период времени, о состояниях государственных финансов... Иногда — и кое-что о личности самих владельцев кладов.

Найдка кладов — явление не такое уж исключительное. В этом можно убедиться, пролистав годовую подшивку газет. Но до музеев доходит только небольшая часть кладов, да и те не всегда в полном составе. Какая-то часть расходится по рукам или попадает на «черный рынок». Большинство кладов золотых и серебряных монет, которые законопослушные граждане сдают в «официальные органы», попадают оттуда прямехонько в Гохран и исчезают для науки навсегда. И если кому-нибудь доведется найти клад, будем надеяться, что все монеты — все до единой — попадут по своему назначению, в музей. Например, в Государственный Эрмитаж в Санкт-Петербурге.

БИЛА Елизавета Артуровна, драматич. писательница, переводчица

Баронесса. Авт. комедии «Бабушкина сказка» (в соавт. с С.М.Аントоновой) — Бар. Б. и С.А.); пер. с англ. пов. Джерома К. Джерома «Поль Кельвер». — «Вестн. иностр. лит.», 1903., № 6, 7-8; пер. с англ. пов. из уголовн. жизни Д.Гриффит «Чародей». — Там же, 1905. № 9 (продолж.).

Масанов, Венгеров. Источ.

БИЛИБИНА Варвара Тимофеевна, драматическая писательница.

Венгеров. Источ.

БИЛИБИНА Вера Корнилиевна (псевд. Корнелиева, В.), драматург.

Сотр. в журн. «Артист», 1892, № 24; «Театр и искусство», 1900; писала рец. в журн. «Женское дело» (1900, № 1); авт. комедий: «Не по шаблону». М., 1899; «Добродетельный Вениамин: Комедия в 1-м д. Сюжет заимствован». Спб., 1900; «Женщина будущего: Комедия. Переделка для рус. сцены из англ. пов. М. Коррели «New woman». М., 1902. М.Б. она авт. в «Критик. положении». Шуточные сцены из обыденной жизни». М., 1910. Изд. С.Ф. Раскохина (но инициалы — В.Т.). М.Б. она авт. ст. «Волковские торжества в Ярославле». — «Женское дело», 1900, № 6-7.

Масанов; Венгеров. Источ.; Указ. заглавий.

БИЛЬБОТ Софья Ивановна, авт. научных статей.

Врач. Ординатор проф. Бергмана в госпиталях за Дунаем (1877-1878). О диссертации на учченую степень - «Голос». 2878. № 106; «Вестник народной помощи». 1878. № 18. С. 4. «Случай замечательной аневризмы подключичной артерии». «Военно-медицинский журнал». 1881. Ч. 142.

Слов. рус. писательниц.

БИРГЕР Вера Николаевна (псевд. Барова), драматург.

Масанов.

БИРМАК А., авт. воспоминаний.

Ученица СПб. консерватории. Оставила воспоминания «В классе Есиповой» \\ Сов. музыка. 1985. № 12. С. 89-92 — о пианистке, проф. консерватории А.Н.Есиповой.

ИРДРВ. Т. 5. Ч. 2. № 2136.

БИРМАН Серафима Германовна (1890 — 1976), мемуаристка; актриса, режиссер.

Авт. кн.: «Судьбой дарованные встречи». М., 1971; авт. воспоминаний в кн.: «О Станиславском». М., 1948; о Станиславском — «Величественная жизнь» («Театр», 1938, № 10-11, с.131-133); сост. «Автобиографию» (1890-1920). — РГБ.ОР. ф.178, № 9584.6.

ИРДРВ. Т. 4. Ч. 4. (указ. имен); «Актеры и режиссеры». М., 1928 (портр); ВД. Указ. рук. (указ. имен).

(Продолжение на стр. 62)

«Уральский следопыт» продолжает знакомить своих читателей с готовящимися к выходу изданиями.

Байдуков В.А.

Суд и правосудие России (IX—XIX вв.)

Суд и правосудие в России всегда имели свою историю, сущность — свое лицо.

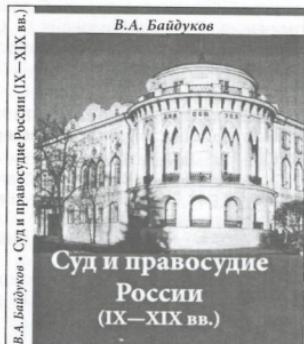
И поскольку разнородные славянские народы имели общие черты — публичное начало, терпимость к другим народам, патриотизм, другие народы стремились к объединению с русским народом. Так возникали общенародные суд и правосудие. При этом в царский период учтывались в судоустройстве и судопроизводстве особенности жизни и быта других народов.

Работа В.А. Байдукова заслуживает внимания и одобрения. Это объясняется двумя причинами: во-первых, она представляет монографическое исследование о сущности суда, содержании и значении его в современный период в России. Во-вторых, сложное историческое развитие в России при его детальном рассмотрении может дать представление об истинном положении суда в современной России.

В работе автора об исторических истоках отечественного суда выделяются два момента. Прежде всего, длительный период развития суда, т.е. с зарождения его элементов и до Судебной реформы царского суда в XIX веке. С другой стороны — предельно добросовестный подход к источникам и историческим раритетам. И в том и в другом случае В.А. Байдуков руководствуется одной мыслью — обнаружить историческую истину. Вот почему он сам непосредственно исследовал раскопки и остатки древних городищ на севере и на юге, на западе и востоке. И вместе с тем он, бережно сохраняя авторство других ученых, изучил множество историко-правовых источников и умело использовал их в своей работе. Особо обращает на себя внимание цитирование множества текстов подлинников различных времен и народов.

И как вывод — все изложенное позволило автору углубить фундаментальную основу сущности судебной власти в современной России.

В.М. Семенов, профессор,
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист РФ

БИРСКАЯ-ОКУНЦОВА Надежда Августовна

Авт. кн. «Искры: Стихи 1902-1932». Париж, 1934.

Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

БИСТРОМ Вера Д., поэтесса.

Баронесса. Сотр. в «Вазе». 1859. № 26 (стихотв. «Молитва» - Би-м, Вера); авт. кн.: «Отголоски сердца» (СПб., 1883).

Слов. рус. писательница; Масанов; Венгеров. Источ.; Розанов.

БИТНЕР Аполлинария Арсеньевна (1891 —), авт. воспоминаний.

Народная учительница; жена редактора-издателя журнала «Вестник знания» В.Б.Битнера. Написала воспоминания о И.Е.Репине — в кн.: «Новое о Репине». Л., 1969, с.200-202.

ИДРДВ, т.3, ч.3, № 6182.

БИТЮЦКАЯ Софья Иннокентьевна (1884 —), искусствовед.

Сотрудник Третьяковской галереи.

Личные архивные фонды. Т.3.

БИЦЕНКО-КАМЕРИСТАЯ Анастасия Алексеевна (1875 —), авт. воспоминаний; участн. рев. движ., член партии социалистов-революционеров, впоследствии — Коммунистич. партии.

«В Мальцевской женской каторжной тюрьме: (К характеристике настроений). — «Каторга и ссылка», 1923, № 7, с. 192-208.

Масанов; ИДРДВ, т.4, ч.2, № 4591.

БИЧ О., переводчица.

Пер. стихи грузинского поэта А.Чавчавадзе (см. Грузинские романтики. М., 1989).

БЛАВАТСКАЯ Елена Петровна (псевд. Радда Бай; 1831 — 1891), автор религиозно-мистич. сочинений, прозы; doch belltristki E.A. Gan; сестра прозаика и драматурга В.П.Желиховской.

Много странствовала по Европе, Сев. Африке, Мал. Азии, Сев. и Юж. Америке, Индии, Китаю, жила в США, Индии, Египте; знала многие языки. Занималась спиритизмом, сознавшись при этом, что умела «играла все роли, способна представить из себя какую угодно личность». В США основала Теософское общество с целью выработать «универсальную религию»; издавала теософские журналы. Главные соч. Б.: «Разоблаченная Исида» и «Тайная доктрина», по мнению ученых, представляют из себя компиляцию разных мистических соч. и мешанину из плохо усвоенных идей буддизма. Б. выступала и как собственно писательница. По свид. С.Ю.Витте, двоюродного брата Б., она легко писала стихи. Б. — автор обширных записок о своих поездках по Индии, которую она считает прародиной человечества.

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ А.

Пер. с финского в сокр. пов. Юхани Ахо «Юха» («Современник», 1914, № 11-12.). Сотр. в «Игрушечке» (1899).

Наталья НАСРЫЕВА,
фото автора

Город Екатеринбург, Россия
Фотография из личного альбома
Натальи Насрыевой

Гора Волчиха

Прошлое загадочно и таинственно. Сотнями нитей мы связаны с ним. Реальное путешествие в наше прошлое всегда щекочет нервы и вызывает бурю положительных эмоций.

Уже мыслители античного мира достигли больших успехов в развитии научных представлений о Земле. Их путешествия по Средиземному морю и в более отдаленные страны благоворно сказались на расширении географического кругозора. Древнегреческим мореплавателям и торговцам хорошо были известны Черное и Азовское моря. На их берегах они основали ряд городов-колоний, где вели торговлю со斯基фами — народом, обитавшим в степях Северного Причерноморья. Возможно, что греки проникали иногда в глубь скифских земель.

Особый интерес для нас представляют сведения об одном из таких путешествий, совершенном, якобы, Аристеем Проконнеским в VII—VI в. до н.э. и

о том, что он, вернувшись из дальнего похода, написал книгу о нем. Аристей, как и другие античные писатели, не оставил никаких письменных свидетельств о своем путешествии. Но в его книге описаны скифы, с которыми он, вероятно, встречался в ходе своего похода. Скифы, в свою очередь, описывали Аристея в своих легендах и сказках.

Аристей... прибыл к исседонам.

По его рассказам,
за исседонами обитают аримаспы...
о еще выше за ними —
гипербореи на границе с морем.

Геродот. V в. до н.э.

описанном им в поэме «Аримаспия». От этого произведения до нас дошел лишь небольшой отрывок, но ученым Древней Греции «Аримаспия» была хорошо известна. Геродот, живший полтораста лет спустя после Аристея, заимствовал сведения из нее для своей знаменитой «Истории». По свидетельству Геродота, Аристей проник далеко на север от Скифии, в страну исседонов, где узнал, что еще дальше обитают другие народы, в частности гипербореи, живущие «на границе с морем».

Ученые нашего времени высказали предположение, что исседоны жили в Среднем Предуралье или на Среднем Урале. Более того, были попытки отождествить название реки Исеть с названием якобы обитавшего на ней племени исседонов*.

* См. Томсон Дж. История древней географии. М., 1953. С. 101.

«Логотип»

Наталья Насрыева — студентка 5 курса Уральского института туризма. Работает над маршрутом «Дорогой Аристея», проштудировала многие литературные источники, не раз прошла по следам исседонов.

Геродот посетил родину Аристея — город Проконесс, где узнал, что автор «Аrimаспии» однажды исчез из дома на семь лет и по возвращении написал свою поэму. Не мог ли Аристей жить в эти годы в одном из греческих народов Северного Причерноморья и оттуда совершив поездку в еще более отдаленные земли? Известно, что древние греки иногда предпринимали далекие поездки, но главным образом морские. Совершать длительные сухопутные путешествия в те времена было сложнее, тем более — в страны неизвестные и холодные. И все же у нас нет основания отрицать возможность путешествия Аристея из земли исседонов, то есть в какой-нибудь район Предуралья или даже Урала. Путь в полторы-две тысячи километров от греческих колоний на берегах Черного или Азовского моря до Урала не столь велик, тем более что здесь в те времена проходил водный путь по рекам Дону, Волге и их притокам, а также были сухопутные дороги, проложенные скитами. И если Аристей действительно совершил поездку в Предуралье и тем более на Урал, это следует считать выдающимся достижением в истории древних путешествий.

Хотелось бы обратить внимание на древнее слово «исседоны» («исседон»), встречающееся в литературе и по-разному истолковываемое. Возможно, это слово состоит из двух частей: «иссе» и «дон». Слово «дон» у скитов означало «река». Днепр (Днепр) — река Епр, Донестр (Днестр) — река Естр и т.д. Такое же значение этого слова сохранилось и у некоторых потомков скитов, в частности у осетин. Пример: Ардон — Ар-река и т.д. Напрашивается вопрос: не могло ли скитское название «исседон» (в смысле — Иссе-река) дойти до ученых Древней Греции в неверном истолковании (в смысле народа, населяющего эту местность)?

Портрет исседонов, описанный у Геродота, не отличается особой привлекательностью: спят по 6 месяцев в году, по особым дням даже поедают своих соплеменников, но в то же время ведут торговлю со скитскими племенами и знают о северных землях и народах (аримаспах, Гиперборее).

Найденные на месте поселений исседонов медные птицевидные идолы и другие находки в районе горы Толстик, горы Малая (р. Исеть, Палкино, Северные писанцы) свидетельствуют о том, что наши предки обладали не только умением плавить металл, но и достаточно высоким уровнем материальной и духовной культуры.

На основе этих фактов, мифов и легенд, которые окутывают историю Урала, мы и задумали культурно-познавательный маршрут для активного туризма. Он проходит по пути продвижения легендарного Аристея из греческого города Проконесса (7—6 в. до н.э.) в страну исседонов, расположавшуюся на восточном склоне Уральских (Рифейских) гор в бассейне реки Исеть (ср. «Исседоны» — люди, живущие на реке Исеть, Дж. Томсон). О существовании этой страны свидетельствуют не только сообщения Геро-

дота в его знаменитой «Истории» (кн. IV, 16—30), но и многочисленные открытия археологов, связанные с «Исетской культурой» (Берс Е.М.).

Культурно-познавательный маршрут «Дорогой Аристея» знакомит нас с местом, откуда предположительно прибыл легендарный Аристей в страну исседонов (река Чусовая, гора Волчиха — «Волочиха»), затем сопровождает по наиболее интересным местам вдоль его пути до реки Исеть (включая посещение исторических и природных памятников: древнее городище в районе оз. Песчаное; следы металлургического производства на шиханах и камни-писанцы в районе Северки, а также древнее городище в пос. Палкино).

А теперь кратко об основных достопримечательностях маршрута.

Гора Волчиха. Высшая точка окрестностей Екатеринбурга, с нее можно взглянуть с высоты птичьего полета на три города Свердловской области: Ревду, Первоуральск, Детгирск. Существует версия, что у подножия горы некогда проходил волок от рек системы Исети (р. Решетка, например) к р. Чусовой. Отсюда название «Волочиха». Это начало древней легенды об исседонах, о древнем пути, проходившем когда-то в низкогорной части Ревдинского хребта (составная часть Главного водораздельного хребта Уральских гор).

Оз. Песчаное, которое лежит на высоте 300 м над уровнем моря. В его окрестностях были обнаружены стоянки древних людей, укрепленное городище, признаки древней исетской культуры.

Северный отрог горы Медведки, где находятся Северские писанцы (3—4 км от ст. Северка). Называются они так потому, что в 1985 году В.Н.Прониным на них были обнаружены писанцы древних людей.

Северские палатки — здесь можно увидеть следы быта древних металлургов, живших в эпоху раннего железного века, увидеть наследие исетской (итульской) культуры.

Пос. Палкино — это места древних производств, поселений, а также святилища. На одном из участков раскопок была обнаружена металлургическая площадка эпохи раннего железного века исетской культуры.

Сейчас невозможно сказать, кто из ученых древнего мира первым высказал соображение о том, что где-то в отдаленных северо-восточных землях находятся горы. Мысль о них жила многие века, хотя горы выглядели скорее мифическими, чем реальными. Но спустя, по крайней мере, полторы тысячи лет, примерно в этом районе действительно были обнаружены горы. Арабские географы средневековья имели о северных горах (позднее названных Уральскими) уже более достоверные сведения, поскольку слышали о них от очевидцев, изредка ездивших в северные страны по торговым делам.

Историческая реконструкция обнаруженных поселений, жертвенных сакральных мест, укрепленных городищ позволила археологам сделать выводы, что

Уточки

Пляшущие человечки

здесь на обширном пространстве в раннем железном веке обитал народ с достаточно развитой культурой, позволяющей заниматься добычей и выплавкой металлов, возможно включая и добчу золота.

Маршрут нашего путешествия окружен ореолом

загадочности и таинственности древних легенд. Мы попадаем в сказку, в которую нам вновь и вновь хочется вернуться, попасть в атмосферу единения с природой, узнать еще много интересных легенд и историй.

Елена МИНАКОВА,
фото автора

Пять верст до родника

Персонажи не выдуманы, совпадения не случайны

Крестики, нолики и квадратики — вот и вся деревушка Чаша, небольшая, но по-своему красивая и многогодная. Нарисовала ее на обычном ватмане энтузиастка-библиотекарша из соседнего сибирского села Нововяткино Екатерина Охотникова.

Собирала «разрозненную историю», допытывала старожилов и саму себя корила: «Художница-то из меня никакая». И все-таки молодец она — как могла, нарисовала схему деревни в пору ее расцвета в 1940-е. Нехитрая «геометрия», на самом деле, — избы, речка, дорога и колодцы. Их всего четыре на деревню.

Самый старый — Журавль — кажется навечно прикованным к водяной жиле. Ну а крестики — погост. Он и сегодня никуда не деляся. Летом низенькие песчаные бугорки затягивает лесная клубника, меж оградок торчат новорожденные березки — все не так одиноко лежать упокоившимся на кладбище.

А вот Чashi самой уже нет — она исчезла. Поразъехали ее обитатели по белу свету, многие поумирали. И только старик Петр Максимович Селиверстов живет у своих корней. Он последний коренной житель исчезнувшей деревни.

На высоком песчаном бугре, поворотя изгиб реки Чаша, пролегла старенькая улица Культуры. Здесь не принято что-либо выдумывать. От природы, от местных рек, проходили многие названия, а по имени советского колхоза «Культура» когда-то была названа и единственная чашенская улица. Начинает она разбег от трех тополей, что стоят, вытянувшись в веер рост, на просторе, а заканчивает — в леске у кладбища. С этой точки видна вся бывшая деревня: там, где растут кусты, избы стояли, и в них жили большими семьями.

Дом Петра Лагутина, крещенный первым, превратился в пепелище. Короток оказался его век — «лица» с большака не видно. Не пожар, а время его сгубило, и здесь теперь хозяинчиает крапива. Эта трава — с «характером», но и она тянется к жилью, к земле, обласканной человеком. С остатками изгороди из жердей сравнялся зеленый частокол. Когда-то срубил хозяин, что росло в лесу, приколотил старательно, а нынче все исчезло, и даже тропинка заросла — не видать покинутого порога. Да и не стоит, пожалуй, тревожить прошлое, даже если оно чужое. Крыша и пол в домике обвалились, обнажился просторный голбец, перекрытия, убогие, сгнили. Сунешь нос сюда — птица какая-то вспорхнет испуганно, забьется в пустых стенах, как в клетке.

Стоят брошенные дома. Кое-где висят еще на дверях ржавые запоры, а окон нет — вывалились либо их растащили. В «ослепшем» проеме колышется на ветру ветхое тряпье — занавеска.

Следы прошлого. Обломки чужой жизни. А для кого-то этот угол — не чужбина, а родина. Единственная... Жили-были люди на своей земле. Детей поднимали на ноги. Работали. Выполняли план. Сегодня даже адреса обратного не осталось — все кончились. Печаль и обида поселились в душах у людей и, видно, долго еще будут передаваться от одного поколения к другому... А нынче вот какая неожиданность произошла. Получили сибиряки приглашение — весточку с родной земли. Это бывшие чашенские — Лагутин, Никулина, Селиверстов, Вохмина, Тенишев, Охотникова, Прудников, осевшие на селе, в центральной усадьбе Новояткино, — учили некий оргкомитет и решили отпраздновать впервые в истории деревни ее день рождения. Инициативу поддержала глава сельского поселения Александра Жукова (тоже бывшая Охотникова). Из старых семейных фотографий энтузиасты собрали «библиографический материал» — альбом, единый для всех. Нашли адреса. Составили праздничную программу. Стихи написали. Каравай испекли. И даже пригласили фольклорный ансамбль из района-центра Викулово с настоящим гармонистом. С утра пораньше — сбор гостей и экскурсии с посещением кладбища. Минута молчания «Дань памяти — поклонись родной могиле». В полдень — народное гуляние. Вечером — фейерверк и встреча у костра. Вот такая программа.

А в самой Чаше местные умельцы даже построили под открытым небом сцену. Доски крашенные откуда-то урвали. Лавки приготовили... Но, как назло, сгустились тучи, нахмурилась природа, и зарядил

Встреча через много лет

затяжной противный сибирский дождичек, отчего расквасилась единственная дорога. Встретились разлетевшиеся «птенцы» к назначенному времени, облызались, а до своего гнезда так и не добрались. С спортзала новояткинской школы для них по разрешению администрации накрыли банкетные столы. Сели люди. Развернул гармонист меха гармошки. Хор чашенские от души угостили и сами запели.

Кажется, и за полвека лет здесь ничего не изменилось. Вера Гончарова (бывшая Лагутина), дочь председателя колхоза, похлопала на торжество в резиновых сапогах. В каком виде уезжала, в таком же и вернулась. Но только те сапожки — из детства — были черными, «блескучими», как бы праздничными. Так подсказывает Вере ее память. А много ли было в жизни праздничного? В глубинке всегда жили одинаково и бедно. Об этом свидетельствует и сама история деревни, начавшаяся как бы с нуля, с абсолютной бедности. Краевед А.В. Давыдов относит дату ее рождения к 1911-12 годам. А на самом деле Чаша образовалась гораздо раньше. Сохранились свидетельства о том, что открыли ее самоходы из Смоленской губернии, отправившиеся на поиски лучшей доли: Терешковы из Субровки Глинского района, Никулины и Лагутины из деревни Зaborье Кордымского района (в России земельный надел выделялся только на лиц мужского пола, и то земли не хватало). А в Сибири просторов вволю, знай, корчуй лес, паши пашню и сей зерно. Расселились люди хуторами, стали их величать: Лобанов, Митин, Химкин, Николаичев — где одна жила семья, где сразу несколько. По имени хозяина назывались и местные усадьбы: Егорова сежа, Алексеева сежа. Много было посевов, скота. Для него люди построили в скромном временем просторную ферму. Лопатами вырыли канавы и до своих угодий проложили большак, который ссылочные когда-то протягивали от Омска...

Короче говоря, трудились не покладая рук, а из нищеты все же не могли выбраться. Двери домов в Чаше не закрывались — нечего воровать было. Да и некому. Летом и стар и млад — в поле («пололи осот так, что руки опухнут»). Селяли рожь, пшеницу, овес, просо, лен — из него спрашивали себе одежду. На быках, а то и на коровах, пахали, боронили, солому возили. Пятнадцатилетние ходили за плугом («бывало, только скажи «бзы», не найдешь ни коров, ни плуга»). На сортировке хлеба орудовали тяжелыми

Память возвращается

совками и ведрами деревянными. Косили в заболоченных кочках, стоя «до колен» в воде («подошвы сделаются вдруг белые, все в дырочках, ноги по ночам ломит»). И что теперь жаловаться на отсутствие здоровья?!

А очагом культуры, как и везде в глубинке, являлась начальная школа. Построили ее еще в 1920-м, и стала она для ребятни вторым домом. Не сразу. Благодаря местной интеллигенции. Она, эта интелигенция, с фронта пришла без ноги, болотусам спуску не давала и до конца жизни сохранила верность выбранной профессии. Михаил Сидорович Терешков немного не дотянул до праздника. Умер в прошлом году. Но он оставил о себе теплую память. Минутой молчания почтили строгого, но справедливого учителя люди, собравшиеся на дне рождения деревни в чужом спортзале. Тем самым и школе родной поклонились.

Трудно понять деревеню городскому жителю. Не было больницы, а значит, болеть — себе дороже! Не было почты: изредка на лошади приезжал из района «специальный» почтальон. Не было молоканки: дядки сами отвозили надом в горячую. Тракторов, машин не знали чашенские — пешком ходили. В церковь — в Чуртан, встречать сыновей с фронта — в Ишим, рожать — в баню. Раньше как было: ни к фельдшеру, ни к бабкам-повитухам по таким пустякам не обращались («женщина сама на коленочки встанет, родит, пупок перевяжет»).

Зато кино привозное было и гармонист хороший — Дмитрий Журавлев — создавал атмосферу праздника в местном клубе. Молодые пели, плясали, готовили «всякие там пьесы». Девушки

наряжались хлопцами. А еще в деревне кузница была — там подковывали лошадей. Пимокат катал валенки. Девчата пряли на высоких прялках, одеяла стежили, тулуны, полуушки шили. А еще чашенские дома строили! Из местного «подручного» материала — из бересы или из осины — собирали срубы. Неправду говорят, что осина вытягивает все жизненные силы — в иной избе по три комнатки было: горница, кухня, спальня и сенцы, а уж детей — не сосчитать по лавкам. В разгар оттепели, в 1965-м на улицу Культуры пришло долгожданное электричество! Ямы под столбы копали сами жители. Свет горел от движка до 23.00, и Федор Никулин, первый на деревне специалист, командовал освещением.

Неунывающий народ — чашенские («где поплачет, где песни поют»). Жили одной семьей, дружно, соседу помогали. Бывало, набыются в одну избу — первую диковинку-патефон слушают всем сbroищем. А то, бывало, насыпает хозяйка в чугунок картошки для свиней — запах разносится по всему околотку. Ребята голопузые набегут — наlopаются вдоволь. Всем вкусного варева хватало! И жизнь длилась больше века... Старичку Игнащенко, например, 106 лет исполнилось — а он, как молодой, по гектару травы за раз выкашивал.

Жуткие времена настили, когда с визитами почтальона стали приходить похоронки. Первый удар Чаша принял как раз в 40-е. Назад возвратились не все: из 52-х — 35. Остались старики, женщины, дети и колхозный скот, который «не забрали». Чтобы спасти его от бескорыстия, раздали по дворам. А семян для посева не хватало. Тягловый скот был плохой упитанности. Едва-едва дотягивали люди до серединки отметки плана вспашки, рассчитанного на 95 гектаров земли. Силоса нужно было заложить 205 тонн, заложено 82. Скосить — 480 гектаров, а скосено 20. Все эти суровые годы (и четверть века в целом) колхозом «Культура» руководил Павел Лагутин, человек добросовестный, беспартийный. Как-то признался: «Я спокоен, ко мне в любое время приходи, проверяй — чего у других нет, того и у меня нет». Его, наполовину незрячего, призвали в трудаармию, но деревня заволновалась, и полетели в район тревожные письма, жалобы на нового председателя Чиркова. Прислали его из соседней Комиссаровки, и стал Чирков наводить новые порядки («немало посадил народа»). Дед Мишенка (так звали его) сторожем работал: насыпал как-то

Народное гулянье

в карман пшенички — внука покормить. Осудили его. В тюрьме он и умер.

С обидой в душе ушла из жизни и жена председателя Евдокия Лагутина. Не хватило ей восемнадцати дней до стажа, и осталась старушка без пенсии. Получила на руки шесть рублей, как издевательство, и заплакала: все-таки в семье двенадцать человек было, по дому управляться успевала и в колхоз ходила на работу...

В 1930-м организовали колхоз «Культура». Тогда в Чаше насчитывалось 40 дворов, и в них жили 172 человека. В 1945-м — 214. в 1969-м — 110. В 1978-м — 78. В 1985-м — 46. В 1990-м — 33. А в 2006-м — 15. Цифры — категория скучная, и все-таки они о многом говорят. Сегодня в деревне живут только пасечник Селиверстов с супругой да пришлие — некоренные — казахи... А разъезжаться чашенские начали еще после войны: поближе к детям, к цивилизации, в большие города стремились — туда, где расплачивались за труд не «глочками», а деньгами. Наболее удачливый старался перетянуть другого — так и текли живые ручейки, в основном, в Свердловск и Тюмень. В 50-е началось укрупнение колхозов, и некогда дружная самостоятельная деревня превратилась в отделение совхоза «Максимовский» Абатского района. В 80-е закрыли единственную школу. В 90-е перестройка началась. Каждое нововведение вело только к худшему — отток населения увеличивался. И Чаша исчезла.

Таким же образом улетучиваются сегодня и многие фермы в окрестностях. Нет-нет, да кто-нибудь обмолвится в сердцах: «В войну такого не знали!» По дороге на праздник нельзя было не миновать старое село Готопутово, что в Сорокинском районе. Здесь тоже «укрупнилися»: колхозы стали называться союзами, сразу шесть или семь деревень звезли в одну кучу, и все, что наживалось годами, весь уклад в миг нарушились. Остатки хозяйств и те растащили. Бывшие скотники, доярки, учителя, врачи-ветеринары остались без привычного дела. Больницу на селе сначала долго ремонтировали, потратили под эту затею большие деньги и неожиданно закрыли здание на замок. Оптимизация — новое поветрие. Школы, музеи, сельские поликлиники подверглись реорганизации. Ближайший готопутовский «медпункт» — у вдовы бывшего председателя колхоза Людмилы Григорьевны, потому что у нее «аппарат измеряет давление». Александр Ермолов, супруг ее, лежит под березкой на кладбище. Про него сказывают: честный был человек. Ничего при жизни не за-

Земляки за праздничным столом

работал. Но зато колхоз вывел в миллионеры. Сегодня и этот миллионер стал банкротом...

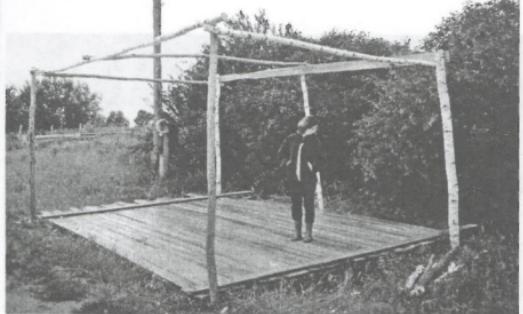
А все-таки жалко-жалко деревню Чаша, хоть она, бедненькая, и помучалась! Все сдавала государству («на все план накладывали»). Красотой удивляла — лучше не было в округе поселения. Высоко стояла, вся в зелени. Стройиться негде было — столько в лучшие годы набралось народу! Места кругом — грибные, ягодные, земля — песчаная. Грязи местные труженики в глаза не видели. В речке купались, рыбачили. Речка и сегодня никуда не делась. Стоит над ней кулики. А по деревне ветры гуляют. Раскачивают на столбах провода, по которым еще бежит электричество.

Осиротели «дети» деревни. Ищут свои дома на бумажной схеме. Исправляют случайные ошибки и вписывают настоящие фамилии... А у самой деревни нет настоящего — одни экспонаты остались. Их для чего-то приберег в своем маленьком музее директор нововяткинской школы Виктор Глебов, чистой воды бесцеребреник. На протяжении семнадцати лет он кропотливо занимался нумизматикой. Школьники таскали старинные утюги, прялки, иконы, ружья, патроны — все это складировалось в кабинете истории. То, что казалось ненужным, выбрасывалось на свалку. Ношли годы, находки превращались в раритеты, приобретали немалую цену. И теперь уже новые школьники разглядывают старину, как диковинку, кто-нибудь непременно спросит: «Что такое ботало?» — и местные юмористы с удовольствием любопытного просветят: «А это противогонное средство для лошади». Старые люди вспоминают юность, прошлое. Выставки, экскурсии и встречи с выдающимися представителями глубинки стали обычным здесь явлением. Оживились и чиновники от

Внуки председателя

НИКОЛАЙ СМОРОДИН — ФОТОГРАФ

Сцена под открытым небом

культуры. Предложили Глебову зарплату, а его коллекции — статус филиала Викуловского музея. Однако отказался энтузиаст под вежливым предлогом. «Директор музея — это мое хобби, — ответил, — и мне денег не надо». Деньги, конечно, нужны ему, как всякому порядочному человеку, но ух только непредсказуемый бывает государственная опека. Слухами полнится земля. Как раз в наши дни в целях экономии средств в отрасли многие краеведческие фонды переводятся на иные места жительства. А разве это правильно? История не должна пытаться на полках в райцентрах, больших городах, она должна выступать в роли воспитителя. Никто не должен почувствовать себя оторванным от своей родины.

Тихо-мирно живет музей Глебова за двумя дверями. Ценности еще не введены в научный оборот, но они в надежных руках — можно за них не беспокоиться.

Ищет свой дом Иван Иканов. Нашел. Приехал. Упал на траву... А больше ему, городскому жителю, ничего не надо. Рассказывает спокойно, буднично: «Уехал в 1958-м. Сначала — в Калининскую область, потом на Урале жил, потом в Тюмени зацепился». Многие старые знают Ивана Иканова. И земля его вспомнила...

Коля Прудников навастирает «антиквариат» — «Газ-69» — для экскурсий в Чашу вместе с внуками председателя. Дождь идет, дорога раскислая («жидкий асфальт — грязь по колено»), нельзя ехать, да и не ехать нельзя: все-таки вернулись домой! Венки и полное описание кладбища с собой привезли. Это стар-

Где кусты — там дома стояли

шая Лагутина — Дарья Чернова — дала наказ «молодежи» навестить близких и родных: сама-то она приболела, все-таки 79 лет ей — не смогла вечная труженица побывать на празднике, что случился в июле этого года в глухом медвежьем углу Тюменской области.

Коля распахивает дверцу своего авто и поправляет белуюю «кремлевского» цвета накидку на сиденье: «Пожалуйста, дорогие гости, здесь вход, а здесь выход». С юром у него все в порядке. Настоящий красный молодец! Даже не верится, что когда-то он работал шофером и «не спровалился». Деню и нощно гонял Коля скот на мясокомбинат в Ишим. Еще один эпизод из жизни деревни. Несколько тысяч голов в те поры стояли возле Чаши, Комиссаровки и Малаховки, а мяса на прилавках все же не было. Видимо, что-то не так с продовольственной программой в нашем государстве! Сейчас голов 400, не больше, наберется в стадах — откуда мясо, рыночное изобилие? Работы у людей не стало. Кооператив — единственный, и тот развалился. Огорченно разводят руками доморощенный «фермер»: «Как жить? Аренда трактора К-700 стоит 1200 в час — столько я и за всю зиму не зарабатываю»...

Учит «раненая» железная лошадка, но все-таки заводится. Коля ее приобрел за 10 тысяч рублей с практической целью — «специально для грязи». И нет проблем: идет вездеход, куда глаза глядят, пританцовывая. Слава Богу, колея вплоть до Комиссаровки усыпала щебнем, а там всего ничего и — Чаша.

Вышли внуки председателя на луг, где растут три тополя. Впереди — простор, река, место, где стояла деревня. Сцена — посреди улицы Культуры. Здесь гости поначалу глядят хотели, пока не застрияли в Нововяткино. Собрались они из разных уголков страны — из Екатеринбурга, Тюмени, Ишима, Иркутска и даже Красноярска. Преодолели многое... Хлестал дождь. Дорогу развелено... До родины оставалось пять верст, но преодолеть этот гибкий отрезок так и не смогли дети родины.

Тихо в деревне, безлюдно, безжизненно. Никакого фейерверка. Так Чаша отпраздновала свой день рождения.

Ушедший из жизни человек чаше
всего обретает памятник. А разве многострадальная российская деревня (село, поселок) не заслуживает памяти? Мы будем благодарны читателям за статьи, очерки, фотопортажи об исчезнувших или исчезающих населенных пунктах.

Александр ДМИТРИЕВ

Князь Голицын и Жан Нотон

(Чусовской железноделательный завод накануне переворота)

Главная проходная
Чусовского завода.
1913–1914 гг.

В 1878 году индустриальный Урал получил долгожданный рельсовый путь, соединивший Екатеринбург дугой через Кушву с Пермью, т.е. с Волжско-Камским бассейном. Зависимость большинства заводов Среднего Урала от сплава «железных караванов» по капризной, изобилующей порогами и отмелами Чусовой тем самым была устранина. Горнозаводская железная дорога (УГЖД) обеспечивала выход металлопродукции региона на Всероссийское торжище – Нижегородскую ярмарку и далее к Москве, Петербургу, Варшаве и за границу.

В следующем году запыхтели паровозы на Лунинской ветке, проложенной от УГЖД к Кизеловским и Губахинским копям. И тотчас около узловой станции «Чусовская», в устье реки Усьвы, французские бизнесмены развернули строительство железноделательного завода.

Привлечь внимание к щедрому уголку Урала его владелец, отставной полковник гвардии, князь С.М. Голицын. Живя во Франции, он хорошо знал обычай ее народа, культуру, экономику. Коль скоро

в металлургии Третьей республики царил застой, ему не стоило труда уговорить директора сталелитейной фирмы в Сент-Этьене Шарля Барруэна организовать совместное «Франко-Русское Уральское АО». Спонсором общества, дивидендами от которого князь надеялся поправить свое расстроившееся состояние, выступил молодой, но быстро прогрессировавший банк «Генеральный Союз» (*T'Union Generale*) во главе с третьим «биржевым волком» Евгением Бонту. На лету ухвативший зерно идеи, тот без лишних разговоров выделил Франко-Русскому обществу кредит, и работа в живописной долине Чусовой закипела. Скоростными руками «отходников» вырубалась лес, поднимались корпуса цехов и жилые дома.

Внезапно этот муравейник новостройки ошеломило известие: казавшийся несокрушимо-могущественным, застрахованным от превратностей фортуны «Генеральный Союз» в одночастье стал банкротом... А дело обстояло так. Напористый и самоуверенный Евгений Бонту сколотил в континентальной Европе нечто вроде банковского консорци-

автор

Александр Дмитриев, доцент кафедры истории и социологии Уральского горного университета. Автор книг: «Тагильская роза», «Ирбитская ярмарка» и др. В «Уральском следопыте» печатались его очерки «Казачье золото» (1993, № 5–6), «Златоустовские кирасы» (1993, № 11–12), «Злоключения твердого червонца» (1994, № 5–6), «Новелла о Тиманской нефти» (2004, № 10) и другие. Живет в Екатеринбурге.

Работники мартеновского цеха. 1908 год

ума, набрал в собственность и арендовал несметное количество промышленных, строительных, транспортных и других предприятий. Благодаря доверчивости крупных вкладчиков, скромный поначалу капитал банка превысил к 1881 г. 100 млн. франков. Прибыльные акции «Генерального Союза» раскупались и обуржуазившейся аристократией, и лежебоками-рантье, и рабоче-крестьянским людом, отдававшим за них нередко последние трудовые сбережения.

Подобно азартному, выслеживавшему «красную дичь», охотнику, Бонту не заметил, как преследуемый им тигр очутился за спиной.

Его промахами воспользовалось международное семейство Ротшильдов, начавшее в условиях экономического спада биржевую игру на понижение. Первый написк «понижательной агрессии» Бонту отбил, лихорадочно скупая выпущенные банком акции. Но разгадавшая маневр противника всеевропейская клика Ротшильдов уже не сомневалась в исходе финального сражения. Достаточно было легкого толчка, чтобы пирамида, возведенная Бонту и К° на шатком фундаменте, превратилась в груду обломков.

Банкротство «Генерального Союза» сопровождалось шлейфом аналогичных явлений, означавших наступление финансового кризиса, во Франции — очень глубокого и на редкость продолжительного. От него пострадало большинство акционерных компаний в самой метрополии и за ее пределами. В частности, утратило

У станции Чусовской.
Фото рубежа XIX—XX вв.

средства к существованию Франко-Русское Уральское общество. Нет, впрочем, худа без добра. Кризис расчистил почву для истинно деловых людей. К примеру, Франко-Русское общество вытащили из трясины даровитые «технократы» во главе с Жаном Боннарделем. Пробным камнем российского бизнеса для Боннарделя и его товарищей явилось АО «Гута Банкова» в Царстве Польском. Французские инженеры терпеливо «вылечили» запущенное предприятие, которое в их умелых руках стало лидером Домбровского горно-металлургического района.

К нам-то и обратился за помощью князь Голицын. Видный аристократ нашел понимание не только у французских предпринимателей, но и у российских властей. Комитет Министров без промедления дал добро на учреждение компании, обязавшейся погасить долги предшественников и производить дефицитные железнодорожные рельсы. Общество, названное Камским, было создано по французскому уставу и допущено к функционированию в России с лета 1884 г. Основной капитал общества, включивший средства обанкротившегося Франко-Русского Уральского общества, равнялся 6,75 млн. франков (36 тыс. акций по 187,5 руб.). Состав держателей «камских бумаг»

Кабинет директора Камского акционерного общества. 1893 г.

был весьма пестрым: купцы, банковские клерки, инженеры, преподаватели, рабочие и мелкие служащие. Контрольный пакет принадлежал, однако, собственникам-капиталистам. Они возглавили и правление. Скажем, председатель правления Ж.Боннардель владел 360 акциями, его правая рука Нейран — 100, и так по нисходящей — до 50—20. Рядовые же акционеры могли купить не более 2—3 акций.

Имущественный взнос князя Голицына оценивался в 400 процентных бумаг, гарантировавших ему 1,5% чистого дохода. Умный князь не тужил по поводу того, что его соседям доставалась большая рента — зато он ничем не рисковал, не

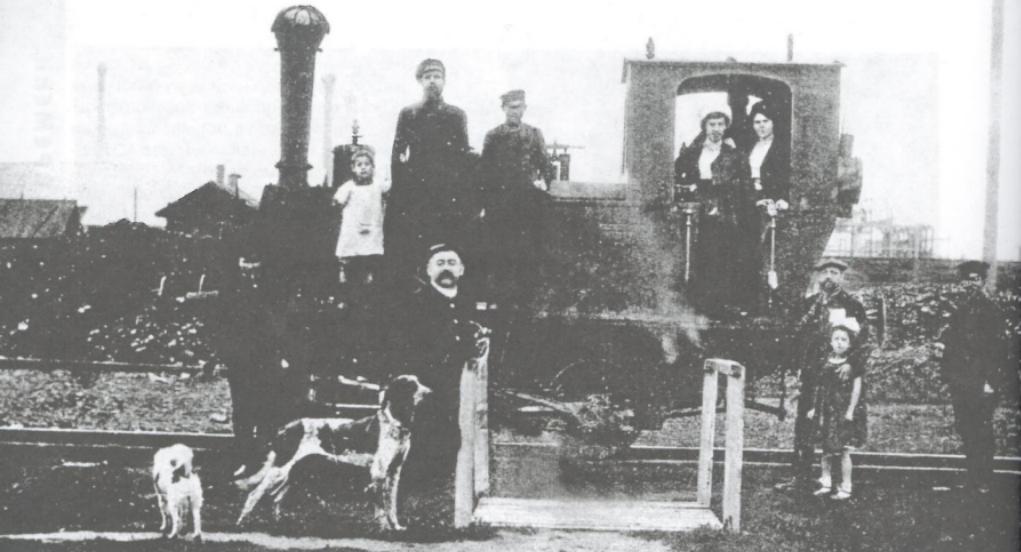
оплачивал «расходы по имению», к тому же сохранял право на добычу «побочных ископаемых» и продажу строевого леса.

Увеличив выпуск металлопродукции в 5—7 раз, учредители Камского АО подвергли «голицынское хозяйство» коренной реорганизации. Один из допотопных, елизаветинской эпохи, заводов-«самоваров» они закрыли вообще. Расширенный, капитально переоборудованный Нытвенский завод стяжал впоследствии славу крупнейшего отечественного производителя кровельного железа. В Паше, рядом с парой «омоложенных старушек», выросли две новейших домны, обеспечивающие марганцовским сырьем головное предприятие. Чусовской завод, в отличие от «собратьев», проектировался универсальным, с полным металлургическим циклом. На нем плавили чугун, варили сталь, изготавливали разнosoортный прокат. Насыщенные передовой техникой предприятия Камского общества занимали по уровню механизации лидирующие позиции в регионе.

Французская администрация, не в пример российской, заботилась коммуникациями и вспомогательными производствами. Арендуемый ею округ имел подъездные ветви к УГЖД, неплохие грунтовые дороги, грузовые суда, лесобиржи.

Правление Чусовского завода. 1909

Заводской паровоз-«кукушка». Начало XX века

В Чусовой изначально, в Пашие и Нытве с течением времени было введено центральное углежжение, позволявшее выкигать древесный уголь непрерывно и удешевлявшее «куренную операцию». Рациональные французы высступили пионерами использования минерального топлива, сберегая древесное горючее для ключевого — доменного процесса.

О преуспевании Общества свидетельствует и выплата его «бумаговладельцам» полновесного дивиденда (60–80 фр. на акцию). Тучнеть бы и наливаться ему скоком и впредь, да помешали известные революционные события. В апреле 1905 г. объявили забастовку рабочие большинства цехов Чусовского завода, требуя повышения расценок, сокращения продолжительности смен, удаления ретивых надсмотрщиков и т. п. Удержать противостояние в мирном русле не удалось. Брань и оскорблении любителей «ежевых рукачиц» вызвали потасовку. Мастерам, злоупотреблявшим штрафами и оплеухами, порядком наняли бока. По тревожному сигналу жандармов к «бунтарям» прибыл наряд полиции, затем вице-губернатор с ротой солдат...

Уговоры дирекции и вице-губернатора не помогли, и главноуправляющий АО принял решение остановить завод. Проходные блокировали военные караулы, а рабочим предлагалось получить расчет. Угроза голодного ничегонеделанья обрушила стачников, подстрекаемых наводнившими поселок агитаторами, безапелляционность уступила место взаимоприемлемому компромиссу.

В итоге соглашения зарплата выросла почти до требуемого бастовавшими уровня, ведущие односменные цеха перевели с 12-ти на 10-часовую (не-прерывную 8-часовую) смену. Заводоуправление

обязалось также возводить ежегодно 40–50 жилых домов. Многие начальники среднего и первичного звена, в т. ч. французы, потеряли должности. Наотрез отказались хозяева уволить только заведующего прокатным производством Молло (искаж. Мале). Простили экспансивному Молло грубоватые выходки и рабочие, оценившие его профессионализм и справедливость. Прокатчик милостью Божьей, Молло подобно иным зарубежным спецам не таился, с искренним желанием передавал знания смекалистым и жадным до работы. За то и уважали «папашу Мале» в поселке, что выпестовал он немало отменных каталей. Бывало порой горячился, покрикивал, так ведь лодыри и пьяницы выведут из равновесия кого хочешь, не только темпераментного южанина...

Кризис рубежа XIX–XX столетий, породивший неслыханную череду банкротств, затяжную депрессию и вспышку классовой борьбы, объективно подталкивал «генштаб» компаний к дальнейшему переоснащению предприятий, внедрению новейших технологий. Под влиянием обостряющейся конкуренции, социальных запросов работающих администрация приобретала агрегаты и механизмы, заменяя энергию пара электрической, укрепляла сырьевую базу. В частности, из-за нехватки собственной руды пришлось арендовать участки на Гороблагодатском и Бакальском месторождениях — у казны.

Металлургическим топливом на предприятиях общества продолжали служить древесное горючее и южно-русский антрацит, энергетическим — каменный уголь Кизела и Губахи. Уголек, однако, был низкосортным, поэтому администрация была вы-

нуждена прикупать минеральное топливо на стороне: у Нобелей, кн. Абамелек-Лазарева, в Донбассе, а позднее — в Анжеро-Судженском бассейне. Ясно, что обходилось дальнепривозное горючее недешево.

Успехи французской компании предопределялись и фактором научно-техническим, и ориентированной на ёмкий рынок специализацией. Наряду с продукцией типично уральской: кровельным и сортовым железом, проволокой — чусовляне освоили и «конек» южно-русской металлургии — рельсобалочный прокат. Особенно славились их мостовые конструкции, выпуск которых был наложен с 1909 г. и непрерывно возрастал. Чусовское происхождение имеют многие железнодорожные мосты Приуралья и Азиатской России. Повсеместное применение нашли балки и швеллеры Камского АО в каркасах промышленных зданий.

Подхлестнутое экономическим подъемом акционирование горнозаводских округов сопровождалось дальнейшей концентрацией и монополизацией производства. Ужесточавшаяся конкуренция на рынке металлов вызывала к жизни карательные, затем синдикатские объединения «Продамет» и «Кровлю». Не отдавая первоначально кому-либо из них абсолютного предпочтения, руководство Камского АО становится членом того и другого. Через сбытовой аппарат «Кровли» оно реализовало листовое железо, а в рамках «Продамета» — сортовой металл (поковки, чугунное и стальное литье, прокат). С учетом удаленности заводов компании от центральных рынков, правление «Продамета» доплачивало к синдикатским ценам 7 копеек за каждый пуд ее продукции. Это уравнивало доходы чусовлян и южно-русских контрагентов синдиката.

Время в трудах-заботах, как известно, летит стрелой... Утомившиеся первоходцы освободили капитанский мостик тем, кто помоложе, расторопнее. Президентское кресло Жана Боннардела, удостоенного звания почетного председателя компании, доверили Луи Нейрану, а позднее — Жюлю де-Бусье. Обязанности главноуправляющего в Чусовском исполнял энергичный, полюбивший Уральский край, Жан Нотон. Обрусевший «Иван Иванович» сплотил вокруг себя дружную команду инженеров-соотечественников и уральцев. Результаты умелого подбора кадров были налицо. Вверенные Нотону предприятия функционировали стабильно, как губка впитывала технические новшества и давали владельцам хорошую прибыль.

К 1913 г. Камское АО занимало по объему производства третье место среди частных округов, после Богословского и Нижнетагильского. Обнаружение геологами столь необходимого уральским домнам коксующегося угля Кузбасса, ёмкий рынок Сибири, открывали перед металлопроизводителями необычайные горизонты. Беспредентный спрос на металлы предъявляли транспортники, машиностроители, зажиточное крестьянство.

«Средневековый» Урал вдруг расправил батырские плечи и устремился вперед... Новые

его хозяева — сливки финансовой буржуазии — денег на ветер не швыряли, подобно вырождавшимся Демидовым, Яковлевым, Белосельским — Белозерским и К*, экономика инвестировалась с умом: строились меридионального направления железные дороги, электростанции, металло-, деревообрабатывающие и химические заводы, элеваторы, холодильники. Нововведения прежде всего затронули «становой хребет» края — горное дело и металлургию.

Появились экскаваторы, драги, турбины, рудничные электровозы, пневмоинструмент, молоты и прессы-гиганты, прокатные станы новейших конструкций, конвертеры, металлоразливочные агрегаты и многое другое. Причем, в отличие от 90-х годов XIX в., всюду, не исключая Камского АО, наряду с импортным широко внедрялось российское оборудование из Петербурга, Риги, Сормова, Луганска...

Август 1914 г. прервал всеобъемлющую модернизацию. Контракты с германскими фирмами были немедленно разорваны. Тянули волынку с заказами и предприятия союзных держав, переключавшиеся на оборонные изделия. Капиталовложения не давали отдачи, так как достройка и оснащение готовых промышленных объектов откладывалась на мирные годы.

Колоссальный расход боеприпасов, неспособность казенных арсеналов покрыть дефицит вооружения убеждали в том, что в золотое времечко вернется не скоро. Вместе с другими частными предприятиями Урала Камское АО перестраивалось на военный лад: за счет сокращения товарного ассортимента резко увеличивалась выпуск спекталей, снарядных гильз и т.п. Работа в военных условиях осложнялась нехваткой топлива, руды, специалистов, тем не менее, с государственными заданиями компания справлялась.

Истекавшая кровью, питавшаяся суррогатами, Германия была уже на волосок от поражения, когда в Чусовой пришла весть о большевистском восстании в Петрограде. Вскоре повстанческая волна докатилась и до Приуралья. Начались экспроприации, расправы с «буржуями и контроль», менеджеры подчинялись рабочему контролю.

В связи с отстранением Чусовским совдепом от руководства должностных лиц компания прекратила финансирование округа. Семьи французских инженеров и мастеров спешно эвакуировались на родину. Упование самовластием длилось, впрочем, недолго. Запасы сырья таяли, продукция в революционной сумятице не находила сбыта, кассы пустовали. Чтобы не допустить катастрофы, Уралсовет в апреле 1918 г. национализировал заводы Камского общества, иначе говоря, подвел юридический базис для финансирования их государством.

Смолкли бои Гражданской войны, искусством управления производством овладевали вчерашние комиссары и мастеровые — «красные директора». То была уже другая страница истории предприятия, творившаяся без иностранных акционеров.

НИЖНЕ-СЕРГИНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ПЛОСКИЙ КАМЕНЬ

Среди моих сверстников это почти легенда. По-местному он почему-то называется не Плоский, а Плотский Камень. Место это находится в верховых Нижне-Сергинского пруда, по правому берегу. Плоский Камень замыкает гряду мелких скал, тянувшихся от Каменного мыса в сторону Первой Петюшкиной городьбы.

Это две больших плоских скалы в виде громадного стула. Спинка «стула» — вертикальная скала, уходящая в воду пруда на большую глубину, и около неё скала-«сиденье», горизонтально расположенная, как бы лежащая в воде. Глубина воды около скал достигает 3-4 метров.

Особым удальством среди ребят считалось, купаясь у Плоского, нырнуть с вертикальной скалы (2-3 метра) в воду и достать дно. Были случаи травм, когда ныряльщик обдирал кожу на голове или животе.

Весной на Плоском Камне всегда было людно: собирались «мелкие» рыбаки удить плотву. Приходили пешком вдоль пруда с Ахманевок, Изволоков (Большого и Малого), с Песков и Дровяныши. Иногда подплывали на лодках ребята из Загорных улиц (Верхней и Нижней). Местные всегда старались их оттеснить с хороших мест, где рыба отменно брала. Добычу считали на «штуки». Хорошим уловом считалось, если поймал больше ста штук. Бывали везучие, которые ловили на удочку до трёхсот штук за световой день.

За Плоским Камнем в пруд впадала мелкая речушка, по которой были непролазные заросли ольхи и крапивы. В этих зарослях по обыкновению вырубались копытки и поперечина для костра. Огонь разводился на поляне над скалой и был виден отовсюду.

На костре варили уху из свежей рыбы или варили раков, пойманных на удочки или сетки тут же у скал. Не обходилось и без грабежа — взрослые ребята отирали у «мелюзги» улов. Обычно этим промышляли изволоцкие.

Частенько на Плоский ходили ватажкой (вдвоём — втроём) с ночевой. Перед закатом солнца в верховых пруда (на Пчельне, в Курьях, в Холодном ложке) светилось множество костров, и сизый дым полосами тянулся в закатных лучах солнца над водой.

За ночь «поночёвщики» обычно «остывали» до дрожи. Утром с восходом солнца слышались от всех костров охрипшие голоса просыпающихся ловцов рыбы или раков. Стук укладываемых в лодки весёл и разной рыболовной оснасти, хрюпавые голоса переговаривающихся в тумане рыбаков, проносящиеся мимо подсвеченные восходящим солнцем ключья тумана, пенье ранних птиц, шорох трав под сырьим утренним ветром. Первые звуки ударов топора, предшествующие разведению утреннего костра для обогрева. Всплески воды на островах — там рыба «ходит». Всё это создаёт неповторимую звуковую гамму прызывающегося дня.

Сырой от выпавшей росы ватник потерял последние запасы тепла. Пора вставать — все уже зашевелились. Вскоре весело заиграл подживленный костер, угли которого доселе дремали в скопившемся с вечера пепле и ленивой струйкой дыма извещали, что очень небольшой запас тепла прячется в обгоревших лесинах. Стоит только разыскать горячие угольки и, бросив на них сухую бересту, раздуть веселый костер.

Обогреввшись и приведя в порядок рыболовные снасти, по росе отправляемся домой. Вдоль берега пруда протоптаная тропка. Земля на ней сухая. Босым ногам тепло, если не задевать свесившуюся на тропу траву, покрытую крупными каплями росы, которая немедленно обдаёт ноги холодным душем.

ЗА ЧЕРЁМУХОЙ

НА БАРДЫМ

Черёмуха — сладкая, слабояжущая ягода, богатство наших лесов, ближайшая родственница вишни, кладезь разных лекарственных свойств и достоинств.

Цветёт, осыпанная пахучими грядьями. Каждая гроздь — как свеча. Пока не отцевла черёмуха — жди заморозки. Самый буйный цвет — конец мая, начало июня. Поспевает в конце августа — начале сентября. Самое время собирать пахучую, сладкую, сизо-чёрную ягоду с косточками, висящую грядьями на кустах и черёмуховых деревьях, которых много по тёмным ложкам и мелким речкам, питающим Бардым, на сырьеватых еланях, у старых остохьев, на вырубках со множеством коряг и выворотней, по старому заболоченному пихтово-еловому лесу.

Идём за черёмухой. С собой берёться: алюминиевая или берестяная пайка, кусок верёвки (метра три или четыре), топор, спички, несколько ломтиков хлеба, варёные яйца, лук, соль. Одежда: лёгкая куртка и брюки из плащёвки, глубокие резиновые калоши — чуни.

Погода теплая, солнечная. Лес весело шумит под небольшим ветерком. Дорога до места не скучная. Скоро выходим на долину Бардима в заросли черёмухи.

Подготавливается дополнительная оснастка: бидон на тёсмеке на шею, чтобы оба руки были свободными, из ивицы вырубается лёгкий шестик длиной два-три метра с крючком (сучком) на конце — для захвата и пригибания веток — и пара иловых колышков длиной около метра с крючками на конце для крепления пригнутых веток с помощью верёвки к забитым в землю колышкам. Обеспечена свобода действий при сборе ягоды.

Рубка черёмуховых кустов и деревьев, как это сейчас практикуется, не производилась — берегли кусты и деревья для будущего урожая.

За ягодой собираются компаниями из двух-трёх человек (обычно две женщины, один мужчина). Подъясан подходящий куст, шестиком захвачены самые плодоносные ветки, концом веревки привязаны к вбитым колышам с крючками. Можно собирать.

Совместными усилиями пригнуты довольно толстые черёмуховые стволы, привязаны к колышам. Женщины топчутся вокруг ветвей, собирая пахучую ягоду. Вдруг слабый вскрик и неподличительная ругань в адрес мужчин. Одна из женщин увлеклась сбором, и её захлестнул конец веревки, удерживавшей наклонённый ствол черемухи. Она топталась около вбитых колышев. Один из них выскочил из земли, ствол черемухи расправился и поднял молодую женщину в воздух. Почти полный бидон с ягодой тянул её за шею, мешая громко крикнуть. Товарки её, занятые сбором, сначала не обратили внимания на происшествие, и только через несколько минут поняли, что соседка находится в подвешенном состоянии. Позвали мужчину и соединёнными усилиями сняли воздушоплавательницу с черёмухи, пригнув ствол в прежнее положение.

День клонился к закату. Разожгли костерок, пообедали и отправились в обратный путь, отягощенные добычей. Потемнело, вышли к домам. Потом рассказ об этом происшествии дополнился тем, что пока подружка висела на дереве, из леса вышел лось, огляделся и, услышав шум, фыркнул и ушёл по еланям.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ Елена Николаевна, переводчица.

Пер., сканд. писателей: рассказы Густава Янсона «Наши дети» («Современник», 1914. № 4); с норв. рассказ М. Сика «Три красные розы» («Совремир», 1912. № 8); пер. с англ. ром. «Морская дева» («Вестн. Евр.», 1904. № 7-8); пер. с нем. рассказ «Сибарит» (Там же, № 9) — Ел.Б.

Масанов; Венгеров. Источ.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ Мария Павловна, переводчица скандинавских писателей.

Сотр. в газ. «День» (М.Б.); пер. с норв. ром. Ионаса Ли «Дочери командора» (рец.: «Рус. мысль», 1904. № 5); со швед. — «Женская доля» Сигурды («Рус. мысль», 1908. № 2); со швед. — ром. Акселя Лундегерда из жизни Генриха Гейне «На смертном одре», СПб., 1911; с норв. К. Гамсун «Редактор Люнге» — в собр. соч., т. 8 (СПб., 1909); со швед. С. Лагерлеф «Сказка о сказке», «Сказание об Иесте Берлинге» — в собр. соч., т. 1. М., 1909; пер. ром. Т. Крага «Мэстор Магиде» (?) («Рус. мысль», 1910. № 9); в соавт. с Измайловым напис. биогр. Кнута Гамсuna по неизданным источникам. СПб., 1910. Изд. «Шиповник»; пер. с дат. ром. Х. Понтопидана «Обетованная земля», СПб., 1913 (рец. в журн. «Заветы», 1913. № 11. С. 174); пер. с норв. «Потерянный отец» Арне Герборга (?) — «Рус. мысль», 1915. № 12; пер. с финск. пов. И. Ланнанкоски (?) «Драма крестьянин» — «Сев. записки», 1915, март; пер. с норв. ром. Амалии Скрам «Карьера Сиверта» — «Рус. мысль», 1917. № 7-8; с норв. — ром. С. Ундет «Ценин» (?) М., 1917; пер. ром. Т. Крага «История одного одиночного» — рец.: «Летопись», 1917. № 1. С. 309, М.Б. авт. очерка «В царстве треки: (Мурманские впечатления)». — «Вестн. знания», 1912. № 3. С. 267-274.

Масанов; Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т. 4. Ч. 1. № 607; РНБ.

БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ Ольга Николаевна (урожд. Беляева), авт. воспоминаний

Учащаяся Калужского епархиального училища. Воспоминания о К. Э. Чиолковском в разделе «Любимый учитель», — в кн.: «Чиолковский в воспоминаниях современников», Тула, 1971, с. 129-158.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 5479.

БЛАГОДУШНАЯ Софья

Авт. кн.: «Как он пошел в народ», т. 1-2, Спб., 1905; авт. повести из жизни русского заграничного духовенства (СПб., 1905).

Венгеров. Источ.

(Продолжение в следующем номере)

Памятник императору и «отвечное» золото Миасса

В Челябинской области, рядом с городом Миассом были найдены россыпи золота. В мировую историю они вошли как «Миасская золотая долина». В самом начале добычи, 180 лет назад, эту местность посетил император Александр I, и ему был поставлен здесь первый на Южном Урале памятник. Да и само это посещение было первым визитом на Урал царствующих особ. В общих чертах история памятника известна. О нем, тоже одним из первых сообщил журнал «Уральский следопыт» (1959, № 9). Но в приведенном ниже рассказе есть малоизвестные детали, и я надеюсь, они будут интересны читателям.

Россыпное золото в этом районе нашел управлятель миасского завода Порозов. Уже в 1823 году в Миассе и его окрестностях намыли 132 килограмма и стали находить повсюду: в реках Атлян, Миасс, Большой и Малый Иремель... Доступность россыпного золота открывала широкие перспективы.

В 1824 году, летом, недалеко от заброшенного Петропавловского рудника шихтмейстер Меджер¹ открыл богатейшую россыпь — в 100 пудах песках (пуд — 16 кг) содержалось более фунта (409,5 г) золота. На этом месте и был заложен присл, который назвали Царево-Александровским в честь здравствующего императора Александра I Благословленного, победителя Наполеона.

Осенью 1824 г. Александр I предпринял большое путешествие по восточным областям Европейской части России. Началось оно из Царского Села 16 (28) августа. Александр I посетил Пензу, Симбирск, Самару, Оренбург, Уфу, Златоустовские заводы, Екатеринбург, Пермь, Вятку, Вологду, Боровичи, Новгород и 24 октября вернулся в Царское Село.

Сообщение о возможном приезде императора в Златоуст получили еще 3 мая 1824 года, то есть

¹ См. о нем в очерке В.Ищенко («УС» 2006, № 8).

Две чугунные плиты с памятника Александру I

до открытия прииска, о котором идет речь. (Первую промышленную добычу золота здесь осуществили с 8 по 18 июля 1824 года. За весь 1824 год было добыто 3 тысячи фунтов и 66,5 золотника (золотник – 4,26 г) – это всего около 1,2 тонны. И дальше в среднем добывали 56 пудов золота в год – до 1861 года, потом меньше. Сейчас Цареградский прииск – это поселок Ленинск).

Начальник горного округа С.П.Татаринов начал готовиться заранее: что было можно, помыли, что не нужно, убрали с глаз, людей для встречи подготовили и научили, что говорить. Татаринов встретил царя по дороге из Уфы в Златоуст – в Тастубе.

21 сентября. В своем дальнейшем отчете Татаринов сообщал в С.-Петербург: «...При входе в кабинет главного заводского управления [Златоуста. – А.Я.] я имел счастье поднести 49 кусков самородного золота весом 34 фунта 8,5 золотника, и изволил Государь держать в своих руках эти самородки... Император отдал указание эти самородки переслать министру финансов...».

Описание этого события сохранилось в летописи Петропавловской церкви г.Миасса за 1890 год (Ныне три книги этой летописи хранятся в фондах Миасского краеведческого музея). Вот выдержки названной летописи:

«В Оренбургской губернии, в Троицком уезде, между Златоустовским и Миасским заводами, простирается уединенная Ташкутарганская долина; проходившие по ней путники до 1823 года не подозревали, что ногами своими попирают богатейшую сокровищницу, в которой хранится отечное золото. В 1823 году Ташкутарганская долина развезла свои золотоносные недра и поистине изумила мир своими самородками. На Урале как будто знали о намерении Императора Александра посетить свои золотоносные пустыни; как будто сама природа с умыслом скрывала Ташкутаргансскую сокровищницу, берегла ее для дорогого Августейшего гостя. ...Наступил небывалый для Урала год: впервые Боговенчанный Владыка пятой части света, именуемой Российской Империей, соизволил с высот Уральского Хребта на рубеже Европы и Азии [скорее всего, на эту же гору поднимался и будущий Александр II в 1837 г. – А.Я.] взглянуть на свои владения в двух частях света. Понять значение и величие нашей великой Державы более осознательно в присутствии Верховного Повелителя многочисленных племен разнородных областей, омываемых двумя океанами, десятком морей и тысячами рек... 22-го сентября, на Златоустовском заводе, беседуя о крае и его достопримечательностях, Государь Император в разговоре изволил коснуться и нового прииска. «Завтра поедем на Мой рудник, – сказал Государь, – и Я буду там работать на Мое счаствие».

...В природе есть неожиданные события, которые легкомысленно считаются счастливой случайностью,

тогда как все эти случаи, видимо, подчинены своему тайному порядку, без которого вся вселенная пришла бы в хаотическое состояние. Отчего, например, за год до Царского приезда открылся именно этот рудник, который доставил России и всему свету самые огромные самородки, и таким образом осталось довольно времени к прибытию императора устроить на нем все работы?.. Отчего в тот же день, 23 сентября, за несколько часов до прибытия Государя Императора, рабочие наткнулись на кусок самородного золота, весом в 8 ф. 7 зол. (3 кг 306 г – А.Я.)? Этим подарком приветствовал прииск своего Августейшего Хозяина. Горный Начальник имел счастье поднести самородок Его Императорскому Величеству.

На прииске с утра уже кипел муравейник рабочих. Государь пожелал в трудах их принять личное участие; поднесли кайло и железную лопату. «Теперь Я буду бергауз», – изволил отозваться Государь. [Бергауз – горный рабочий. – А.Я.]

Император как будто хотел испытать всю обширность этого труда, изволил работать так долго, что возбудил опасение приближенных особ; только их настоятельные просьбы убедили Его Величество оставить работу, плодом коей было 22 пуда золотосодержащего песку. Затем Его Величеству благогодно было видеть ход промывания песков. Сто пудов золотосодержащего песку высыпаны были в вашгердский станок и дали по очистке 60 зол [золотников. – А.Я.] золота.

Государь Император, на память посещения прииска взял в собою это золото и самородок, оставил рудник в совершенном удовольствии. Милости всегда знаменовали Его присутствие: так и здесь. Горного Начальника, Обер-Бергмейстера Татаринова, Государь Император изволил пожаловать кавалером ордена Св. Анны 2 степени¹. Начальник штаба Его Императорского Величества тут же вручил знаки ордена новому кавалеру. [Можно добавить, что за несколько дней до этого, при посещении Александром I Златоустовской оружейной фабрики, царем был награжден и П.П.Аносов орденом св. Анны 3-й степени. – А.Я.].

Нашедшему самородок, от щедрот Монарших, пожаловано 500, рабочим 1550 р., по 50 руб. на человека. [по 50 руб. было вручено 11 чевелкам, которые работали вместе с нашедшим самородок Дементием Петровым 2-м: в одной разработке. Всем остальным 135 рабочим – 1000 рублей. То, что самородок нашел Дементий Петров 2-й, подтверждается и документом из Златоустовского архива: «Книга, данная из Миасской заводской конторы г-ну помощнику управляющего Меджери для записи золотых самородков разной величины, находимых на приисках золотосодержащих песков с мая 1824 по май 1825 года». В ней есть запись от 23 сентября 1824 года: Дементий Петров 2-й нашел самородок 8 фунтов 7 золотников весом, и ему причисляется награда в 387 рублей 50 копеек. Из этой книги известно, что был еще и Дементий Петров 1-й, который

¹Об ордене св. Анны см. «УС»

также находил самородки. В октябре этого же года он нашел 15 самородков, но меньших размеров, чем у Петрова 2-го. — А.Я.].

...Кайло и лопата, которыми работал Император, песок, добытый царственными руками, как драгоценную память для потомства немедленно отправили в музей Златоустовского завода, и на том месте, где Благословенный изволил трудиться, офицеры, бывшие тогда на прииске, соорудили скромный, соответственно их средствам, памятник [под офицерами скорее всего подразумеваются чиновники в форменной одежде. — А.Я.].

Небольшая каменная [четырехугольная, кирпичная. — А.Я.], с двухглавым [распростертыми крыльями. — А.Я.] на вершине орлом, безыскусственными подписями [на одной из граней. — А.Я.] своими свидетельствовали о незабвенном 23 сентября 1824 года. [скорее всего, фотографий этого первого памятника не было, т.к. фотография в России началась только к концу 50-х годов XIX столетия. Возможно, где-то сохранился только рисунок этого памятника. Может быть, в дневниках В.А.Жуковского. — А.Я.].

Прошло с тех пор 23 года. Царево-Александровский прииск оправдал свою знаменитость: со временем своего существования, он дал 500 пудов золота и много самородков в 9, 13, 16 фунтов, но огромнейшие из них были: найденный 25 октября 1826 г. в 24 ф. 68 зол., и наконец исполн — самородок в два пуда семь ф. девяносто два зол., отысканный в 1842 году. Это, поистине чудо природы хранится в институте Корпуса Горных Инженеров. [Это известный золотой треугольник. — А.Я.].

Но всему свое время: с тех пор богатства рудника стали истощаться; пирамида от влияния времени стала приходить в ветхость и угрожать падением, по сему в 1847 году общество офицеров обратилось к Гл. Горному Начальнику заводов Генерал-лейт. Глинке, с просьбою о разрешении подновить пирамиду собственными средствами. [Это обращение написал в виде рапорта подполковник Егор Петрович Ковалевский, путешественник, писатель, член-корреспондент (с 1856 г.) и почетный член (с 1857 г.) Петербургской Академии наук. В 1846—1847 гг. он был директором Златоустовской оружейной фабрики, исполнял обязанности начальника Златоустовского горного округа. — А.Я.].

Получив обращение, Глинка направляет из Екатеринбурга в Петербург рапорт от 25 августа 1847 г. «...господину Министру финансов... в сопровождении чертежа памятника, который предполагается отлит из чугуна с бронзовыми украшениями...». Глинка уже принял перед этим решение, что колонна будет не каменная, а чугунная.

Этот проект министр показал императору Николаю I, и его утвердили: «Согласен», — написал он на документе. После этого началось активное движение по изготовлению памятника. Об этом можно судить по рапорту В.А.Глинке горного начальника Златоустовских заводов и директора оружейной фабрики от 15 января 1849 года.

«Ваше Превосходительство от 31 октября 1847 года за № 4479, возвратив ко мне чертеж, составленный на Вооружение нового памятника, вместо приходящей в разрушение пирамиды на Александровском золотом руднике в Златоустовском горном округе, изволили сделать надлежащее распоряжение, приведении в исполнение этого предположения, согласно воспоследовавшего на то Высочайшего утверждения. Вследствие этого я от 21 ноября того же года за № 12682 относился к Г.Управляющему Кыштымскими заводами и просил уведомить меня: может ли он принять приготовление памятника на управляемых им заводах и что будет стоить сей заказ. На это Г.Управляющий Кыштымскими заводами от 9 ноября сего 1848 года за № 98 ответил: как ему известно, что вообще чугунное литье в Каменском казенном заводе так же ныне хорошо, как и в управляемом им Каслинском, поэтому можно обратиться с означенным заказом в Каменский завод.

Если же по каким-либо обстоятельствам весь памятник отлит и отделать там окончательно будет невозможно, в таком случае все мелкие украшения на памятник и вообще орнаментную отливку он примет на себя, но с тем, чтобы самый корпус колонны, составляющий памятник с пьедесталом, базою, капителью (кроме листьев) и бюстом — отлит был на Каменском заводе, так как крупное литье там идет... хорошо и даже лучше Каслинского, и чтобы потом корпус этот по отливке его частями, по отделке и скреплении был бы доставлен в Касли, где согласно с рисунком будет уже набираться украшение. Причем присовокупил, что для отчетливой отливки украшений потребуется сделать много деревянных и металлических моделей, для резьбы и чеканки которых необходимы хорошие мастера, но как таких в Каслях нет, то нужен будет один искусный резчик на дереве и два чеканщика, равно рисовщик, который умел бы составить и расположить шаблоны и рисунки орнаментом и украшениям в настоящую их величину, сняв оные по масштабу с чертежа памятника. На сих основаниях Г.Петров хотя согласился принять в Каслинском заводе отливку орнаментов и украшений к предполагаемому памятнику, но вслед за тем от 4 сего декабря за № 128 отозвался, что по большому числу украшений в рисунке для памятника назначенных и требующих в работе своей большой отчетливости, нельзя обойтись без резчика и чеканщиков, которых там нет, а заводы Златоустовские снабдить ими не могут, то по этим обстоятельствам, не имея возможности выполнить заказ, он должен от приготовления украшений для колонны и вообще для памятника отказаться.

Доведя о сем до сведения Вашего Превосходительства, имею честь объяснить, что тяжеловесные части, требующиеся на сооружение чугунного памятника, я полагаю без затруднений отлиты на Златоустовских заводах во избежание затруднений в перевозке их с других отдаленных заводов, по вы-

полнению же набора к этому памятнику встречаются затруднения только в приготовлении моделей для сих частей по неимению на вверенных мне заводах резчиков; а потому прилагаю при сем копию с рисунка памятнику, я покорнейше прошу Ваше Преосвященство, не предоставится ли возможность модели на мелкие части памятника приготовить в Екатеринбурге через тамошних резчиков, и в таком случае подрядить их на этот предмет, с тем чтобы модели высланы были в Златоуст в непродолжительном времени вместе с рисунком памятнику; о последующем же почтить меня предписанием.

Полковник (подпись неразборчива),
(подпись канцелярских работников неразборчива...)»

[Скорее всего подпись В.А.Бекмана — А.Я.]

Для выполнения заказа Глинка предпринимает необходимые меры и пишет в Златоуст горному начальнику: «...Вы доносили мне, что для отливки на управляемых Вами заводах памятника есть только одно затруднение — в приготовлении моделей для памятника. Вследствие этого, затребовав в Билимбаевском, графа Строганова, заводенского резчика, отправив его Вашему Высокоблагородию. После окончания работы резчика отправить обратно в Билимбаевский завод». Этим резчиком был Афанасий Никифорович Тарханов — об этом можно судить по его расписке за полученные «кормовые» деньги в сумме 90 копеек на 6 дней. Это деньги на дорогу, затраченные на корм лошадям.

Теперь опять продолжим летопись: «...Удостоенный Высочайшего утверждения [Утвердил проект собственоручно Николай I. — А.Я.] проект сей приведен в исполнение на Златоустовском заводе [имеется в виду организационная, руководящая роль, возможно, что какая-то часть, выполнялась и на других заводах, а Златоуст все собрал и установил памятник. — А.Я.] в 1849 году и по частям оттуда перевезен и установлен на месте в 1850 году».

Памятник представлял из себя достаточно сложное архитектурно-скульптурное произведение. Основанием его служило прямоугольное помещение высотой около 2,7 м, длиной 4 метра, шириной 2 метра. Вначале проект памятника не предусматривал этого нижнего помещения, но когда начали устанавливать колонну, то выяснилось, что место низкое, и колонну плохо видно. Поэтому и было сооружено это нижнее помещение. На верхней части основания (помещения) лежали три чугунные плиты от наибольшей к меньшей толщиной около 15 см. На этих плитах лежала более толстая — четвертая плита. А на ней уже стоял массивный металлический куб, верхняя плоскость которого переходила в круглый столб колонны. По верхним углам этого куба располагались двуглавые орлы с распростертыми крыльями. На боковых плоскостях этого куба противоположно укреплялись по две плиты с надписью: «Государь император Александр I соизволил добыть своими державными руками золотосодержащих песков 22 пуда 1824 года сентября 23 дня». На двух других плитах — барабель военных доспехов, выполненных в римских традициях.

Сама колонна была украшена непрерывной спиральной лентой с растительным орнаментом. Навершием служила изящная коринфская капитель. Венчал колонну бюст Александра I, поднимавшийся

Памятник Александру I

на «ножке» над плоскостью капителя. Бюст был выполнен в классических римских традициях в «героическом» стиле, облачен в римскую тогу, скрепленную на плече фибулой. Ориентировочная высота колонны с кубом составляла 7,4 метра, высота бюста 0,8 метра, а общая высота памятника – 11 метров. Можно заметить сходство основной части этого памятника с «Александрийским столпом», открытый на Дворцовой площади в С.Петербурге 30 августа 1834 года.

Проект уральского памятника предполагал изготавление круглой колонны как из чугуна, так и из темного камня. Предусматривалась четкая проработка многочисленных сложных декоративных деталей памятника. Возглавляя строительство архитектор Златоустовских черных заводов Ф.А.Тележников. Где именно изготавливали отдельные части памятника, сказать затруднительно. Скорее всего, основное производство было сосредоточено в Златоусте с некоторыми заказами на другие заводы. Надо отметить достаточно быстрые темпы сооружения памятника. Если на начало (январь) 1849 года шла еще бумажная переписка, то уже в феврале 1850-го началось строительство. Возчики Андрей Артамонов и Иван Аблин, начиная с февраля 1850 года, перевозили из Златоуста на Царево-Александровский прииск отлитые из чугуна детали. Сборка происходила на месте, и руководил всей работой Ф.А.Тележников. Начальник Златоустовских заводов (в то время им был П.П.Бекман) регулярно сообщал Глинке о выполнении работ.

В своем рапорте от 1 сентября 1850 года он сообщает, что памятник на Царево-Александровском прииске открыт и освящен 30 августа. Но, скорее всего, он был открыт без бюста Александра I. Вот что об этом говорит Златоустовский архив. В марте 1851 года из конторы Миасского завода (управление приисками относилось к нему) поступает на Златоустовский завод письмо с просьбой поспешить с отливкой бюста для памятника Александру I на Александровском прииске. К маю бюст был готов и бронирован. В аналогичном по теме письме из Миасса в Златоуст от 18 мая 1851 уже выражается просьба перевезти бюст на место и установить. Вполне возможно предположить, что это и было сделано летом 1851 года. Имя скульптора, чья модель послужила основой для данного бюста, пока не установлено, но можно предположить, что это Бертень Торвальдсен, так как он в 1820-х годах выполнил бюст Александра I с натуры, т.е. Александр I ему лично позировал, и стиль исполнения бюста у Торвальдсена классический, римский, т.е. «героический» и в тоге.

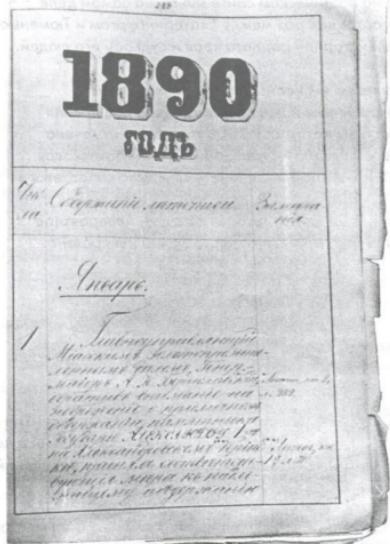
Нижнее, прямоугольное помещение памятника выполнено из белого кварца. Собственно говоря, жильное золото из этого кварца и добывалось. В верхней части помещения была сделана ниша с овальным сводом, которая закрывалась ажурными дверцами-решеткой. В этой нише, в специальной раме, хранилась икона, сработанная Садоффьевым

Мраморная призма, установленная в 1997 году

в июне 1851 года. Вот после всего этого памятник летом 1851 года и обрел оконченный вид.

Вернемся опять к летописи Петропавловской церкви г.Миасса. «...Главноуправляющий Миасским золотопромышленным делом. Генерал-майор А.Н.Бориславский, обратив внимание на небрежение о приличном содержании памятника Государю Александру 1-му на Александровском прииске [скорее всего, после установки памятника за ним никто специально не следил, и он пришел в некоторое запустение. – А.Я.], принял соответствующие меры к надлежащему поддержанию монумента. Самый памятник и окружающая местность очищены и разбиваются садик; для присмотра нанят постоянный сторож, отставной георгиевский кавалер из последней русско-турецкой войны [сторожей было два. – А.Я.]; в нишу памятника вставлена новая икона Св. Александра Невского художника Малова, ценою с рамой, 100 р.с. [рублей, серебром. – А.Я.] и пред нею будет поддерживаться неугасимая лампада; дважды в год, 25 декабря и 30 августа, будут совершаться у памятника панихида; минувшего декабря совершился Протоиреем о. Александром Малышевым, в присутствии главноуправляющего и других служащих, первая панихида о приснопамятном Посетителе приисков. При памятнике хранится приведенная в обновленный вид записная книга, озаглавленная так: «Лица, посещающие сей памятник, сооруженный в воспоминание того

Первая страница летописи за 1890 год

события, что Державный в Бозе почивший Император, Александр I 23 сентября 1824 года своими собственными руками добыл на этом прииске 22 пуда золотоносных песков, благоволяет расписаться в сей книге. Инструменты — кайло и лопата — сохраняются у самого образа, и находится часть добытого Его Величеством песку» [лопата и кайло хранились в помещении из белого кварцита, на котором и стоит колонна. — А.Я.]

Книга, о которой идет речь, до настоящего момента не найдена, но в цитируемой летописи есть некоторые выдержки из нее. «...В записной книге собственноюочно расписалось уже более 250 почетных посетителей, от канцелярского служителя до особ царствующего Дома. Особенно выдающиеся посетители: Генерал от артиллерии Глинка (1855 г.), Корпуса горн. инженеров генерал Э.Гофман (1856), Генерал-майор Иосса (1856), Генерал-майор Фелькнер (1857), Герцог Николай Лейхтенбергский (1866), Его императорское Величество Великий князь Владимир (1868 г., 4 июля), Генерал-адъютант Крыжановский (1868), Генерал-адъютант Первовский (1868) [скорее всего, бат губернатора Оренбургского края — Борис Алексеевич. — А.Я.], свиты Его Величества Контр-адмирал Бок (1868) [скорее всего, они сопровождали Владимира Александровича. — А.Я.], Генерал-адъютант граф Левашев (1878), Князь Куракин (1880), Барон Гинсбург (1879), Генерал-майор и главнокомандующий

приисками А.Н.Бориславский (1890), Горный начальник Златоустовского округа, действительный статский советник Вейденбаум (1890) и др.».

К рассказанному можно добавить еще некоторые интересные моменты. Весной 1837 г. наследник престола, будущий Александр II, путешествовал по России. Его сопровождал наставник Василий Андреевич Жуковский. В своих дневниках он отмечает: «...от 9 июня: Переезд из Златоуста в Верхнеуральск. С Аносовым и Меньшениным в тарантасе поrossыпам. Царево-Александровск с монументом Александру...». Значит, будущий император был еще у старого, в виде пирамиды, памятника, поставленного в честь приезда Александра I.

Памятник на Царево-Александровском прииске имеет и дальнейшую историю. По рассказам старожилов, в 1924 году «приехали из города представители новой власти, памятник разрушили и что-то увезли с собой». По тем же рассказам, саму колонну сбросили в находящееся рядом болото (хорошо бы организовать экспедицию по поиску). Через 18 лет была найдена первая чугунная плита от этого памятника — одна из четырех боковых плит с барельефом римских доспехов. Привезла плиту в музей жительница Миасса. С тех пор плита хранится в Миасском краеведческом музее.

Бюст Александра I с этого памятника (а может быть и не с этого, так как следов бронзирования, те, кто видел этот бюст, не отмечают) долгое время хранился в том же музее, но вне фондов, в сарае. С началом перестройки, в конце 80-х годов, бюст исчез. Потом похожий бюст «всплыл» у челябинских коллекционеров, я тоже видел этот бюст, но в то же время особого внимания на него не обратил. Говорят, что, возможно, бюст находится у кого-то в Челябинске, а может, уже и в Москве.

История с находкой второй чугунной плиты (с текстом) известна. В 1984 году в Миасский краеведческий музей приехал житель поселка Ленинска (Царево-Александровский прииск) и рассказал, что переделывая в своем доме печь, он обнаруживал плиту, которая была верхней частью очага, т.е. на ней готовили пищу. Нижняя часть плиты с литыми буквами непосредственно соприкасалась с пламенем топки. Но несмотря на длительную эксплуатацию, она практически не пострадала, что говорит о высоком качестве чугуна. Найденную привезли в музей, где она сейчас и находится.

В 1997 году, к 200-летию первой находки Евграфом Мечниковым золота на реке Ташкутарганке, в Ленинске директором Миасского краеведческого музея Николаем Николаевичем Мигуном была установлена глыба мрамора в виде четырехугольной прямой призмы высотой примерно два метра — с соответствующей надписью.

Выражаю благодарность коллективу Миасского краеведческого музея и его директору за предоставленные материалы.

Команда Искателей Приключений представляет

Наталья БЕРДЮГИНА

Алексей СЛЕПУХИН,

действительный член Русского Географического Общества, врач, путешественник

Наследие Предков

Ни для кого не секрет, что миром правят интересы. Причём эти интересы бывают разные, но результат всегда один и тот же – желание добиться своего превышает всевозможные затраты. Опустим банальные моменты, касающиеся сребролюбия или стяжательства.

Остановимся на духовных поисках, что могут облагородить наши души, оторвав любого человека от меркантильного мира действительности мегаполисов.

В последнее десятилетие я стал замечать чёткую тенденцию среди людей разного социального уровня к истокам древних цивилизаций. Особенно среди наших соотечественников. Мы, россияне, с упоением осваиваем территории иностранных держав, не уставая восторгаться, прежде всего, высококлассным сервисом. Причём предъявляя к нему (сервису) свои строгие требования, словно у нас в обыденной жизни только так всё и делается. Но это отступление.

Среди заморских диковин, которые мы исправно посещаем, есть и такие, что на первый взгляд кажутся невразумными и малоинформативными, а значит, не интересными. Но, несмотря ни на что, к ним ежегодно устремляются сотни тысяч туристов. Эти путешественники приезжают на край земли, тратя довольно приличные суммы денег, дабы увидеть и прикоснуться к их молчаливым телам.

Речь идёт о так называемых мегалитах. В это довольно обширное понятие – «большие камни» (а именно так и переводится с латыни этот термин) – учёные включают большое разнообразие древних каменных построек и одиночных фигур.

Да и сами судите. Массы путешествующих особ приезжают в Англию поглязеть на камни Стоунхендж или погулять по каменным проспектам французского Карнака; россияне во время черноморского отдыха с удивлением знакомятся с дольменами Абхазии. Всё это туристические Мекки, общепринятые, чье значение я нисколько не пытаюсь умалять. И только счастливчики да специалисты могут позволить себе посмотреть и другие замечательные мегалитические памятники, о которых большая часть населения нашей планеты в своей обыденной жизни даже не подозревает. Я имею в виду дольмены Колумбии возле Сан-Августина, мегалитах Куско в Перу, мощной мегалитической плиты в ливанском

Баальбеке, уникальнейшего Ле Гран Менгрип Бризе или мощного дольмена «Фавриникс» во Франции. А ведь есть и комплексы Ньюгрэндж в Ирландии и Куэда де Менга (Испания), Венгуннату в Индии. Да мало ли ещё чего можно загадочного лицезреть на нашей планете. Был бы интерес....

Упоминая все эти памятники и сооружения древности, я намеренно не расшифровывал их. Сейчас же хочу привести классификацию мегалитических памятников, дабы проще было воспринимать данную информацию. Итак, археологи придерживаются такого мнения:

- 1. Менгиры, или стоячие камни.
- 2. Дольмены – каменные столы и гробницы.
- 3. Кромлехи – дугообразные каменные сооружения.
- 4. Аллеи: километровые каменные аллеи.
- 5. Каменные круги.

Все названные категории очень важны и интересны для истории, для специалистов, изучающих мир, прошедший не один виток развития, и, конечно, для любителей.

Для нас, жителей Урала, этот разговор тоже не лишён смысла, т.к. жива на водоразделе между двумя огромными древними континентами, некогда существовавших по отдельности, будет пре любопытно узнать, что и мы можем соприкоснуться с древними тайнами.

В последние несколько лет на юг Челябинской области хлынул поток любопытных познакомиться с протогородом, или Городом Ариев. И хотя Аркаим может похвастаться немногим: разве что незаконным участком поселения да редкими находками – желающих побывать там с каждым годом всё прибавляется. Но и в этом случае мало кто из этих путешественников обращает внимание на менгиры и круговую кладку, а также балбалы («каменные бабы»), стоящие в степи. Это почти всегда остаётся вне зоны интереса туристов. А жаль. В этих молчаливых свидетелях давно ушедших времён скрыты многие тайны....

Но это далеко на юге Урала.

У обитателей Среднего Урала есть свои мегалитические постройки, о которых мало что известно. Организованные группы посещают их редко.

сов мне в задницу! — вместо приветствия сказал Яков.

Все обернулись в его сторону.

— Что, Яков, проспался? — несмотря на штурм, капитан был совершенно спокоен. — А нас, видишь, эка место, как пушинку вертит. Того и гляди на рифы бросит.

— Бог не выдаст — свинья не съест, — ответил Яков, смотря на суетящихся на юте матросов. — Что онитам с блинд-реей возятся? Не могут парус-блинд затянуть, что ли? У, скумбрии сухопутные.

Яков сплюнул на пол и подошел к вахтенному, борющимся со штурвальным колесом.

— Что, братец, помочь?

— Не, пока самправляюсь. Я сейчас на подвахту уйду.

Яков все равно встал рядом. Вдвоем шло легче.

— Слыши, братец, не знаешь к чему смерть снится?

— Нет. Оно же по-разному бывает. Может болезнь, а...

— Душат когда?

На мостик вбежал матрос и обратился к капитану:

— Игнатий Карпович, в трюме течь. Людей мало, с палубы четверых за борт швырнуло. Рангоуты вот-вот обломает.

— Хорошо. Яков и ты, Потап, спуститесь в трюм. Посмотрите, что там.

Яков со вторым помощником бросились выполнять приказ капитана. Корабль как ореховую скорлупу кидало то на правый, то на левый борт. Метровые волны накрывали палубу, грязь оверкилем. То и дело скрывались в пучине ящики и судовой такелаж, а иногда и люди. Давно «Золотая лань» не бывала в таких передрягах.

В тот момент, когда Яков ступил на палубу, раздалась перекрывающий шум океана треск ломающегося дерева. Держа равновесие на гуляющей под ногами палубе, он развернулся и увидел идущий на него, ломающий шхуну, торчащий из воды риф. Яков быстро рванул прочь от разлома. Вновь налетевшая волна подхватила его и со всей силы бросила на трамбур. Обломок бизань-мачты легко пронзил грудь.

Яков проснулся. Последний луч солнца жег грудь. «Говорят же, что нельзя спать на закате, так нет». Натянув трико и легкую ситцевую рубашку, он пошел в пивную, где вечерами собирались вся округа.

Народу в пивной было немногого. Взяв две кружки, Яков легко нашел место. Пил не спеша. Торопиться было некуда — Галина в Крыму, дети у тещи в деревне.

Народ прибывал. Вскоре появился институтский друг и коллега Якова.

— Игнат! Давай ко мне.

Игнат тоже взял две кружки и присоединился к Якову.

— Ты вчера где пропал? Я весь вечер один просидел.

— Настроения не было. Меня в обком вызывали. План горит. Премия в квартал попетела.

За разговором пиво исчезало быстро. Взяли еще по две. Незаметно подкрались сумерки. В десять пивную закрывали.

Пьяные и полупьяные люди пошли в разные стороны. Расстались и Игнат с Яковом.

Напротив дома был небольшой сквер. Добрые люди установили скамейки, на которых днем сидели мамаша с детьми, а вечерами кучковались уже подросшие дети, способные обходиться без мамаш.

Домой идти не хотелось. Яков сел на скамейку насладиться прекрасной августовской ночью. Думать ни о чем не хотелось, и он просто смотрел на немногозвездное небо. Приближающиеся шаги вернули его к реальности. К его лавочке направлялся детина огромного роста.

— Дядя, дай огоньку.

Яков не испугался. Он достал из кармана коробок. Сунул себе в рот сигарету. Чиркнул и поднес горящую спичку к лицу парня. Хмель прошла мгновенно. Он узнал Потапа.

Год назад по его, Якова, инициативе осудили этого парня за тунеядство.

Потап раскурил папиросу. Подняв голову от огня, смутно затянулся и, сказав спасибо, пошел дальше. Яков смотрел вслед как завороженный, пока спичка не обожгла палец. Бросив так и не зажженную сигарету, он поспешил домой.

В подъезде было темно. Старые деревянные лесенки скрипели и стонали на весь дом. Перед самым вторым этажом, при очередном шаге, под ногой Якова не оказалось ступеньки. Черная пустота пошатнулась и кубарем полетела, ударяя Якова по всему телу. Последнее, что он почувствовал, как сочится теплая липкая кровь.

Яков проснулся. Липкий пот сковывал движения. Вылезая из-под одеяла, он взял с тумбочки мобильник и позвонил секретаршу.

— Привет, Галчонок! Что у нас на сегодня намечено?

— Встреча с немцами. Обед с генпрокурором. Интервью первому каналу. А вечером презентация.

— Слушай, Галь, а там нигде полчасика свободного нет? К психиатру бы надо показаться. А то, похоже, у меня ностальгия по совку начинается. Сон приснился, будто я опять в бараке подмосковном живу.

— Ну, если только перед обедом. С немцами раньше закончим.

— Ну, посмотри как лучше. Ты же у меня умница.

Приняв душ и выпив кофе, он облачился в кардениловский костюм. Вышел в холл. Дремавшие на диване телохранители повскакивали.

— Все, по машинам, ребята, — крикнул Яков, и все потянулись к выходу.

Перед парадным стояли два черных автомобиля — лимузин и джип. Ребята прыгнули во вторую машину, а Яков сел в лимузин. Дверцу ему открыл шофер.

— Потап, прессы где?

— В машине.

— Ну тогда в путь. Давай сначала к Галке. Ее заберем, а там в офис. С фрицами общаться будем. Ты, Потап, шпрехаш по-немецки?

— Нет, мне языки в школе не давались.

— Ха. Не давались.

В прекрасном расположении духа Яков открыл первую утреннюю газету. Его внимание привлекла статья о заказном убийстве. Жертвой был его хороший знакомый, с ним вместе они начинали бизнес, Игнат.

Вспомнились первые перестроечные годы, легкие деньги в неготовом к рынку государстве. Не то что теперь. Мафия, киллеры. Яков достал мобильник.

— Галчонок, газеты смотрела?

— Нет еще.

— Игната убрали. Ты узнай, когда похороны и, если ничего важного не намечено, пометь, что надо на кладбище съездить. И закажи венки, соболезнования в газету. Ну, короче, все, что надо, сама понимаешь.

— Поняла.

Читать газету больше не хотелось. Воспоминания накатывали, и Яков не сразу заметил, что машина остановилась.

Взглянув вперед, он увидел карету скорой по-

мощи, преградившую путь лимузину. Дальше все происходило, как в замедленном кино.

Яков увидел: как открываются двери скорой, как оттуда выскакивает человек в черной маске и бросает что-то в его машину, как лопается лобовое стекло, как пламя врывается в салон лимузина. И лишь потом услышал взрывы.

Яков проснулся. Тело жгло. Невыносимая боль охватила все тело. Он заревел.

Услышав плач, к кроватке подошла няня, Галина Павловна. Взявшая руки, спросила:

— Что, жжет?

— Да, — Яков заревел еще громче.

— А я тебе говорила, будешь много на солнце гулять — горишь, и никакая сметана не поможет.

Нянини слова Якова успокоили. Он засыпал.

— Ну что ты, Яшенька, успокойся, — няня гладила по голове и дула на спину. — Все пройдет. Успокойся, не плачь. Вот Игнатьй Карпович, батюшка твой, приедут с ярмарки — гостица привезут.

Яков успокоился и, всхлипывая, сказал:

— Сон мне, няня, страшный приснился. Будто горю я весь огнем. И огонь тот вокруг.

Яков снова заплакал. Няня прижалась его к себе и, подумав: «Знать, ад мальчишке привиделся. Спаси его, Господи» — начала убаюкивать...

Команда Искателей Приключений представляет

Наталья БЕРДЮГИНА

Алексей СЛЕПУХИН,

действительный член Русского Географического Общества, врач, путешественник

Наследие Прецков

Ни для кого не секрет, что миром правят интересы. Причём эти интересы бывают разные, но результат всегда один и тот же – желание добиться своего превышает всевозможные затраты. Опустим банальные моменты, касающиеся сребролюбия или стяжательства.

Остановимся на духовных поисках, что могут облагородить наши души, оторвав любого человека от меркантильного мира действительности мегаполисов.

В последнее десятилетие я стал замечать чёткую тенденцию среди людей разного социального уровня к истокам древних цивилизаций. Особенно среди наших соотечественников. Мы, россияне, с упоением осваиваем территории иностранных держав, не уставая восторгаться, прежде всего, высококлассным сервисом. Причём предъявляя к нему (сервису) свои строгие требования, словно у нас в обыденной жизни только так всё и делается. Но это отступление.

Среди заморских диковин, которые мы исправно посещаем, есть и такие, что на первый взгляд кажутся невзрачными и малоинформативными, а значит, не интересными. Но, несмотря ни на что, к ним ежегодно устремляются сотни тысяч туристов. Эти путешественники приезжают на край земли, тратя довольно приличные суммы денег, дабы увидеть и прикоснуться к их молчаливым телам.

Речь идёт о так называемых мегалитах. В это довольно обширное понятие – «большие камни» (а именно так и переводится с латыни этот термин) – учёные включают большое разнообразие древних каменных построек и одиночных фигур.

Да и сами судите. Массы путешествующих особ приезжают в Англию поглядеть на камни Стоунхенг-джа или погулять по каменным проспектам французского Карнака; россияне во время черноморского отдыха с удивлением знакомятся с дольменами Абхазии. Всё это туристические Мекки, общепринятые, чье значение я нисколько не пытаюсь умалять. И только счастливчики да специалисты могут позволить себе посмотреть и другие замечательные мегалитические памятники, о которых большая часть населения нашей планеты в своей обыденной жизни даже не подозревает. Я имею в виду дольмены Копумбии возле Сан-Августина, мегалитов Куско в Перу, мощной мегалитической плиты в ливанском

Баальбеке, уникальнейшего Ле Гран Менгир Бризе или мощного дольмена «Гавриникс» во Франции. А ведь есть и комплексы НьюГрэндж в Ирландии и Куэва де Менга (Испания), Венгунатту в Индии. Да мало ли еще чего можно загадочного лицезреть на нашей планете. Был бы интерес...

Упомянув все эти памятники и сооружения древности, я намеренно не расшифровывал их. Сейчас же хочу привести классификацию мегалитических памятников, дабы проще было воспринимать данную информацию. Итак, археологи придерживаются такого мнения:

Древние каменные сооружения делятся на пять основных категорий:

1. Менгиры, или стоячие камни.
2. Дольмены – каменные столы и гробницы.
3. Кромлехи – дугообразные каменные сооружения.
4. Аллеи: километровые каменные аллеи.
5. Каменные круги.

Все названные категории очень важны и интересны для истории, для специалистов, изучающих мир, прошедший не один виток развития, и, конечно, для любителей.

Для нас, жителей Урала, этот разговор тоже не лишен смысла, т.к. живя на водоразделе между двумя огромными древними континентами, некогда существовавших по отдельности, будем прелюбопытно узнать, что и мы можем соприкоснуться с древними тайнами.

В последние несколько лет на юг Челябинской области хлынул поток любопытных познакомиться с протогородом, или Городом Ариев. И хотя Аркаим может похвастаться немногим: разве что незаконным участком поселения да редкими находками – желающих побывать там с каждым годом всё прибавляется. Но и в этом случае мало кто из этих путешественников обращает внимание на менгиры и круговую кладку, а также балбалы («каменные бабы»), стоящие в степи. Это почти всегда остаётся вне зоны интереса туристов. А жаль. В этих молчаливых свидетелях давно ушедших времён скрыты многие тайны....

Но это далеко на юге Урала.

У обитателей Среднего Урала есть свои мегалитические постройки, о которых мало что известно. Организованные группы посещают их редко.

Уральские дольмены

Их первооткрыватель А.А.Бодрых уже несколько десятков лет с завидным упорством ищет и собирает по крупицам все сведения по ним, пытаясь доказать свою теорию возникновения этих мегалитических памятников и всё, что связано с дольменостроителями. И хотя официальная наука не дала своей «добро» на эти объекты и пока не может с точкой сказать, каков их возраст и предназначение, поиски подобных памятников продолжаются. И тем отраднее осознавать, что не так далеко, не «за тридевять земель» находятся сии достопримечательности. Но даже географическая близость уральских дольменов не может найти серьёзного отклика среди наших земляков. И снова жаль.

Эти сооружения разные. Некоторые из них небольшие, порой покосившиеся и «помятые» временем, какие-то хорошей сохранности. Часть – большие, оправдывающие название «больших камней», а другие не более полутора метра в длину. Но каждый уникален.

Приглашаем Вас на небольшой маршрут, посвящённый некоторым дольменам.

Первый дольмен

Впервые на каменные сооружения в уральских лесах обратил внимание верхнепышминский краевед Анатолий Архипович Бодрых в 1958 году. Человек необычный, очень эрудированный, геолог по профессии, он первым начал изучение дольменов. С тех пор в местной газете, в журнале «Уральский следопыт», сборниках краеведческих чтений стали появляться статьи о мегалитических постройках. Ими заинтересовались и учёные. Летом 2003 года археологами из НПЦ по изучению и охране памятников истории и культуры были проведены раскопки двух дольменов в лесах Верхнепышминского района.

К сожалению, первый дольмен разрушается растущей рядом сосной, и это участок многих его «собратьев». Он имеет типичное строение: две боковые стенки-плиты, плита-крышка и задняя стена, образованная насыпью камней. Она сделана в виде кургана. Это является особенностью наших уральских каменных столпов. На крышке этого дольмена стоит массивный камень в виде пирамиды. Назначение его неизвестно. Но хочется отметить, что во время своих поисков мы неоднократно сталкивались с подобными камнями. Здесь, у этого дольмена мне хотелось бы остановиться на версии еще одного Верхнепышминского краеведа – Владислава Григорьевича Непомнящего. Он считает, что дольмены выполняли исключительно бытовую функцию – служили печами. Но на наш взгляд – это было бы просто нерационально. Прогреть такие массивные камни очень и очень непросто. Есть указания на то, что в камерах дольменов можно хранить продукты – там прохладно. Опять же очень трудно с этим согласиться. Вокруг лес, очень много мелких грызунов: мышей, бурундуков, белок. Все продукты очень быстро ими разворуются.

А мы с вами направляемся к раскопу, в котором работали археологи в 2003 году. Второй дольмен разрушен. Но зато мы можем попробовать представить себе, как он выглядел изнутри.

Фундамент довольно глубоко – примерно 50 см. В основании лежит массивная каменная плита, расположенная под углом приблизительно в 30 градусов. Как выглядят дольмен, в настоящее время представить трудно. К сожалению, сегодня это просто груда камней. Сохранились только фотографии, сделанные краеведами. Что же было найдено археологами во время раскопок? Да практически ничего! Только несколько осколков керамики, которые датировались XVII–XVIII веками. Вероятнее всего, они были занесены сюда охотниками или углежогами. Еще более печальная участь постигла другой дольмен, разобранный археологами. По просьбе администрации города Среднеуральска, они реконструировали его. Он был поставлен у городского музея. Простоял недолго – был разрушен вандалами. Дальнейшая судьба незавидна.

Ваштынский дольмен

Лес, по которому мы с вами идем, охраняется верхнепышминским лесничеством. К сожалению, настоящей бедой стали в последнее время несанкционированные вырубки. Но страдает не только лес. Под гусеницами бульдозеров погиб не один дольмен. Поэтому одной из основных задач, которые ставит перед собой наша коллектива, является привлечение внимания к мегалитическим постройкам и ученых и органов власти. Мы считаем, что только совместные усилия помогут сохранить и изучить эти уникальные сооружения.

Мы с вами находимся на берегу озера Вашты. Это любимое рыбаками и охотниками место. Маленько, чистое лесное озеро привлекало, по всей видимости, и древних людей. Буквально в 50 метрах от него находится дольмен. Нам с вами предстоит его найти.

Как вы видите, это довольно большое сооружение. Задняя его часть покрыта дерном. Все как и у предыдущих мегалитов: массивные боковые стены, курган на месте задней стены, большая верхняя плита – крыша. Но есть и особенность. Вы видите, что вход в камеру закрывают три плиты. Возможно, их количество не случайно, так как мы встречали подобные притворы еще у нескольких дольменов во время своих поисков. И еще мне хотелось бы обратить ваше внимание на камень, стоящий в 1,5 метрах от дольмена. Вы видите, что это вертикально стоящая каменная пирамида. Подобные пирамиды довольно часто встречаются в наших лесах. Скорее всего, все они естественного происхождения. Но в этом случае, камень может играть роль менгира, защищающего дольмен, подобно мениграм, сопровождающим некоторые дольмены, расположенные на территории Шотландии.

Меня наполняет восторг от мыслей, что эти камни были свидетелями многих событий, утерянных и неизвестных нам, ныне живущим. И пусть эти

памятники пока не защищаются государством (вот дойдёт ли до этого дело, ещё вопрос!), но то, что они существуют, уже очень интересно. Вообще организовать настоящее путешествие довольно не просто. Оно должно завораживать, в нём должно по сути своей быть интрига, авантюра, если хотите. Тогда это будет настоящее путешествие! Каждый раз, ведя группу по такому пока непопулярному маршруту, я вижу, как загораются глаза моих спутников. И хорошо, что после небольшого знакомства с дольменами они во всех камнях, что встретят на своём пути, будут искать дольмены.

Если вы заинтересованы заглянуть на страницу истории неизвестной уральской цивилизации, обращайтесь, мы с удовольствием вместе попытаемся открыть этот удивительный мир, ускользающий от нас, но оставляющий в качестве связующего звена эти молчаливые камни....

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

ПОД СЕМЬЮ МОСТАМИ

ЗАГАДКА
ЛАМПОЧКИ
ПОЛЕНОВА
ВСТРЕЧИ
С МЕДВЕДЯМИ

НАШИ ЛА

АРБУЗНАЯ РЕКА
или
ДОБРЫЕ ЛЮДИ НА СКАЛАХ
ЧТО ДЕЛАТЬ,
КТО ВИНОВАТ
И КТО СКАЗАЛ ПАМЯТЬ
НАГРАЖДЕННЫЕ
И ЗАБЫВШИЕ
ВАС ЖДУТ УН

ПАМЯТНИК РАЗВЕДБАТУ
И ВНОВЬ ДРАКОНЬЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

ПУТЬ ШАМАНА
В МИРЕ ДУХОВ

УРАЛЬСКИЙ № 1 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 2 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 3 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 4 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 5 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 6 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 7 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 8 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 9 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 10 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 11 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

УРАЛЬСКИЙ № 12 2006 2006
следопыт
Российский журнал о природе и культуре Урала

СЛЕДОПЫТ

Российский журнал
с 70-летней историей

ЛИТЕРАТУРА
ГЕОГРАФИЯ
ИСТОРИЯ

Будем рады
подружиться с
новыми читателями
Наш подписьной
индекс – 73413

**На страницах
журнала для Вас:**

- ◆ Уникальные материалы о самых интересных моментах истории Урала
- ◆ Современные проза и поэзия
- ◆ Путешествия и приключения
- ◆ Экстремальный туризм
- ◆ Фоторепортажи
- ◆ Конкурсы

Внимание!

Для учащихся, учителей, школьных библиотек и учебных заведений в редакции проводится льготная подписка! 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.

Телефоны: (343) 257-45-01, 257-36-62.

www.uralstalker.ru

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2006, №9 (591)

